

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. АКМУЛЛЫ

45 ЛЕТ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Сборник научных статей и воспоминаний,
посвященный памяти доктора исторических наук,
профессора Янборисова Марата Хабибовича

УФА 2021

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОГО, ПРАВОВОГО
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

**45 ЛЕТ
В НАУКЕ
И ОБРАЗОВАНИИ**

*Сборник научных статей и воспоминаний,
посвященный памяти
доктора исторических наук, профессора
Янборисова Марата Хабибовича*

Уфа 2021

УДК 930.1

ББК 63 г

С-65

45 лет в науке и образовании: Сборник научных статей и воспоминаний, посвященный памяти доктора исторических наук, профессора Янборисова Марата Хабибовича. 29 июня 2021 г. — Уфа. КП РБ Издательство «МИР ПЕЧАТИ», 2021. – 228 с.

В сборник вошли статьи ученых-историков, отражающие многообразие научных интересов профессора Янборисова Марата Хабибовича, а также воспоминания коллег, друзей и родных о его жизни и деятельности. Данное издание будет полезно специалистам в области истории, культурологии, этнографии и краеведения, а также аспирантам, магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется наукой.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор: Р.З. Алмаев – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории БГПУ им. М.Акмуллы

Составитель сборника: А.И. Кортунув – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории БГПУ им. М. Акмуллы

ISBN 978-5-9613-0704-7

© БГПУ им. М. Акмуллы, 2021

© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Профессор М.Х. Янборисов (краткая биография)</i>	7
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
<i>Абдуллаев Н.А. М.Х. Янборисов и вопросы методологии истории</i>	9
<i>Горбунов В.С., Мкртчян Г.М. Об особенностях модернизации нефтедобычи Башкирской АССР в советский период (1930-1960-е гг.)</i>	17
<i>Зайнетдинов Ш.Р. Факторы евразийства в социокультурном развитии Башкортостана (рубеж XIX-XX вв. – конец 1930-х гг.)</i>	30
<i>Зиязетдинов Р.М. Развитие библиотечного дела в Башкирской АССР в 20-30-е годы XX в.</i>	42
<i>Калимуллин Р.Р. Рационализаторская и изобретательская деятельность в развитии научно-технической революции в 1950-1960-е гг. (на материалах Среднего Поволжья)</i>	50
<i>Кортунов А.И. Казачье общество дореволюционной России и возможности использования опыта патриотического воспитания казачьей молодежи в современных условиях</i>	56
<i>Кузнецова И.П. Государственная политика в сфере охраны материнства в Башкирской АССР в годы хрущевских реформ</i>	60
<i>Мухаметов П.А. Формирование патриотизма у студентов высших учебных заведений Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.</i>	69
<i>Саипова К.Д. Влияние репрессивной политики советского государства 1930-х годов на этнодемографическую ситуацию в Узбекской ССР</i>	74
<i>Сафин Ф.Г. Национальные школы Башкирской АССР в 1920-1930-е годы</i>	82
<i>Таипов Р.Р. Подходы к развитию ИТ-сектора Российской Федерации на основе анализа профессиональной деятельности Б.И. Рамеева</i>	102
<i>Тимиргазиева А.И. Политика советского государства по отношению к исламу в 1950-1960-е годы (на примере развития высшего образования в БАССР)</i>	114
<i>Фархиятов М.Н. Последняя публикация А.-З. Валиди Тогана об Ибн Фадлане</i>	119
<i>Чигрина А.И. Некоторые проблемы образования, науки и культуры Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны в освещении документов партийных и государственных органов</i>	131
<i>Щербаков А.С. Изучение малых этнических групп в Башкортостане: обзорный очерк</i>	143

**ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ И РОДНЫХ
О ПРОФЕССОРЕ М.Х. ЯНБОРИСОВЕ**

<i>Акманов А.И.</i> Образ исследователя: профессор Марат Хабибович Янборисов	159
<i>Алдашов А.Н.</i> Марат Хабибович Янборисов: каким я его помню	162
<i>Алмаев Р.З.</i> Он гордился своей кафедрой (памяти М.Х. Янборисова)	164
<i>Баишев И.Н.</i> Он не умел быть равнодушным (памяти М.Х. Янборисова)	170
<i>Гарипов Р.К.</i> Ave, Marat! Moritūri te salūtant (с лат. – Славься, Марат! Идущие на смерть приветствуют тебя...)	175
<i>Иванов А.О.</i> Большая история от большого человека	177
<i>Иванов В.А.</i> «Ничего, ничего, ребята, все будет хорошо...»	181
<i>Кременская Ю.В.</i> «Навсегда с нами...»	188
<i>Терегулов Ф.Ш.</i> Слово о коллеге	200
<i>Тимиргазиева А.И.</i> Наставник в науке и жизни	201
<i>Умилина А.О.</i> О Марате Хабибовиче	205
<i>Хазиев В.С.</i> «Нет человека – нет истории». О дружеских беседах-спорах с профессором М.Х. Янборисовым	210
<i>Хамитов Э.Ш.</i> «От толкового ассистента до маститого профессора»	216
<i>Янборисов Т.М.</i> «Профессор Янборисов Марат Хабибович – мой папа, друг и учитель»	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале нынешнего года невосполнимой утратой для Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы стал безвременный уход из жизни доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Отечественной истории Янборисова Марата Хабибовича, которому 29 июня 2021 года исполнилось бы 70 лет.

Боль от потери близкого по духу и делу человека заставляла искать возможные пути продления связи с ним. Уже на церемонии прощания у автора этих строк появилась мысль о выпуске памятного сборника, приуроченного к юбилею дорогого для всех нас Марата Хабибовича. Выход в свет настоящего издания представляет собой своего рода способ увековечить светлую память об этом замечательном Человеке, известном ученом, талантливом преподавателе.

Профессор Янборисов – это целая эпоха в жизни Университета. Здесь он проработал 45 лет и внес огромный вклад в развитие исторической науки, системы высшего образования. Марат Хабибович был авторитетным руководителем. Но самое главное – он воспитал не одно поколение педагогов и при этом всегда пользовался огромным уважением и любовью студентов.

На наш призыв участвовать в этом издании охотно откликнулись 29 авторов. Многие из тех, кто имел возможность тесно общаться с Маратом Хабибовичем, сочли своим долгом и не упустили возможности выразить таким образом свою признательность, восхищение и глубочайшее уважение к этому незаурядному Человеку. Среди них – преподаватели, лаборанты родной кафедры и Института, руководители Университета, известные ученые из Академии наук РБ, Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Института истории языка и литературы УФИС РАН, Уфимского государственного нефтяного технического университета, Башкирского государственного аграрного университета, Уфимского юридического института МВД России, Актюбинского регионального университета им. К. Жубанова, Национального университета Узбекистана, друзья и коллеги с межфакультетских кафедр Университета, аспиранты, выпускники факультета, члены семьи. География авторов включает в себя города – Москву, Нефтеюганск, Уфу, Актобе, Ташкент. Надо сказать, что круг лиц, с кем Марат Хабибович поддерживал профессиональные и дружеские отношения, был необычайно широк. При нем кафедра сотрудничала и продолжает сотрудничать не только с ведущими вузами России, но и стран СНГ. Многочисленные

ученики профессора Янборисова добились высочайших успехов в профессиональной карьере. Например, один из его аспирантов сегодня занимает должность заместителя министра цифрового развития государственного управления Республики Башкортостан.

Сборник состоит из двух частей. В первую часть включены научные статьи. Профессор М.Х. Янборисов, как ученый-историк, посвятивший свою научную деятельность вопросам отечественной истории и культуры XX века, объединил коллег в деле осмысления методологии, политического, национально-государственного, социально-культурного развития советского прошлого. В исследовательских статьях представлены новые источники и новое видение ряда актуальных научных проблем.

Второй раздел сборника состоит из личных воспоминаний, написанных членами семьи, коллегами и учениками профессора М.Х. Янборисова. В основе многих воспоминаний – наиболее яркие эпизоды общения с этим многогранным творческим человеком. Читая эти воспоминания, чувствуешь огромное уважение со стороны авторов к этой незабываемой Личности. Особое место в этом разделе занимают воспоминания Юлии Викторовны Кременской – жены Марата Хабибовича и их сына Тимура, студента исторического факультета нашего Университета – воспоминания о профессоре и любимом отце. Эти публикации являются замечательным первоисточником, раскрывающим перед нами неповторимый внутренний мир Марата Хабибовича, его переживания и поступки, которые он, возможно, не замечал, но которые так восхищали окружающих. Повествования авторов дополнены подборкой фотографий разных лет, воскрешающих в памяти яркие страницы жизни и деятельности этого замечательного человека, его семьи.

Надеемся, что наш сборник поможет ощутить масштаб и неординарность личности профессора М.Х. Янборисова и на долгие годы сохранить память о нем.

*к.и.н., доцент, заведующий кафедрой
Отечественной истории БГПУ им. М. Акмуллы*

Р.З. Алмаев

ПРОФЕССОР М.Х. ЯНБОРИСОВ **(краткая биография)**

Марат Хабибович Янборисов родился 29 июня 1951 года в городе Красноярске, в семье кадрового военного.

После окончания в 1973 году исторического факультета Башкирского государственного университета два года служил во внутренних войсках МВД СССР в должности командира взвода и в звании лейтенанта.

Далее связал свою судьбу с Башкирским государственным педагогическим институтом (в настоящее время – Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы), которому посвятил 45 лет своей жизни.

С 1975 по 1977 год работал ассистентом кафедры истории БГПИ. С 1977 по 1980 год учился в очной аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С ноября 1980 года Янборисов М.Х. вновь работал в Башкирском госпединституте сначала ассистентом, с января 1982 года – старшим преподавателем, с февраля 1986 года – доцентом.

В декабре 1990 года Янборисов М.Х. поступил в очную докторантуру на кафедру истории Московского педагогического государственного университета. Тема его исследования: «Партийно-государственная политика в области культуры. 1917-1941 гг.».

В декабре 1993 года защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в диссертационном совете МПГУ.

С января 1994 года вновь работал на кафедре истории БГПИ доцентом, с 1995 года – профессором. В 1997 году был избран заведующим кафедрой истории Башгоспединститута, в 1999 году – заведующим кафедрой истории и экономической теории Башгоспедуниверситета.

С 2009 по 2020 год являлся заведующим кафедрой Отечественной истории Института исторического и правового образования (ныне – Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования) БГПУ им. М. Акмуллы.

Профессор М.Х. Янборисов широко известен и как организатор науки и высшего образования в Республике Башкортостан. Много лет он входил в Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по отечественной истории при Башкирском государственном университете. В этом Совете защитили свои диссертации многие ныне действующие ученые-историки Башкортостана.

Марат Хабибович Янборисов – автор более ста научных работ, книг, монографий, учебников, учебно-методических пособий. Его труды помогают постигать ход развития важнейших политических и культурологических процессов XX века, анализировать их и критически оценивать.

Широкую известность среди ученых и специалистов имеют его книги «Культурное развитие Республики Башкортостан: политический аспект проблемы. 1917-1941 гг.» (Уфа, 1993), «Концептуальные основы партийно-государственной политики в области культуры. 1917-1941 гг.» (Уфа, 2007) и другие. Под руководством профессора Янборисова подготовлен проект «Концепция патриотического воспитания в Республике Башкортостан», который прошел общественные слушания и был одобрен Госсобранием – Курултайем РБ в марте 2019 года.

За большой вклад в развитие науки и многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность Марат Хабибович Янборисов удостоен званий «Отличник образования Республики Башкортостан», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки России. Творческая биография ученого освещается в 7-м томе Башкирской энциклопедии.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

*Н.А. Абдуллаев,
д.и.н., профессор кафедры истории и религиоведения
Актюбинского регионального университета им. К. Жубанова,
Республика Казахстан
(г. Актобе)*

М.Х. ЯНБОРИСОВ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

В советской исторической науке одной из приоритетных проблем исследований являлась история культуры. Из десятков исследователей данной сферы следует выделить уфимского профессора Янборисова Марата Хабибовича, оставившего молодым исследователям ряд актуальных исследований. Из его научного наследия следует то, что культура в общем, а национальная, в частности, составляет важнейшую качественную характеристику общества [5]. В значительной мере состояние повседневной жизни определило этапы развития существующих цивилизаций. Об этом свидетельствуют теории и дефиниции, предлагаемые исследователями для фиксации новых реалий современного мира, в том числе и советской культуры.

В любом историческом исследовании советского периода, даже в таком, где система фактов преобладает над обобщениями, объединяющим стержнем является ее методология. Идеи, концепции, теории социально-гуманитарного характера явно обнаруживаются или подспудно присутствуют в историческом исследовании, а потому и у историка. М.Х.Янборисов в своих научных публикациях придерживался вывода о том, что серьезный труд не обходится без ценностных категорий, почерпнутых из политико-идеологических течений [6].

И еще весьма ценный вывод исследователя о том, что задача каждой науки — выяснять ее законы. Однако в отличие от законов природы закономерности общественного развития не все научные школы считали жесткими, неизменными. Отдельные исторические школы «объявляют исторические общественные законы лишь простыми тенденциями», объясняя тем, что «общественные условия являются более сложными, вследствие чего в сфере общественных явлений

отдельные законы еще в большей степени, чем в природе, проявляются лишь как тенденции».

В социально-гуманитарной науке недавнего советского прошлого преобладающим был взгляд на историю как линейный процесс, ведущий только к якобы высшей и неизведанной идеальной форме социальной организации. Не только историческая, но и вся общественно-политическая наука того периода была перенасыщена выражениями вроде «поступательный ритм всемирной истории», «неумолимый поток событий», «развитие всемирно-исторических эпох» органически связанных с прогрессивными общественными формациями, имеющими одну направленность. Существование спора между сторонниками и противниками законов и закономерностей истории, в сущности, сводилось к тому что: «история предсказуема» — заявляли одни, «история не предсказуема» — утверждали другие. Примечательно, однако, что значительная часть исследователей признавали существование «законов истории» как аксиому, но конкретно их не формулировали.

В исследованиях данного автора превалирует вывод методологии о том, что историческое знание, как и любое иное научное знание, предполагает выявление причинно-следственных связей. При этом возникает соблазн установления законов. Однако закон — это фиксация человеком часто повторяющейся связи между фактами. Он помогает, как и гипотеза, человеку ориентироваться в мире бесчисленных фактов. В историю же человечества входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные, факты. Если каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение, то история не знает повторений, поэтому говорить о законе истории — значит не понимать закона.

В случае достаточной определенности исторический закон должен служить безупречным прогностическим инструментом. Однако объект истории, как известно, находится не в будущем, а в прошлом. Историк занимается реконструкцией прошлого, но при этом методы этой реконструкции значительно различаются между собой, не говоря уже о том, что субъективность исследователя никто никогда не оспаривал.

Как известно ряд представителей научных исторических школ ставят под сомнение существование «законов истории», а известные из них относились

скептически к «законам истории», не считая их предметом самой исторической науки. Задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы, а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было попользования предсказывать будущее, как бы изучение прошлого ни помогало в иных случаях предвидению того, что может быть или наступит. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемый исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что принято называть любознательностью на разных ее ступенях — от простого любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знаний.

Полагаем, что термин «закон» появился в исторической науке в качестве заимствования. Взятое из сферы юридической со смыслом принудительного правила, веления высшей силы, примененное затем в математике и механике в качестве обозначения аксиомы, это слово переходит к биологам и социологам. В пестрой массе переплетающихся конкретностей органической и общественной жизни, конечно, нет места для безошибочного принудительного действия простых правил, потому что ограничительные условия чрезвычайно велики и разнообразны [1, с. 89].

Поиск закономерностей исторического процесса, хотя и не часто находятся в поле зрения отечественных историков, тем не менее, остается среди фундаментальных проблем академической науки. Итак, имеет ли история направленность или какой-либо смысл? М.Х. Янборисов правомерным считает утверждение о том, что в зависимости от ответа возникают две концепции методологии истории: смысла никакого нет, есть только бесконечное повторение одного и того же; смысл есть, и история есть непрерывное поступательное движение. Наиболее яркое выражение первой концепции — теория круговорота, второй — теория прогресса. И та, и другая теория подвергались и подвергаются критике [2, с. 127].

Представления об историческом прогрессе частью исследователей XX века связывалось с формационной теорией. В основе «экономического (или исторического) детерминизма», связываемого с прогрессом, лежали две концепции: вера в человеческий разум, идущая от эпохи Просвещения, и убеждение в

примате экономики, вытекающее из марксизма. Как мотивы и даже факторы исторического процесса они не могут исключаться. Можно подвергнуть сомнению только их абсолютный приоритет и единственность.

При всей значимости государственной власти будет правомерно отдавать должное и другим формам надстройки — праву, религии, философии и т.п. В конце XIX начале XX вв. сторонники формационной теории истории ввели вывод об абсурдности утверждения о том, что «исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций». Констатируя в истории наличие периодов застоя или даже сдвигов назад, они отметили, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад ненаучно, теоретически неверно» [3, с. 149]. На самом же деле мировые войны, бесчисленные локальные конфликты, гражданские катаклизмы, мировые кризисы — лишь некоторые противоречивые явления в историческом процессе, показывающие, что он не только поступательный, прогрессивный, но временами и регрессивный. Обратимость исторического процесса сопряжена и с такими наблюдаемыми явлениями, как революция и контрреволюция, реформы и реакция.

Имела свое место и искусственная теория о «законах истории», совершив подмену понятия «социологическая закономерность» понятием «закон истории». Социологические закономерности предполагают выявление, установление связей и отношений между социальными явлениями и процессами. Они могут касаться только того общего, что наблюдается в развитии общества, но история показывает вместе с тем и нечто уникальное, единичное и неповторимое, что не может обобщаться законами. Социологические закономерности представляют научные гипотезы, которые более или менее правильно отражают действительность на определенном этапе, но могут перестать действовать на другом.

Эти же закономерности, но не «законы истории» объясняют некоторые существенные черты исторического процесса. Научная заслуга сторонников формационной оценки истории состоит, в частности, в показе значения социальной борьбы, а не в ее открытии. Когда же она была возведена в разряд «законов истории», само содержание исторического процесса обеднялось, сужалось. Крити-

чески оценив эту точку зрения, ряд исследователей утверждают, что «... необозримая масса иного рода человеческих поступков и стремлений всех веков должна быть лишена всякого смысла» [4, с. 24].

Прогноз основателей формационного подхода к истории об абсолютном и относительном обнищании трудящихся в промышленно развитых странах не оправдался, однако сама социальная борьба не исчезла: она приняла разнообразные формы (кроме экономической — политическую и теоретическую) и расширила границы в мире. В развитых странах мира социальная борьба и в XXI в. несколько притупилась в связи с большой дифференциацией в положении немущих групп, повышением его жизненного уровня и демократизацией в обществе. Социальные конфликты переместились больше на периферию промышленно развитых стран, и в страны с переходной экономикой, где они нередко приняли форму национально-этнических столкновений. Ярким примером этого являются политические события начала XXI в. арабских странах и Ближнем Востоке, странах Евразии.

В научных школах социально-гуманитарного профиля бытуют иные объяснения исторического процесса кроме как обострения социальных отношений, граничащих открытой борьбой за права. Так, в античную эпоху, в Римской империи борьба за права и власть велась в то время между патрициями и плебеями, тогда как между этими социальными группами населения не было отношений эксплуатации. При феодализме основными антагонистическими слоями были дворяне и крепостные. Хотя крестьянские войны имели место, но главные бои за власть велись между дворянством и буржуазией.

Как известно, в историческом процессе значительную роль играют три фактора: идеи, экономика и социальные конфликты. При этом, ход истории не является «линейно прямым». К примеру, в истории подавляющего большинства государств социальные конфликты в обществе происходили из-за четырех проблем: отношений к собственности, власти, правде, свободе выражения мыслей. Концепция социального конфликта, которая имела и имеет место во всех регионах планеты и в разное время, объявляет главным общественным противоречием отношение господства и подчинения вне связи с социальной дифференциацией.

И в исследованиях культуры Башкирской АССР советского периода, М.Х. Янборисов уделяет достаточно много внимания данному методологическому аспекту.

Предсказание истории равносильно научному управлению обществом встречаются и на уровне правительственных экспертов в качестве прогнозов на будущее. Но они не входят в ремесло историка. Есть и большие объективные трудности. Даже в странах с высоким уровнем государственного контроля над экономикой и обществом оказались непредвиденными некоторые важные общественные процессы. К примеру «пытаться управлять общим ходом современных обществ на уровне полного и рационального знания, - значит впасть в иллюзию».

В то же время не следует исключать альтернативность выбора в историческом процессе. При этом к «случайностям» относится и характер людей. Действительно, история не может быть в точности предопределена хотя бы потому, что человеку свойственно ошибаться. Жизнь полна примеров, когда временное недомогание или иррациональное поведение человека, занимающего место во властной структуре, имело непредсказуемые и даже разрушительные последствия.

Движущие силы истории — не только экономика, а в ее основе технический прогресс, но и масса других факторов духовной, культурной и политической жизни конкретного общества. При этом человек — далеко не «винтик» и не «капилляр», подчиняющийся действию одного единственного императива.

Из вышеизложенного смеем утверждать, что универсальных «законов истории» нет и не может быть. Даже когда объявляется законом решающая роль народных масс или отдельной личности, то тут же добавляется, что роль тех и других нельзя сбрасывать со счета. Альтернативность общественного развития всегда ставит перед субъектом возможность выбора варианта поведения. Именно поэтому экономические законы, — а это более или менее устойчивая историческая закономерность, — не обязательно указывают верный вектор человеку, как ему нужно поступать в том или ином случае.

По этому поводу будет правильным утверждение о том, что историческое знание не в состоянии дать единственную версию, обязательную для всех, объясняющую общества, эпохи и культуры, ушедшие в небытие. Сторонники этого

подхода не признавали законов истории. Соглашаясь с распространенным представлением о том, что историю делают люди, они вместе с тем утверждали, что «история слагается из индивидуальных действий, но всеобщая («глобальная») история не является обязательно результатом намерений ее действующих лиц («авторов»), а намерения их, за исключением немногих случаев, никогда не являются научным объяснением социальных фактов». В действительности, данный тезис-вывод заслуживает внимательного отношения к нему и безусловного учета в исследовании.

В сложной системе общественных отношений нет линейной, однозначной зависимости одних событий от других. Всегда действует множество причин и факторов. Законы общественной жизни проявляются не в фатальной неизбежности результатов, а в виде господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. На историю нельзя смотреть как на последовательное развитие жестких законов.

В связи с этим следует подчеркнуть, что среди историков во все времена не было одномерного понимания истории, как только поступательного процесса. Точки зрения отрицания «законов истории» придерживались группа исследователей в начале 80-х годов прошлого столетия, а в 1981 году в книге «Практика и историческая наука» поднимался достаточно убедительно. Своеобразную позицию занимали известные специалисты исторической методологии, которые отмечали: «Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайностей, а главное — многообразная деятельность человека обуславливают его многовариантность».

Судя по его научным трудам, М.Х.Янборисов был больше склонен к выводу, о том, что история — объясняющая, а не теоретизирующая наука. В системе социально-гуманитарных наук она занимает ключевое место, ибо историческое сознание является незаменимой составной частью национальной культуры. История не повторяется, и все же человечество всегда изучало свое прошлое, искало в нем примеры, выводы, рекомендации для настоящего и будущего. Если история и не устанавливает закономерности, тем не менее, предлагает опре-

деленную систему оценки, классификации и обобщения фактов, без которой невозможно найти «ключи» к истолкованию громадного количества накопленных фактов.

Из выводов М.Х. Янборисова следует выделить то, что каждый момент истории — это представление о прошлом, соответствующее достигнутому уровню знаний. Поскольку общество постоянно находится в движении, в развитии, то соответственно изменяются, не могут стоять на месте и способы его познания. Объективизации исторического исследовательского труда способствуют два фактора — внутреннее стремление историка к постижению истины и известная общественная потребность в знании подлинных фактов и обоснованных суждений о них. Поэтому в исторической науке постсоветских республик уделяется пристальное внимание воссозданию реальной и объективной отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Н.А. Вопросы теории истории. Алматы, 2005. 193 с.
2. Бранский В.П. Социальная синергетика как современная философия истории // *Общественные науки и современность*. 1999. №6. С.117-127.
3. Калинин Э.Ю. Методологический анализ статуса нелинейности в естествознании // *Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления*. М., 1994. С. 148-161.
4. Карр Э.Г. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка. Алматы, 1997. 208 с.
5. Янборисов М.Х. Культурное развитие Республики Башкортостан: политический аспект проблемы. 1917-1941 гг. Уфа, 1993. 356 с.
6. Янборисов М.Х. Концептуальные основы партийно-государственной политики в области культуры. 1917-1941 гг. Уфа, 2004. 24 с.

В.С. Горбунов,
д.и.н., профессор кафедры
Всеобщей истории и культурного наследия
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)

Г.М. Мкртчян,
аспирант Башкирского государственного
педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НЕФТЕДОБЫЧИ БАШКИРСКОЙ АССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1930-1960-Е ГГ.)

Республика Башкортостан, без сомнения, занимает достойное место в развитии нефтедобычи в стране. И для этого имеются все основания. Нефть является символом и гордостью Башкортостана, основой его экономики. Еще в довоенные годы БАССР, образно говоря, превратилась во «Второе Баку» и тем самым нефтяники края внесли огромный вклад в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны. Нефть послужила также основой развития мощного топливно-энергетического комплекса Башкирской АССР и вывела её в число промышленно-развитых регионов страны. И сегодня Башкортостан остается республикой нефти, занимая ведущее место в Российской Федерации по ее добыче и переработке.

Естественно, данный аспект не остался без внимания у историков Башкирии. По истории нефтедобычи и нефтепереработки в крае имеется обширная литература - научная, научно-популярная и публицистическая. К настоящему времени, среди научных изданий, заметным явлением представляется докторская диссертация Р.М. Зиязетдинова, в которой многие аспекты, связанные с проблемами нефтедобычи обстоятельно рассмотрены [10]. В ней, также, содержится обстоятельная историография и библиография по данному вопросу.

Однако, обращение авторов данной статьи к проблеме модернизации нефтедобычи связано с тем, что в большинстве опубликованных работ содержатся зачастую только обобщенная характеристика инновационных процессов.

Поэтому, одной из важных задач авторы видят в анализе и рассмотрении результатов поэтапного внедрения технических и организационных инноваций в нефтедобыче в Башкирской АССР в советский период.

Говоря о становлении и развитии нефтедобычи в БАССР нельзя не подчеркнуть роль КПСС и Советского государства в развитии и укреплении топливно-энергетического комплекса в стране и республике. К сожалению, начиная с постсоветского времени, многие авторы стараются избегать рассматривать ведущую роль КПСС и советского правительства в решении всех проблем, которые стояли перед страной в условиях идеологического противостояния и вызовов капиталистической системы. Между тем, всё, что происходило в стране, не могло решаться иным путем [14; 15].

Так, в марте 1938 года СНК СССР и ЦК ВКПб приняли постановление «О развитии новых нефтяных районах». В нем намечались конкретные мероприятия по усилению в ближайшие годы ряд трестов, в том числе и «Башнефть». Предусматривалось выделение дополнительных фондов материально-технического снабжения новых нефтяных районов, куда была включена Башкирия [14, с. 378]. Затем, на протяжении всего советского периода, КПСС напрямую и через Башкирский обком партии, проводила в жизнь все планируемые мероприятия по развитию нефтедобывающей промышленности в стране, и, в том числе, в Башкирской АССР [15].

Изучение процесса нефтедобычи в республике в динамике привело ряд авторов к обоснованию целесообразности разделения ее на три периода: 1 – 1932-1944, 2 – 1944-1955, 3 – 1956-1967 гг. [20]. В одной из статей, мы, выделили также, три периода, но они не совпадают, с периодизацией, предложенной Э.М. Халимовым, М.М. Саттаровым, Ю.З. Зайнетдиновым, М.Н. Галлямовым, поскольку нами рассматривался более широкий диапазон - с 1930-х годов до начала XXI века [5, с. 47-53]. Однако, любая хронология периодов истории нефтедобычи в Башкирии весьма условна и необходима, в первую очередь, для того, чтобы более конкретно проследить пути и характер модернизации этого трудоёмкого и наукоёмкого производства.

Наверное, прежде чем рассмотреть суть характерных процессов данных этапов, следует, на наш взгляд, обратиться к небольшому экскурсу в историю техники бурения, с тем, чтобы отчетливо представить его уровень развития в советский период.

Бурение – одна из основных технологий освоения недр. История буровых работ содержит свидетельства и факты, связанные с первыми опытами бурения земли, зафиксированных в археологических и архивных источниках. Имеются документированные факты, согласно которым, бурение скважин для добычи рассолов с последующей выпаркой соли было известно еще в средневековье на севере Руси, что отражено в находках следов таких деревянных скважин-труб, сохранившихся на территории Вологодской и Костромской областей. Дальнейшее развитие бурения связано, в первую очередь, с тем, что оно стало применяться для добычи нефти. Ручное разведочное бурение на нефть было впервые опробовано еще в конце первой половины XIX века.

Толчком к развитию отечественной нефтяной промышленности стало создание «Закаспийского торгово-промышленного товарищества» В.А. Кокорева и П.И. Губонина, которое в 1874 году было преобразовано в первую в мире акционерную вертикально-интегрированную нефтяную компанию – «Бакинское нефтяное общество». Привлечение в нефтяную промышленность акционерного капитала создало основу для ее технического перевооружения.

В результате для бурения нефтяных скважин стали использовать технологию ударного бурения на металлической штанге, аналогичную технологии бурения рассолоподъемных скважин [4, с. 9-10].

Дальнейшее развитие технологии бурения связано с его механизацией, то есть, с использованием специальных буровых станков с приводом от паровой машины. Среди отечественных буровых станков наиболее известными были станки горного инженера А.Н. Соколовского и бакинского механика-самоучки Муртузы Мухтарова. В литературе имеется информация о том, что станки системы М. Мухтарова использовались на бакинских промыслах очень долго, вплоть до середины 1930-х гг.

Оригинальную конструкцию бурового станка для ударно-канатного бурения разработал инженер О.К. Ленц. Суть его нововведения заключалась в использовании небалансирного станка с перекидным шкивом, а также в замене клапана (парашюта), служащего для ручного сбрасывания ударного снаряда в забой скважины на упорный фонарь, устанавливающийся в обсадной трубе.

В результате, сбрасывание ударного снаряда производилось автоматически при достижении глубины, на которой в скважине был установлен упорный фонарь [18, с. 42-53]. Применение на практике буровых станков ударно-канатной конструкции, позволило увеличить глубину бурения с 40 м (1873 г.), до 340 м (1903 г.), а, уже к 1910 году, каждая десятая пробуренная скважина достигала глубину в 500-600 м. [3, с. 18].

В 1909 году Уолтер Шарп и Говард Хьюз получили патент на долото с двумя коническими шарошками, которое при вращении совмещало действие резания и удара [17]. Это изобретение не случайно, рассматривают в качестве революционного в истории бурения.

Вместе с тем, в начале XX века, роторный способ бурения широкого применения не нашел. Все это актуализировало разработку такой технологии бурения, при которой двигатель располагался бы в забое скважины, вращая непосредственно долото с помощью забойного двигателя, а не весь станок с трубами. Варианты такого двигателя (гидравлического и электрического) предлагали К.Г. Симченко (1895), В. Вольский (1898), В.Н. Делов (1899). Однако работоспособный гидравлический забойный двигатель–турбобур – был разработан лишь в 1922–1924 годах инженерами М.А. Капелюшниковым, С.М. Волохом и Н.А. Корневым [13].

В 1935 г. состоялось первое испытание многоступенчатого безредукторного турбобура системы П.П. Шумилова, который был им разработан вместе с Р.А. Ионесяном, Э.И. Тагиевым и М.Т. Гусманом в Экспериментальной конторе турбинного бурения (Баку). В собрании Политехнического музея имеется экземпляр турбобура Т12М конструкции Шумилова, выпущенный в 1949-1954 гг., к сожалению, уже после смерти изобретателя, который трагически погиб в 1943 г. [13, с. 56-60].

Закономерно возникает вопрос об оснащении промысловым оборудованием башкирских нефтепромыслов от начала нефтедобычи в 1930-е годы, вплоть до 1960-х годов.

Первый период в истории нефтедобычи в Башкирии датируется промежутком времени с 1932 до 1944 года [20, с. 20-22]. Он характеризуется, в целом, невысоким абсолютным уровнем и низкими темпами роста нефтедобычи. Особенно сложными были годы Великой отечественной войны. В этот период на нефтепромыслы Башкирии поступало, главным образом, демонтированное технологическое оборудование с Украины, Грозного, Майкопа вместе с эвакуированными специалистами и квалифицированными рабочими [7].

В период эвакуации, часть заводов с территории Кавказа были направлены в тыл. В 1941 году в город Стерлитамак был перебазирован бакинский завод «Красный пролетарий», который в течение всего военного периода работал на оборонную промышленность. На завершающем этапе Великой Отечественной войны, на заводе начали проводить капитальный ремонт двигателей, отработавших свой срок на танках Т-34. Отремонтированные и восстановленные дизели применялись на буровых «Башнефти». На «Красном пролетарии» организовали также курсы, готовившие мотористов и механиков для обслуживания на буровые танковые двигатели системы В2-ИС. К концу войны заводчане наработали значительный опыт в проведении капитального ремонта и импортных двигателей [6].

Это предприятие внесло большой вклад развитие нефтепромыслового машиностроения не только в Башкирии, но и в стране. Её продукция остаётся востребованной и в современных условиях и поставляется в ряд зарубежных стран. Таким образом, обустройство нефтепромыслов на первом этапе шло весьма сложно. С момента обнаружения промышленной нефти в Ишимбае и до открытия девонской нефти в Туймазах, план добычи нефти хронически не удавалось выполнить [20, с. 20-22]. Причин тому немало, и, том числе, связанных с недостаточным техническим оснащением и обеспечением нефтедобычи, в частности, из-за нехватки буровых станков, дефицита труб и др.

Башкирские нефтепромыслы в этот период, были оснащены исключительно отечественным оборудованием, изготовленным, преимущественно, на предприятиях Азербайджана. Эта республика Советского Союза являлась, образно говоря, донором для нефтяников БАССР, особенно в предвоенный и военный периоды. Именно там, на Бакинских и Грозненских заводах, началось изготовление первых образцов советского нефтяного оборудования силами инженеров и конструкторов Института нефтяного оборудования (ИНО). К числу самого необходимого для нефтедобычи оборудования относилось: буровые лебедки, буровые насосы, роторы открытого типа, редукторы, гидродинамические тормоза, талевая система, вертлюги, приводы индивидуальные роторные (ПИР), превенторы, глиномешалки, вибросита, вышки высотой до 41 м, цементируемые агрегаты и другие изделия. Оно позволяло обеспечивать бурение скважин до глубины 3000 м.

В 1935-1940 годах в стране усиленными темпами велись работы по созданию новых видов бурового оборудования и инструмента. Создаются и выпускаются различными заводами страны шарошечные долота, турбобуры, первые буровые установки с дизельным приводом для бурения скважин на глубины 400, 800, 1200 м. Однако, война задержала дальнейшее развитие бурового машиностроения, хотя уже к середине 30-х годов в стране уже была создана установка для бурения скважин глубиной до 3000 м. Отдельные агрегаты для неё выпускали заводы им. лейтенанта Шмидта, «Бакинский рабочий» и «Красный молот». Наряду с этим, проводилась большая работа по модернизации узлов и агрегатов установок для бурения скважин глубиной до 1200 м.

Именно в этот же период появились металлические буровые вышки конструкции Г.Н. Бержеца. Вслед за ним, в 1937 году Б.А. Рагинский предложил свою оригинальную конструкцию металлической вышки, ноги и пояса которой изготавливали из отработанных бурильных труб, а диагонали с винтовыми стяжками – из стального проката круглого сечения. Вышки монтировали с помощью шагающих стрел конструкции Асан-Нури А.А., либо подъемника Кершенбаума Я.М.. Возросшие объемы бурения скважин глубиной до 1200 м. к этому времени

обусловили острую нехватку легких буровых установок. Для бурения скважин глубиной до 500 м. в 1938 г. была создана установка РА-400, которая монтировалась на двух гусеничных тележках. На одной тележке размещались тракторный двигатель мощностью 48 кВт, двухскоростная трехвальная лебедка с одношквивным ленточным тормозом и ротор. На второй тележке располагались такой же двигатель и два насоса мощностью 25-30 кВт. Установка РА-400 имела мачтовую вышку высотой 20 м и грузоподъемностью 40 т. Вышка с основанием и передними скользящими подкосами транспортировалась в горизонтальном положении, а на точке бурения поднималась в вертикальное положение с помощью буровой лебедки. Серийное изготовление установок РА-400 было начато в 1938 года [15].

В качестве инновационного инструмента на базе Туймазинского нефтепромысла стал применяться многоступенчатый турбобур конструкции П.П. Шумилова [16, с. 57]. Примерно в тот же период, советскими инженерами-конструкторами Островским А.П., Григоряном Н.Г, Александровым Н.В. была разработана конструкция принципиально нового забойного двигателя – электробура. Однако, следует напомнить, что электробур (электродвигатель, соединенный с долотом и подвешенный на канате), был запатентован в России еще в 1899 году, но только в 1938 году удалось создать его промышленный образец.

Таким образом, техническое обеспечение башкирских нефтепромыслов промышленным оборудованием и электротехникой, находилось в целом, на уровне развития машиностроения и промышленного приборостроения в стране в 30-40-е годы прошлого столетия [16].

Второй период относится промежутку времени с 1944 до 1955 гг., когда были достигнуты значительные успехи в нефтедобыче. Одна из самых острых проблем, которую предстояло решить – бурение. Бурить надо было много, а буровых станков не хватало. Если до войны в 1941 году в бурении использовалось примерно 520-550 станков, то, всего 260-270 станков их осталось к концу войны. В 1950-е годы для бурения стали применяться новые станки, способные бурить на большую глубину. К их числу относится станок «Уфимец» – более легкий,

совершенный и портативный, способный бурить малым диаметром до 2 тысяч метров. Другим смелым рационализаторским решением стало внедрение промывки скважины водой, вместо глинистого раствора, что позволило увеличить скорость проходки в три раза [19, с. 78-79]. Одной из проблем того времени было низкое качество труб. При бурении на большие глубины они часто рвались, а это приводило к авариям, большому расходу материалов, длительным простоям. Ситуация была настолько критичной, что в июле 1947 года трубная тема обсуждалась на встрече руководства нефтяной промышленности с И.В. Сталиным в Кремле [14; 15].

В 1944 г., когда война приближалась к концу, на заводах, выполнявших военные заказы, была начата подготовка к переходу на выпуск оборудования для мирного времени. Заказы на изготовление нефтяной техники были размещены более чем на 50 заводах различных отраслей промышленности. Производство комплексных буровых установок в конце войны было поручено одному из лучших заводов страны – Уралмашзаводу в городе Свердловске.

Позже в 1957 году к выпуску буровых установок на меньшие нагрузки был привлечен Волгоградский завод «Баррикады», впоследствии он стал заводом бурового оборудования. Первый комплект бурового оборудования Уралмашзавод выпустил в конце 1944 года, а серийное производство было начато в 1946 году. Уже в 1947 году на заводе были созданы производственные мощности для ежегодного выпуска до 300 комплектов бурового оборудования. В 1951-1954 годах был организован серийный выпуск установок серии «Уралмаш 3Д» для бурения скважин на глубины 3000 и 5000 м. как с дизельным, так и с электрическим приводом. На всех этих установках впервые в СССР было применено дистанционное управление. Эти установки сыграли большую роль в деле развития нашей нефтяной и газовой промышленности. Буровая установка «Уралмаш-3Д, 4Э» в течение свыше 50 лет составляли и составляют основной парк буровых установок СССР и современной России. Использование этих установок сыграло решающую роль в освоении крупнейших нефтегазовых районов бывшего СССР – Татарии, Баш-

кирии, Средней Азии и Западной Сибири. Значительное число установок «Урал-маш 3Д», было отправлено за пределы нашей Родины [11].

В послевоенный период, в СССР широкое распространение получил крупноблочный монтаж бурового оборудования. Этот метод состоит в том, что буровая установка расчленяется на два-три самостоятельных блока. Обычно один блок называется вышечным (вышечно-лебедочным), второй – силовым и третий – насосным. Каждый из них на специальных тяжеловозах перевозят в собранном виде при помощи 6-12 тракторов на новую точку бурения, отдаленную в некоторых случаях на десятки и сотни километров от первой. Такой способ, при благоприятных условиях местности позволяет резко сокращать время на строительномонтажные работы, однако он не везде применим [11].

Характерной чертой развития нефтяной промышленности этого периода стал непрерывный технический прогресс, который нашел свое материальное выражение в ускорении темпов разработки месторождений нефти, углубления её переработки, повышении качества и расширении ассортиментов нефтепродуктов. В задачи четвертого пятилетнего плана (1946-1950) входило развитие скоростных методов проходки скважин, турбинное бурение, перевооружённость более современным оборудованием, внедрение вторичных методов эксплуатации [16, с. 131]. Следовательно, задачи ускоренного процесса модернизации в нефтедобыче были сформулированы на уровне общегосударственной программы. На промыслах БАССР эти задачи решались по нескольким направлениям.

Во-первых, Башкирский обком партии и правительство совместно с руководством Башнефти обращалось в вышестоящие органы и профильные министерства с просьбами на получение современного нефтяного оборудования и материалов. Как правило, эти обращения не оставались без ответа.

Во-вторых, важным инструментом повышения производительности труда было создание комплексных вышккомонтажных бригад, которые стали сооружать буровые вышки поточно-скоростным методом [13, с. 133].

В-третьих, с поступлением в 1947 году новых турбобуров началось его массовое использование в бурении. Башкирскими нефтяниками был разработан

и успешно применен форсированный режим бурения, существенно повысивший скорость проходки.

Нефтяники БАССР не только дали путевку электробуру, но широко внедрили его в производство наряду с турбобуром [16, с. 134-136].

В-четвертых, к числу продуктивных инноваций на башкирских нефтепромыслах следует отнести законтурное заводнение и внедрение метода гидравлического разрыва пластов, впервые осуществлённого в 1953 году в «Туймазанефти» [16, с. 142-143].

Третий период истории нефтедобывающей промышленности республики, относится ко времени с 1956 по 1967 гг. Он характеризуется тем, что нефтяники БАССР, продолжили реализацию государственной программы по непрерывному техническому прогрессу, суть которой состоит в ускорении темпов разработки месторождений нефти и повышении качества добываемого сырья [20, с. 26-32; 9, с. 131].

Фактически, все основные направления в модификации производства, заложенные в предшествующий период, получили дальнейшее развитие. Одним из главных направлений этого развития стал индустриально-комплексный метод разработки нефтяных месторождений. Народнохозяйственное значение этого метода состоит в том, что он позволяет перевести на индустриальную основу как строительство, так и обустройство скважин. Важную роль в реализации и внедрении индустриального метода отводилось новой форме соревнования смежных коллективов и различных способов поощрения рационализаторских предложений в буровых бригадах [17, с. 3-6].

На протяжении всех рассматриваемых этапах происходило дальнейшее совершенствование турбобуров. В 1950-1960-е гг. происходил переход на бурение долотами малого диаметра (190 и 240 мм.), всё шире распространялось опорное бурение, внедрялись индустриальные методы строительства буровых, автоматизация и телемеханизация управления скважинами. Дальнейшее развитие получили вторичные методы добычи нефти на старых, в значительной степени выра-

ботанных месторождениях. Путём закачки в пласты газа, воздуха или воды достигалось увеличение нефтеотдачи пласта. Применялись разрезание нефтяной залежи на блоки оптимальных размеров, герметизированная система сбора нефти и газа, а также сооружение объектов по стабилизации нефти.

Интенсификация добычи осуществлялась также совместной разработкой нескольких нефтяных или газовых горизонтов, гидравлическим разрывом пластов, солянокислой обработкой призабойных зон и другими методами. Старые станки-качалки, трубные насосы постепенно стали заменяться редукторными станками-качалками, глубинными насосами вставного типа. Широко использовалась система планово-предупредительных ремонтов скважин.

Немаловажно и то, что к концу 1950-х годов опытное бурение советскими турбобурами было осуществлено на месторождениях во Франции, ФРГ, США, Италии, а несколько позже в Мексике. Отечественные буровые установки в этот период приобретаются многими зарубежными странами и успешно конкурируют с буровыми установками известных капиталистических фирм.

Важными направлениями совершенствования буровых установок явились разработка и внедрение средств механизации и автоматизации трудоемких процессов. К ним относятся, встроенные в ротор пневматические клинья для захвата и удержания труб, напольный автоматический ключ для свинчивания и развинчивания труб, регулятор подачи долота, гидродинамические тормоза и др. [11].

Вторая половина 1950-х годов характеризовалась также началом работ по созданию регулируемого привода буровых установок. В 1959 г. было начато серийное изготовление дизель-гидравлических агрегатов САГ-4 и комплексного турботрансформатора ТТК-1. Одновременно была изготовлена опытная дизель-электрическая буровая установка «Уралмаш 11ДЭ» с приводом от постоянного тока. Кроме того, получила развитие телемеханизация. Уже к 1961 году на телемеханизированное управление с диспетчерских пунктов было переведено более половины всех используемых скважин. Это привело к сокращению обслуживающего персонала, повышению производительности труда, оперативности и ликвидации технических или иных неполадок [2, с. 41].

Таким образом, рассматривая особенности модернизации нефтедобычи в БАССР в условиях планового хозяйства в советский период (1930-1960-е гг.), следует отметить, что на протяжении рассматриваемого промежутка времени, нефтедобывающая отрасль в Башкирии прошла путь от становления и развития на начальном этапе, к высоким результатам, которые выразились в занятии республикой ведущего места в топливно-энергетическом комплексе в стране. Процесс модернизации осуществлялся непрерывно.

Темпы внедрения инноваций были меньшими в годы войны и приобрели более интенсивный и целенаправленный характер в послевоенную эпоху. Большую организационную роль в процессах модернизации сыграли Обком партии, правительство БАССР, руководители трестов, управлений, промыслов, партийные и общественные организации.

Исключительно важным основанием для успешной модернизации был трудовой энтузиазм работников отрасли всех уровней. Он нашел отражение в организации социалистического соревнования как смежных бригад, так соревнования внутри самих бригад, широкое и успешное внедрение рационализаторских предложений и повышения технических знаний и квалификации работников. Следует подчеркнуть, что кумулятивный процесс внедрения инновационных технологий в практику нефтедобычи связан не только с внедрением новой техники, но и с огромной ролью человеческого фактора в решении технических и социальных проблем в данной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашова Е.Н. История становления нефтедобывающей отрасли на территории Башкирской АССР в 1930-х – первой половине 1940-х годов // Вестник ЧГУ. 2011. №9. С.52-62.
2. Близнюков В.Ю. Основные периоды развития техники и технологии бурения и совершенствования конструкций скважин в г. Грозном (с 1893 по 1934 гг.) // Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море. 2004. № 7. с. 16-25.
3. Башкирская АССР за 60 лет Советской власти // Статистический сборник.

Уфа: Баш. кн. изд-во, 1977. 240 с.

4. Глушков И.Н. Краткая история буровых скважин // Уральский техник. 1912. № 10. С. 9-10.
5. Горбунов В.С., Мкртчян Г.М. История внедрения инновационных методов в нефтедобычу Башкирии // Традиции и инновации в национальных системах образования. Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С.47-53.
6. Завод «Красный пролетарий» (1941-1945): [Электронный ресурс]: URL: // 1945: sterlitamadm, ru.>content „,krasnyu-proletariy (дата обращения 03.02.2021).
7. Зайнетдинов Э.А. Нефть победы. Уфа: ЮША, 2016. 201 с.
8. Зиязетдинов Р.М. Нефтедобывающая промышленность Башкирской АССР в послевоенные годы (1946-1967 гг.) // Вестник Баш.ГУ, 2005. №2. С.79-81.
9. Зиязетдинов Р.М. Из истории автоматизации нефтепромыслов Башкирии // История науки и техники. 2008. №33 (Специальный выпуск №1). с.74-76.
10. Зиязетдинов Р.М. Создание и развитие нефтедобывающей промышленности Башкирской АССР (1930-1991 гг.) // Автореф. дисс....докт. ист. наук. Уфа, 2011. 42 с.
11. История создания буровых установок Уралмашзавода [Электронный ресурс]: URL: // tek-all, ru> news/id 6222/ (дата обращения 03.02.2021).
12. Летопись башкирской нефти: (1932-2007 гг.). Уфа: Башгеопроект, 2007. 399 с.
13. Минина Е.В., Сергеев С.В. История развития бурения: музейный ракурс // Бурение и нефть. 2018. №2. С.56-60.
14. Очерки истории Башкирской АССР. Т.2. Советский период. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. 644 с.
15. Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 726 с.
16. Стрельцов А.Я., Зиязетдинов Р.М. Создание и развитие нефтяной промышленности Башкортостана (1930-1960-е гг.). Уфа: Изд-во БГАУ, 2001. 209 с.
17. Столяров Е.В., Кагарманов Н.Ф., Белозеров Г.И. Индустриально-комплексный метод разработки нефтяных месторождений. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 98 с.
18. Тараканова Е.С. Бурение скважин в XIX в. // История науки и техники. 2008. № 4. С. 42-53.

19. Тимергазин К.Р. Очерки по истории башкирской нефти. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1956. 91 с.
20. Халимов Э.М., Саттаров М.М., Зайнетдинов Ю.З., Галлямов М.Н. Повышение эффективности разработки нефтяных месторождений Башкирии. Уфа; Башк. кн. изд-во, 1972. 192 с.

Благодарность. Авторы выражают искреннюю благодарность д.и.н., профессору, заведующему кафедрой Отечественной истории БГПУ им. М.Акумиллы Янборисову Марату Хабибовичу, за поддержку темы кандидатской диссертации Г.М. Мкрчяна «История развития инновационных методов нефтедобычи в Башкирии (первая четверть XX – начало XXI вв.)», раскрытию содержания разделов которой посвящена данная статья.

***Ш.Р. Зайнетдинов,**
д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акумиллы
(г. Уфа)*

ФАКТОРЫ ЕВРАЗИЙСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ БАШКОРТОСТАНА (РУБЕЖ XIX-XX ВВ. – КОНЕЦ 1930-Х ГГ.)

Одной из главных обличительных черт российского общества как самостоятельного социокультурного и геополитического образования является огромная протяжённость территории, включающая в себя не только множество часовых поясов, но и несколько климатических зон, а также чрезвычайно неоднородное по этническому и конфессиональному составу население. Также важной особенностью России является то, что она расположена на двух континентах – в Европе и Азии, при этом территория азиатской части страны превышает площадь её европейской части.

Территория Восточной Европы издревле было тем ареалом, где встречались и взаимодействовали народы Европы, прежде всего славяне, являвшиеся носителями земледельческой (инновационной) культуры, с одной стороны, и кочевые, главным образом тюркские и монгольские племена, выступавшие, в большинстве своём, носителями кочевой (степной) созерцательной культуры, с другой. Также Древняя Русь, являясь по конфессиональной принадлежности частью европейского христианского мира, длительное время близко соприкасалась с

народами, исповедовавшими ислам. Это прежде всего волжские булгары, государство которых на протяжении веков соседствовало с Русью. Кроме того, имелись длительные и достаточно тесные контакты с крупными центрами мусульманской культуры Средней Азии – Бухара, Самарканд, Ургенч и др.

Всё это вместе взятое приводило к тому, что в границах Древнерусского государства формировался особый тип культуры и ментальности – евразийство. Его главной отличительной чертой было соединение в себе множества важных элементов как собственно европейской христианской, так и восточной, главным образом мусульманской культуры. Это было не просто механическое соединение разнородных элементов, а их синтез, который накладываясь на самобытную культуру проживавших здесь народов, не только славянских, создавал принципиально новый социокультурный феномен.

Важную роль в истории российского общества сыграло пребывание на протяжении приблизительно двух с половиной веков в составе возникшего после распада Монгольской империи Чингиз-хана государства Золотая Орда. С середины XIV в. господствующей религией Золотой Орды становится ислам, а правящая монгольская элита в значительной степени пополняется за счёт тюркского населения бывшей Волжской Булгарии.

Развиваясь и достигая всё большего могущества, Русское государство увеличивала свою территорию. При этом основным направлением территориальной экспансии было восточное. Со временем в его состав вошли земли, некогда бывшие частью Золотой Орды. Эти территории были заселены, преимущественно, тюркскими народами, в то время исповедовавшими ислам.

В окончательном своём виде границы Российской империи сложились во второй половине XIX в. При этом важной характеристикой социокультурного развития российского общества выступали трансляция на вновь присоединённые территории на Востоке достижений западной индустриальной культуры, носителями которой в России являлись, главным образом, русские. Это достигалось в основном посредством колонизации данных территорий русскими. В тоже время, переселяясь на новые места, представители русского этноса входили в тесное и взаимодействие с другими народами и культурами, в значительной сте-

пени принадлежавших к восточному как земледельческому, так и кочевому культурно-цивилизационному типу. Всё это вместе взятое способствовало дальнейшему развитию и утверждению евразийской социокультурной сущности русского общества.

Важным этапом формирования территории Российского государства было присоединение во второй половине XVI в. в результате военной победы над государствами, образовавшимися в результате распада Золотой Орды – Казанским, Астраханском ханствами, а также Ногайской орды, районов Урала и Поволжья. Эти земли являлись местом компактного расселения двух близкородственных тюркских этносов – башкир и татар.

После вхождения в состав Русского государства указанные территории стали объектом активной колонизации иноэтничного, главным образом русского населения. Одним из наиболее существенных последствий данного процесса явилось проникновение в эти места элементов индустриальной культуры. Это нашло своё первоочередное выражение в возникновении самых передовых для того времени объектов промышленности – мануфактур, а также в переходе в новое качество процесса урбанизации.

Процессы колонизации данных территорий проходили столь активно, что уже в XVIII в. на той части территории Южного Урала, где в настоящее время расположена Республика Башкортостан доля пришлого русского населения превысила долю издревле живших на этих землях башкир. С середины XVIII в. данная территория стала объектом интенсивной колонизации татар.

Современная Республика Башкортостан возникла в 1919 г. из нескольких уездов Оренбургской губернии, к которой позднее была присоединена значительная часть Уфимской губернии. В этой связи анализ социокультурного развития территории республики в дореволюционный период предполагает изучение аналогичных тенденций в обеих названных губерниях.

Как показывают материалы переписи населения Российской империи 1897 г., общая численность жителей Оренбургской губернии была равна 1617,4 тыс. чел. При этом численность русских была равна 1096 тыс. чел., удельный вес – 67,8%, башкир, соответственно, 254,6 тыс. чел. и 15,7%, татар – 92,9 тыс. чел. и

5,7% [3, с. 2-3]. Далее, общая численность городского населения губернии составляла 151,7 тыс. чел. а их доля в общей массе жителей края равнялась 9,4%. При этом число и доля горожан в составе представителей рассматриваемых этносов выражались в следующих значениях: русские – 113,8 тыс. чел. (10,4%), башкиры – 3,4 тыс. чел. (1,3%), татары – 25,7% (27,7%) [3, с. 2-3].

В Уфимской губернии, согласно той же переписи, численность всего населения равнялась 2196,6 тыс. чел. При этом на долю русских приходилось 834,1 тыс. чел. (38%), башкир – 899,9 тыс. чел. (41,0%), татар – 184,8 тыс. чел. (8,4%) [4, с. 40-41]. Далее, численность горожан в Уфимской губернии была равна 107,3 тыс. чел. или 4,9% от общего числа проживавших в губернии, число горожан-русских достигало 90,1 тыс. чел. или 10,7% от всех представителей данного этноса, башкир – 5,7 тыс. чел. или 8,4%, татар, соответственно, 8 тыс. чел. или 4,3% [4, с. 40-41]

Таким образом, в обеих изучаемых губерниях самую большую долю населения составляли русские, затем шли башкиры, за ними татары. Также Уфимская, и Оренбургская губернии находились на начальной стадии урбанизации, о чём свидетельствует весьма незначительный удельный вес городского населения.

При рассмотрении доли городского населения в составе наиболее многочисленных этносов обеих губерний – русских, башкир, татар – обращает на себя внимание, что в Оренбургской губернии удельный вес татар, проживающих в городах, заметно превышает аналогичный показатель у русских. Напротив, доля городского населения в составе башкир крайне незначительна. Подобное положение объясняется не только характером экономического и социокультурного, но и политического развития российского общества.

Так, относительно небольшой удельный вес горожан-русских обусловлен тем, что вне аграрного сектора экономики основной сферой приложения труда русского населения было индустриальное в целом, прежде всего фабрично-заводское производство. При этом согласно законодательству Российской империи изучаемого периода, в городах запрещалось возводить промышленные объекты, в связи с чем места их расположения вместе с работающим на них населением, в социально-экономическом отношении давно сросшихся с собственно городскими

поселениями, считались расположенными в сельской местности. Татары, не занятые в сельском хозяйстве, работали преимущественно в таких отраслях как торговля, общественное питание и т.д., которые могли располагаться в официально обозначенной городской черте. Этим объясняется достаточно высокий удельный вес городского населения в составе татар, проживавших в губернии.

Далее, обращает на себя внимание и крайне низкая доля горожан в составе башкир губернии. Данный факт объясняется рядом факторов. С момента своего вхождения в состав Русского государства башкиры пользовались правом вотчинного, т.е. наследственно передаваемого владения землёй. Оренбургская губерния по своим природно-географическим условиям в наибольшей мере подходила для развития отгонно-пастбищного скотоводства, что традиционно являлось основным занятием башкир.

Кроме того, кочевой (созерцательный) тип культуры, представителями которого являются башкиры, выступает своего рода социокультурным антиподом инновационной индустриальной культуры, генерировавшейся и развивавшейся в городах. Всё это вместе взятое препятствовало вовлечению башкир в сферу городского хозяйства, городскую жизнь в целом.

Далее, как показывали материалы переписи населения, в Уфимской губернии доля горожан-башкир превышает аналогичный показатель татар. Это также стало следствием достаточно сложных процессов.

Как отмечалось выше, территория Южного Урала была объектом интенсивной иноэтничной, в том числе и татарской колонизации. При этом определённая часть мигрантов из числа татар стремилась к максимально более тесной интеграции с башкирским этносом с целью приобретения вотчинных прав на землю. В этой связи увеличение абсолютной и относительной численности башкир края явилось следствием стремления части тюркского населения, главным образом татар, к обретению экономических благ и повышению социального статуса, а не изменением их этнической самоидентификации. При этом татары, как отмечалось выше, быстрее и легче, по сравнению с башкирами, адаптировались к условиям индустриального общества, соответственно, к городской жизни тоже.

На рубеже XIX-XX вв. в развитии России резко обозначились кризисные явления, в огромной степени обусловленные неспособностью существовавшей

модели общественного развития обеспечить продвижение страны по пути цивилизационного прогресса, достижение в кратчайшие исторические сроки очередной стадии цивилизационной зрелости – индустриального общества. Способом разрешения данного кризиса, во всё большей мере приобретающего признаки системного, стал революционный катаклизм 1917 г. и переход, в конечном итоге, власти в стране в руки леворадикальных сил, наиболее значительной из которых была партия большевиков.

Большевики начали создавать собственную модель общественного развития, важнейшими признаками которой выступали тотальное огосударствление всех сторон жизни страны, последовательное разделение функций управления и исполнения, превращение функции управления в исключительную прерогативу одного социально-профессионального слоя – партийно-государственной бюрократии. Это обстоятельство предоставляло названному слою осуществлять тотальную регламентацию и контроль за всеми аспектами развития общества, в конечном итоге, за проявлением социальной активности со стороны каждого индивида в отдельности. Подобного рода сдвиги вызвали резкое противодействие со стороны значительной части российского общества, в первую очередь его элитных слоёв. Это послужило одной из главных причин перерастания противостояния различных социально-политических сил в экстремальную форму социального противоборства – Гражданскую войну.

Данный конфликт проявился во всех сферах жизни, в т. ч. и в сфере межнациональных отношений. При этом конфликт в межнациональной сфере имел и важную социальную составляющую.

Так, на начальном этапе Гражданской войны, одной из самых активных сил антибольшевистского лагеря стали башкиры. Причины возникшего антагонизма носили не просто социально-экономический, но более глубокий культурно-цивилизационный характер.

Переход российской революции из общедемократического этапа, возглавляемого в основном либерально настроенной интеллигенцией, а также либеральной частью буржуазии в радикально-плебейский, возглавляемого большевиками и их немногочисленными союзниками, в огромной степени был обусловлен тем, что либеральное Временное правительство не смогло решить целый ряд задач

общедемократического характера, прежде всего, провести аграрную реформу, отменить сословное деление общества и др. Подобного рода задачи пришлось решать большевикам.

Реализация Декрета о земле, отмена сословных привилегий и ограничений означали, в том числе и упразднение вотчинного права владения землёй. Это затронуло интересы значительной части башкирского этноса, что и определило его позицию на начальном этапе возникшего конфликта.

Вместе с тем, позиция большей части башкирского общества была обусловлена не просто желанием сохранить экономические и социальные преференции. Наличие значительных наделов земли позволяло башкирам заниматься традиционным видом деятельности – экстенсивным скотоводством, что выступало важнейшей составляющей культурно-цивилизационного кода данного этноса. Таким образом в рассматриваемом конфликте проявилась одна из главных сущностных черт России как евразийского феномена – дихотомия Запад (модернизация, инновация) – Восток (традиция, созерцательность) и связанные с этим культурно-цивилизационные противоречия.

Основной целью большевиков было создание в кратчайшие исторические сроки индустриального (социалистического в их собственной методологии) общества, что в полной мере соответствовало объективным потребностям страны. Следовательно, большевики, при всех издержках их политики, достаточно полно и последовательно выражали идею общественного прогресса, что, в конечном итоге, и определило их победу Гражданской войне. Таким образом, социальные группы, выступавшие на стороне противников большевиков, независимо от их частных, субъективных устремлений, следует рассматривать как силы консервативные, противодействующие процессу коренного обновления российского общества.

Одновременно, разрешение данного конфликта, решающей предпосылкой чего стало создание в 1919 г. Башкирской автономной республики, служит свидетельством того, что указанная дихотомия Запад – Восток при всей её противоречивости является органически целостным феноменом. Так примирение башкир с советской властью стало возможным во многом благодаря тому, что формировавшаяся в стране система с такими родовыми чертами как тоталитарная

форма управления, принудительная социальная нивелировка, в большой степени совпадала с важнейшими родовыми характеристиками традиционного общества. Прежде всего – это патерналистские принципы взаимодействия общества и власти, а также общинно-уравнительных характер организации жизни.

Системная трансформация, проводимая большевиками, продолжалась приблизительно два десятилетия. В ней можно выделить несколько относительно самостоятельных этапов. Первый – «военный коммунизм», хронологически совпадающий с периодом Гражданской войны. Её итогом стал полный коллапс в экономике, окончательная дезорганизация социальной жизни. Всё это представляло собой реальную угрозу новому строю, а, следовательно, и привилегированному положению партийно-государственной бюрократии. В данной связи политика «военного коммунизма» была отменена и заменена другой, допускавшей заметное смягчение режима тотального огосударствления экономики, общественной жизни в целом. Создавалась многоукладная экономика. Следовательно, допускалось легальное функционирование частной собственности, товарно-денежных отношений и т.д. Эта политика получила название новой экономической политики (нэп).

Введение нэпа обусловило заметное оживление в развитии производительных сил, что, в свою очередь, позволило смягчить остроту социально-политических противоречий, привести страну из состояния гражданской войны к состоянию гражданского мира. Вместе с тем, темпы роста производства были медленными, ввиду чего невозможно было решить главную задачу – провести в кратчайшие исторические сроки системное преобразование общества, в первую очередь экономики.

Одним из главных показателей хода процессов качественной трансформации, перехода на новую ступень цивилизационной зрелости – индустриальное общество – является урбанизация, в первую очередь, рост абсолютной и относительной численности городского населения при параллельном снижении числа и доли жителей села.

О влиянии нэпа на ход трансформационных процессов, в частности на урбанизацию можно судить на основании сравнения материалов переписей населения 1897 и 1926 гг.

Башкирская республика была создана в 1919 г. из отдельных уездов Оренбургской губернии. Позднее в 1922 г. произошло её укрупнение за счёт присоединения значительной части Уфимской губернии. Ввиду того, что на рубеже XIX-XX вв. башкиры Оренбургской губернии были в минимальной степени затронуты урбанизацией, при анализе данного аспекта проблемы вполне правомерно делать сопоставление БАССР и Уфимской губернии.

Как показывают материалы статистики, общая численность населения края за межпереписной период возросла с 2196, 6 тыс. чел. до 2665,8 тыс. чел., т.е. темпы роста составили 121,4% [4, с. 110, 114; 2, с. 436-437; 4, с. 8]. Численность городского населения изучаемого региона увеличилась с 107,3 тыс. чел. в 1897 г. до 234,2 тыс. чел., т.е. примерно в 2,2 раза, удельный вес в составе всего населения края поднялся с 22% до 26,7%, численность сельского населения также выросла с 2089,3 тыс. чел. до 2331,9 тыс. чел., т.е. темпы роста составили 116,4%, вследствие чего удельный вес упал с 95,1% до 81,5% [4, с. 110, 114; 2, с. 436-437; 4, с. 8].

За тот же период произошли существенные сдвиги в количественном и качественном развитии отдельных этносов края. Так, общая численность башкир в республике уменьшилась с 899,9 тыс. чел. до 584,9 тыс. чел. или на 35%, соответственно, их доля в составе всего населения республики снизилась с 41% до 22,8%, число русских выросло с 834,2 тыс. чел. до 1032,8 тыс. чел. или на 23,8%, удельный вес поднялся с 38% до 40,3%, численность татар увеличилась с 184,8 тыс. чел. до 460,7 тыс. чел. или в 2,5раза, удельный вес возрос с 8,4% до 18% [3, с. 56-57; 2, с. 40-41; 2, с. 436-437].

В отмеченных выше тенденциях изменения числа и доли наиболее многочисленных народов республики также нашло проявление действие дихотомии Запад – Восток на новом этапе цивилизационного развития российского общества. Наиболее отчётливо это проявилось в изменении соотношения башкир и татар. Уменьшение абсолютной и относительной численности представителей титульного этноса при одновременном увеличении этих показателей у татар стало следствием отмеченного выше лишения башкир вотчинного права владения землёй, что привело к заметному снижению социальной престижности при-

надлежности к данному этносу. На территории современной Башкирии основную долю лиц, не являвшихся частью башкирского народа, но декларировавших свою принадлежность к нему, составляли татары. Это обстоятельство сыграло решающую роль в изменении соотношения численности и удельного веса указанных этносов в крае в первое послереволюционное десятилетие.

Далее, за межпереписной период (1897-1926 гг.) темпы роста проживающих в городе башкир были равны 202,3%, удельный вес в общей массе башкир в республике повысился с 0,63% до примерно 2%, темпы роста русских в городе были равны 202,6%, удельный вес в общей массе русского населения вырос с 10,8% до 17%, темпы роста татар составили 548,5% удельный вес повысился с 4,3% до 6,1% [4, с. 2-3; 2, с. 436-437].

Можно сделать вывод, что нэп дал определённый простор экономическому и социокультурному развитию общества. Вместе с тем, стремительного рывка в достижении нового цивилизационного качества не произошло.

Данное обстоятельство сделало необходимым и неизбежным кардинальное изменение стратегии развития страны. В силу сложившихся объективных (внешних и внутренних), субъективных, а во многом и ситуативных факторов, основным содержанием новой стратегии становился максимальный упор на силовые методы, включая не только все формы администрирования, но и открытый террор. Это, в свою очередь, делало неизбежным ликвидацию плюрализма форм собственности, многоукладности экономики, сохранение одного социалистического (государственного) уклада и практически одной формы собственности, а также резкое сужение действия товарно-денежных отношений.

Курс на форсированную индустриализацию и модернизацию был начат в конце 1920-х гг. в связи с принятием первого пятилетнего плана социально-экономического развития страны (1928-1932 гг.) и осуществлялся на протяжении практически всего десятилетия 1930-х гг.

О его влиянии на характер социокультурного развития российского общества, его отдельных регионов, способности продвижения страны по пути цивилизационного прогресса можно судить на основании итогов переписей населения 1926 и 1939 гг.

Общая численность населения БАССР за межпереписной период возросла

в 2,3 раза, при этом число русских выросло в 2,1, хотя их удельный вес в составе всех жителей края увеличился незначительно – с 40,3% до 40,6%. Численность башкир возросла на 14,8%, удельный вес снизился с 22,8% до 21,2%, число татар увеличилось в 2,6 раза, удельный вес повысился с 18% до 24,6% [1, с. 18]. Видны заметные различия в тенденциях изменения абсолютного и относительного числа изучаемых этносов.

Самой быстро растущей группой населения были татары. Это связано, главным образом, с отмеченной выше тенденцией – установлением большего соответствия между реальной самоидентификацией и официально декларируемой этнической принадлежностью части татарского населения. Те же факторы обусловили достаточно низкие темпы роста и, соответственно, уменьшение удельного веса башкир.

Относительно незначительный рост доли русского населения обусловлен, прежде всего опережающими темпами роста других этнических групп, в первую очередь татар.

Как отмечалось выше важнейшей составляющей процессов системного преобразования российского общества, достижения им очередной стадии цивилизационной зрелости – индустриального общества – выступала урбанизация, прежде всего опережающий рост численности городского населения за счёт миграции части жителей села.

Как показывают итоги переписей населения 1926 и 1939 гг. общая численность горожан в Башкортостане за межпереписной период возросла с 232,5 тыс. чел до 540,3 тыс. чел. или в 2,3 раза, удельный вес в составе всего населения поднялся с 9,1% до 17,1%. При этом численность горожан-башкир выросла с 11,5 тыс. чел. до 39 тыс. чел. или в 3,4 раза, удельный вес в общей массе городского населения поднялся с 4,9% до 7,2%, а их доля среди всех башкир в республике поднялась с 2% до 5,8%. За те же годы число русских, проживающих в городах выросло с 182,6 тыс. чел. до 383,5 тыс. чел. или 2,1 раза, но удельный вес в общей массе городского населения упал с 78,5% до 71%, доля горожан среди всех русских в республике, напротив, повысилась с 17,7% до 29,9%. Общая численность татар, проживающих в городах, увеличилась с 28 тыс. чел. до 73,3

тыс. чел. или в 2,6 раза, удельный вес в общей массе городского населения республики поднялся с 12% до 13,6%, а среди представителей данного этноса в республике с 6,1% до 9,4% [1, с. 18].

Приведённые данные показывают, что в период второй половины 1920-х – 1930-е гг. самой быстро растущей категорией городского населения в Башкортостане были башкиры, темпы роста которых намного опережали темпы роста как русских, так и татар. Вместе с тем, их доля среди общей массы горожан в республике продолжала оставаться крайне незначительной. Темпы роста городских татар также превышала аналогичный показатель у русских, но удельный вес в составе городского населения БАССР оставался намного ниже. Основную массу горожан в крае составляли, как и на более ранних этапах развития страны, русские.

Таким образом, можно констатировать, что в межпереписной период (1926-1939 гг.) в республике шёл активный процесс вовлечения нерусских народов в сферу городского хозяйства, приобщения их, посредством этого, к городской индустриальной культуре. В целом, несмотря на сложность и внутреннюю противоречивость данного процесса, его следует рассматривать как безусловно положительный, способствующий повышению цивилизационной зрелости как обществе в целом, так и каждого народа в отдельности. Вместе с тем, сохранялись и заметные различия в характере участия различных этносов в степени приобщённости к достижениям культуры индустриального общества. В немалой степени данное явление было обусловлено особенностями культурно-цивилизационного развития народов. Это выдвигало новые, более сложные и ответственные задачи перед экономической, социальной и национальной политикой государства.

Проделанный выше анализ социокультурного развития Башкортостана, как одного из российских регионов, в период от рубежа XIX-XX вв. и до конца 1930-х гг. показывает, что важнейшим фактором, определявшим характер развития страны, было достижение очередной стадии цивилизационной зрелости – индустриального общества. Важнейшим рубежом в процессе решения данной кардинальной задачи явился революционный катаклизм 1917 г., приведший к упразднению традиционной модели общественного развития и становления

принципиально новой – социалистической. Одной из главных особенностей развития российского общества выступает его евразийская сущность. При этом наиболее последовательными носителями европейской индустриальной (инновационной, деятельной) культуры выступали русские. Таким образом двойственная евразийская сущность российского общества в рассматриваемый период выразилась, главным образом в том, что представители русского этноса транслировали данный тип культуры в другие регионы, приобщая к ней представителей других культурно-цивилизационных типов.

Решение столь сложной и ответственной задачи выдвигало особые требования к деятельности аппарата власти и управления. При этом важнейшим условием адекватной деятельности механизма управления становилось создание системы обратной связи между властью и обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкортостан и башкиры в зеркале этностатистики. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1995. 183 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XXI Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Отдел II Занятия. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 427 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. 161 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2 (последняя): СПб, 1904. 173 с.

*Р.М. Зиязетдинов,
д.и.н., профессор кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Башкирского государственного аграрного университета
(г. Уфа)*

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В БАШКИРСКОЙ АССР В 20-30-Е ГОДЫ XX В.

В культурно-просветительной деятельности партийно-советских органов особое внимание уделялось развитию библиотечного дела. Этой проблеме посвящены кандидатская диссертация М.Х. Закирова [5], а также монография в со-

авторстве с И.М. Закировым [6]. История Республиканской национальной библиотеки имени А.З. Валидова прослеживается в книге Р.Х. Гайсиной и М.А. Маннанова [2].

Целью статьи является дальнейшее выяснение роли библиотек в общественно-политической и культурной жизни республики на основе опубликованных и архивных источников.

Библиотеки, являясь одним из источников повышения общеобразовательного и культурного уровня населения, с первых лет советской власти пользовались огромной популярностью. Развитие сети библиотек отражает следующая таблица:

Таблица - Массовые библиотеки Башкирской АССР в 1917-1940 гг. (на конец года) [1, с. 350]

Годы	Всего		В том числе			
			в городских поселениях		в сельской местности	
	число библиотек	в них книг и журналов, млн. экз.	число библиотек	в них книг и журналов, млн. экз.	число библиотек	в них книг и журналов, млн. экз.
1917	340	0,2	13	...	327	...
1927	312	0,7	77	...	235	...
1934	929	0,9	115	0,3	814	0,6
1940	2356	2,2	117	1,0	2239	1,2

Как видим, подавляющее большинство библиотек было сосредоточено в сельской местности. В рассматриваемый период их численность возросла там в 6,8 раз, а в городских поселениях – в 9 раз. Как правило, в деревнях библиотеки самостоятельного помещения не имели; размещались они в избах-читальнях, народных домах, клубах и в красных уголках. Поэтому во многих случаях, особенно в сельской местности, заведующие указанных учреждений одновременно выполняли функции и библиотекаря. Штатных работников имели городские библиотеки, а также библиотеки кантонных, волостных, позже и районных центров.

Однако отметим, что в начале 20-х годов страна оказалась в трудном социально-экономическом положении, которое усугублялось наступившим голодом

1921 г. По этой причине многие культурно-просветительные учреждения закрывались или их деятельность была доведена до минимума. Так, в Уфимском кантоне к началу 1921 г. действовало 226 библиотек, к началу 1922 г. – 103, к августу того же года осталось 63, к октябрю – 48. В Белебеевском кантоне за тот же период из 140 библиотек осталось лишь 20 [14, л. 5].

Несмотря на сложнейшее время, государство принимает неординарные меры для сохранения культурно-просветительной работы: городские библиотеки были прикреплены к ближайшему заводу или фабрике. В свою очередь, они активизировали передвижные формы работы. Так, в рабочих районах Уфы в 1921 г. работало 76 передвижных библиотек, насчитывающих до 30 тысяч книг [6, с. 16]. Большинство волостных библиотек было переведено в школьные здания и заведование ими было возложено на учителей [14, л. 7].

Одновременно трудящиеся БАСССР оказывали посильную помощь в содержании учреждений культуры, в том числе библиотек. В 1922 г. трудящиеся Белебея заключили договор с кантонным политпросветом о содержании в дальнейшем городской библиотеки и библиотекаря за счет населения города [16, л. 34]. В 1923-1924 гг. 62 библиотеки республики функционировали на средства трудящихся [17, л. 39].

Следует отметить, что в развертывании сети библиотек учитывался национальный состав жителей обслуживаемого района. В городских библиотеках, а также многонациональных кантонных, районных центрах библиотеки имели татаро-башкирские отделения. Так, в библиотеке союза торговых работников в Уфе действовало татаро-башкирское отделение, насчитывающее более трех тысяч книг. В детском отделении библиотеки также имелись книги на башкирском и татарском языках [11]. Еще с 1919 г. успешно действовала мусульманская библиотека-читальня с книжным фондом 3,5 тысяч экземпляров. В 1922 г. постоянными ее читателями являлись 272 человека, в том числе 178 мужчин и 94 женщины [15, л. 29]. Малочисленность читателей библиотеки объясняется наступившим страшным голодом 1921 г.

Отметим также, что национальные библиотеки в основном находились в сельской местности, а потому и являлись маломощными. Так, в 1924 г. на каждую библиотеку с книжным фондом на русском языке приходилось в среднем 2900 экземпляров книг, а на башкирском и татарском языках – 850 [17, л. 30]. Основной причиной такого положения является то, что в первой половине 20-х годов издательское дело нерусских народов только налаживалось. В дальнейшем оно осуществлялось форсированными темпами. Существенную помощь в снабжении школ и библиотек республики книгами и периодической печатью оказывала Татарская АССР. Известно, что более 50% книг Татарского книжного издательства распространялось за ее пределами, в том числе среди татар БАССР [3, л. 80]. Тем не менее, Башкирская АССР по книгообеспеченности населения от соседних республик и областей отставала. В 1938 г. на 1000 жителей республики приходилось 555 книг, а по СССР – 861 книга, в Татарской АССР – 612, в Челябинской области – 845, в Куйбышевской – 913, в Свердловской – 1208 [20, с. 194].

Отставание БАССР по книгообеспеченности населения от соседних республик и областей в определенной мере компенсировалось, как было сказано выше, активным развертыванием передвижных форм работы. В 1929 г., по неполным данным, в 102 передвижных пунктах выдано было 10996 книг. На одного читателя приходилось в год в среднем 4,8 книги против 4,4 в предыдущем году. Передвижки также организовывались избами-читальнями и красными уголками.

Важнейшей формой пропаганды книги было книгоношество. Оно практиковалось там, где вблизи не было очагов культуры. Книгоноши, появляясь в деревнях и селах, распространяли книги. Как правило, на промышленных предприятиях создавались группы книгонош из самих рабочих. Так, в Уфимских железнодорожных мастерских она состояла из 16 человек. Книги из заводской библиотеки ими доставлялись в цеха, где спрос на них был огромен. Только в марте 1928 г., например, было выдано непосредственно на заводе 350 книг. А в целом по республике одной книгоношеской группой было распространено в среднем 309 книг. К концу 1932 г. в Башкирии действовало всего 326 книгоношеских групп [7, с. 179]. Однако особое внимание уделялось развитию стационарных

форм работы. Во многом этому должен был содействовать развернувшийся в стране с конца 20-х годов культпоход. Составной его частью являлся библиотечный поход, охвативший достаточно широкие слои трудящихся. На местах создавались штабы культпохода, комиссии по улучшению работы библиотек, оживилась массовая пропаганда книги.

В результате только в Уфе к началу 1930 г. было организовано еще 63 передвижки, 163 книгоношеских групп. 110 пионерских отрядов для библиотек собирали свыше 20 тыс. книг [8, с. 105].

В целом же, культпоход значительно усилил роль библиотек как центров политического просвещения масс.

Партийные органы проявляли особую заботу об идейном содержании книжных фондов библиотек. В столице республики и на местах создавались специальные комиссии по пересмотру книжного фонда в составе представителей партийных и общественных организаций. В 1925-1926 гг. в Бирском кантоне, например, 89% всех имеющихся книг были дореволюционного издания, большинство из которых подлежало изъятию.

Политические репрессии 1937-1938 гг. в деятельности библиотек создавали новую напряженность. Произведения «врагов народа» подлежали немедленному уничтожению. Так, в конце 1940 г. в Нуримановском районе из книжных магазинов было изъято 1082 книги, из библиотек – 1031 книга, а в Иглинском районе – всего 2161 книга [12, л. 76-77]. К сожалению, под флагом «очищения» библиотек уничтожались книги, имеющие историческую ценность. Библиотеки комплектовались произведениями классиков марксизма-ленинизма и новыми советскими книгами.

В 1921 г. началась деятельность центральной научной библиотеки (ЦНБ). Успеху способствовало совершенствование ее внутренней структуры: создавались секторы комплектования, обработки литературы, справочно-библиографический и исторический отделы. Все содержательнее становилась работа с читателями. Для них проводились лекции, беседы и тематические вечера с инсценировками; устраивались книжные выставки, организовывалась методическая помощь

массовым библиотекам республики. Учитывая масштабность проводимой работы, ЦНБ в 1930 г. была преобразована в публичную. К марту 1931 г. ее книжный фонд составлял 189 448 книг, в том числе на башкирском и татарском языках – 22 413 книг [4, с. 542]. В 1936 г. она преобразуется в Башкирскую республиканскую библиотеку с присвоением впоследствии имени Н.К. Крупской [9, с. 375].

С 1928 г. функционирует Книжная палата БАССР как государственное научное учреждение, занимающееся сбором, хранением, научно-библиографической обработкой всех печатных изданий республики.

К началу 40-х годов в ее фондах хранилось около 15 тысяч экземпляров книг, журналов и газет [10, с. 52].

Важным мероприятием в библиотечном строительстве явился Всесоюзный конкурс на лучший район по постановке библиотечного дела в деревне. Он проходил с 15 июля 1935 г. по 1 января 1936 г. В БАССР был создан областной конкурсный комитет во главе с наркомом просвещения Р.В. Абубакировым, в районах – под руководством заведующего отделом народного образования.

Уже в декабре 1935 г. в конкурс включились 43 района из 56. Положительные результаты конкурса налицо: в 1934 г. только 9 районных библиотек имели двухкомнатное помещение, а к марту 1936 г. – уже 26; отремонтировано было всего 97 библиотек, дооборудовано – 59; переведены были в лучшие помещения 52 сельские библиотеки. Мобилизовано было общественных средств для нужд библиотек в сумме 110 тысяч рублей.

Победителями стали Бураевская, Бурзянская, Благовещенская районные библиотеки, Ахуновская сельская библиотека Учалинского района, библиотека Баймакского молмясосовхоза и еще 9 сельских библиотек.

Бураевская районная библиотека в период конкурса увеличила фонд книг с двух тысяч до 7086 экземпляров, а число читателей – со 120 до 500 человек. При библиотеке активно работали 16 библиотек-передвижек. Действовал также отдел детской литературы. Приобретены были патефон, бильярд и другие.

В Бурзянской райбиблиотеке книжный фонд возрос с 450 до 2508 экземпляров, количество читателей – с 48 до 640; актив библиотеки насчитывал 103

человека. В Ахуновской сельской библиотеке количество книг с 551 было доведено до 3117, то есть возросло в 5,7 раз. Посещаемость читального зала составляла 30-40 человек в день. При библиотеке действовал литературный кружок. Такого размаха работы не знали даже отдельные районные библиотеки. Так, Федоровская райбиблиотека имела 832 экземпляра книг, Ермакеевская – 900 [19, л. 153, 154, 156].

Значение конкурса заключалось в том, что он привлек внимание республиканской общественности к проблемам сельских библиотек. Изучение учебно-научной литературы, читка художественных произведений становятся для многих повседневной потребностью.

Так, рабочий Валиев Батыр, имеющий неполное среднее образование, Логинова Зоя, учительница с высшим образованием из Красноусольского района с мая до октября 1940 г. прочли более 40 книг [13, л. 180].

Как известно, эффективность и качество работы библиотек во многом зависели от образовательного уровня их работников. Целенаправленная работа по подготовке и переподготовке кадров началась с 1934 г. Тогда проводились курсы подготовки библиотечных работников в количестве 58 человек; впервые организованы были шестимесячные курсы для 60 человек. Многие руководители колхозов готовили кадры путем организации практического обучения – ученичества при районных библиотеках с месячным сроком за счет средств колхозов. В 1937 г. был открыт библиотечный техникум. Все эти меры несколько снизили уровень дефицита квалифицированных кадров. Сказанное доказывается следующими фактами: в 1934 г. 12% заведующих райбиблиотеками имели среднее образование, а через два года – уже 31,5%. Процент имеющих начальное образование уменьшился с 12% до 10,5% [18, л. 11-12].

Однако проблема комплектования библиотек специалистами библиотечного дела в довоенные годы еще не была решена. Большая текучесть кадров на селе из-за низкой зарплаты и сложности работы сохранялась. Несмотря на отмеченные недостатки, библиотеки являлись одним из рычагов внедрения в массы социалистического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкортостан в цифрах: Стат. сб. Уфа: Китап, 2018. 768 с.
2. Гайсина Р.Х., Маннанов М.А. Храм сокровищ: Исторический очерк. Уфа: Изд-во «Ай», 1996.176 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 298. Оп. 1. Д. 140.
4. Документы и материалы по истории башкирского народа (1900-1940) / Сост. М.М. Кульшарипов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 624 с.
5. Закиров М.Х. Библиотечное строительство в Башкирской АССР: История, современное состояние и перспективы развития: Автореферат дис. канд. пед. наук. М., 1970.
6. Закиров М.Х., Закиров И.М. История развития библиотечного дела Республики Башкортостан. Уфа, 2001. 97 с.
7. Зиязетдинов Р.М. Роль учреждений культуры в общественно-политической жизни Башкортостана (20-30-е годы) // Страницы истории Башкортостана XX века: Сб. статей / Отв. ред. С.Ф. Касимов. Уфа: Гилем, 1998. 213 с.
8. Зиязетдинов Р.М. Организация и проведение культурно-просветительной работы в Башкирской АССР (20-е – начало 30-х годов XX в.) // Актуальные вопросы истории и культуры России: Сб. статей / Под. ред. Л.М. Семеновой. Уфа: Башкирский ГАУ, 2014. 208 с.
9. История Уфы. Краткий очерк / Отв. ред. Р.Г. Ганеев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981.605 с.
- 10.Каримов К.К. Культура Башкортостана (1917-2000): Учеб. пособие. Уфа: Гилем, 2006.148 с.
- 11.Красная Башкирия. 1928. 11 мая.
- 12.Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 20. Д. 328.
- 13.НА РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 332.
- 14.НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 667.
- 15.НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 668.
- 16.НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 671.
- 17.НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1234.

18.НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3221.

19.НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3985.

20.Саяхов Ф.Л. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. 240 с.

*Р.Р. Калимуллин,
к.и.н., лауреат конкурса «Учитель года России – 2016»,
учитель истории ЧОУ СОШ «Светлые Горы»
(г. Москва)*

**РАЦИОНАЛИЗАТОРСКАЯ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ В 1950-1960-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Одним из могучих рычагов научно-технического прогресса является изобретательство. И сегодня для интенсификации хозяйственного процесса требуется широкое внедрение в производство техники новых поколений, принципиально новых технологий, обеспечивающих наивысшую производительность и эффективность труда.

Это особенно актуально в условиях экономического кризиса, усугубившегося в России резким спадом мировых цен на энергоресурсы и введением экономических санкций в отношении Российской Федерации. Одним из путей решения проблемы импорт замещения может стать использование разработок российских изобретателей.

Подобные проблемы, хотя и на ином историческом витке стояли перед нашей страной во второй половине 1950-х – середине 1960-х годов. Исследование эффективных способов реализации этих задач в тот период создает историческую и научную базу для прогнозирования и осуществления современной политики по развитию научно-технического потенциала, как всей страны, так и ее отдельных субъектов.

Во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. в производственном секторе ряда крупных регионов СССР начинается масштабная работа по развитию изобретательской и рационализаторской деятельности.

Базой для подобных реформ стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О повышении степени внедрения в народнохозяйственный комплекс

достижений передовой научной мысли», принятое в мае 1955 г. [3, с. 66-70]. Постановление стало побуждающим фактором для проведения Пленума ЦК КПСС с 5 по 13 июля 1955 г. Одним из решений Пленума было принятие плана по развитию организации производства на предприятиях в соответствии с достижениями научно-технического прогресса. В материалах Пленума прямо указано, что слабый контроль со стороны государственных органов является главной причиной низкого темпа обновления производственных мощностей на предприятиях.

Решения Июльского Пленума стали основным ориентиром в создании и осуществлении региональной политики по развитию промышленности на местах. Изучение государственных постановлений и программ в этой области позволяет сделать вывод о том, что большинство планов касались совершенствования политики министерств и ведомств в области науки и техники, включающей в себя «принятие своевременных мер к внедрению результатов изобретательской и рационализаторской деятельности» [3, с. 77]. Для решения подобных задач партийная элита делала ставку на создание новых форм внедрения инновационных научных идей в промышленность, прежде всего развитие изобретательства и рационализаторства на местах. Территории Среднего Поволжья, в частности Куйбышевской и Ульяновской областей, стали одними из первых пилотных регионов по расширению масштабов рационализаторской и изобретательской деятельности на предприятиях и научных центрах.

В частности, одним из первых в стране началось планирование рационализаторской деятельности по наиболее острым для предприятий темам (так называемое тематическое планирование). Однако при проведении этих мероприятий не была проведена должным образом подготовительная работа, прежде всего не был сделан анализ экономической эффективности направлений плана. В частности, государственное регулирование шло по двум весьма противоречивым каналам. Морально и материально поощрялось не выполнение показателей тематического плана, а достижение и перевыполнение общего плана внедренных рационализаторских предложений, предусмотренного в рамках социалистического соревнования, без учета их эффективности для производства и соотношения внедренных предложений с принятыми [12, л. 7]. Это приводило к определенному научному диссонансу, при котором рационализатор на производстве или

специалист на заводе считались государством более эффективными экспертами в вопросах технологизации предприятий, чем ученые, прежде всего, занимающиеся фундаментальными исследованиями [5, с. 133].

Таким образом, «массовость», к которой привыкли оценивать эффективность реализации программ советские управленцы, в деле осуществления научно-технической политики государства приводила к существенным экономическим потерям. Большое влияние на изобретательскую деятельность оказывали и идеологические приоритеты государства, связанные с преимущественным развитием ВПК и тяжелой промышленности. Это особенно заметно при анализе рационализаторского движения в Среднем Поволжье. Данные статистики, приведенной в таблице 1 за период с 1957-1965 гг., демонстрируют увеличение количества изобретателей и рационализаторов как на территории Куйбышевской области на 3,7 тыс. человек в год, так и в Ульяновской области на 0,4 тыс. человек в год [10, л.57-60].

Таблица 1 - Динамика изобретательской и рационализаторской работы в Куйбышевской и Ульяновской областях в 1957-1965 гг.

Годы	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Куйбышевская область (тыс. чел.)	15,7	15,8	15,8	15,9	17,0	17,8	19,2	21,0	24,7
Ульяновская область (тыс. чел.)	10,2	11,1	13,1	15,1	15,4	15,5	15,7	15,8	16,2

Рассмотрение отраслевых данных, имеющих на рис.1 [11, л.79-85] свидетельствует о сильном влиянии приоритетной материальной поддержки ряда направлений производства на количество принятых рацпредложений: в Куйбышевской области в приоритетных отраслях – авиакосмической, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, процент принятых предложений был на уровне от 80 до 90%, что существенно превышало средне областные показатели.; в Ульяновской области в идеологически важной отрасли машиностроения показатели принятых предложений составлял 88,4% [6, с. 125].

Подобные результаты были, прежде всего, результатом форсированной

научно-технической политики. Новым направлением в проведении научно-технической политики в Среднем Поволжье во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. наряду с поддержкой рационализаторства и изобретательства становится патентование открытий.

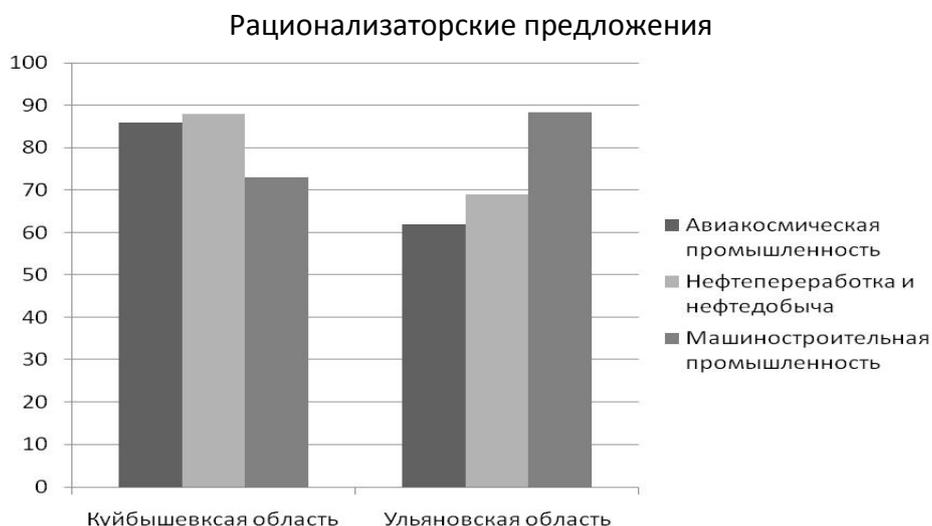

Рисунок 1 - Объем принятых рационализаторских предложений в Куйбышевской и Ульяновской областях в 1955-1965 гг., в %

Координационная работа по лицензированию реализовывалась Гостехникой СССР, а за прием заявок на изобретения, экспертизу и регистрацию отвечал экспертный и регистрационный отдел при Комитете по изобретательству и рационализации [4, с. 208].

В конце 1950-х годов в Комитете по изобретательству и рационализации СССР был организован отдел патентования и патентной экспертизы, задачей которого являлось обеспечение интересов государства в области изобретательской деятельности за границей и обеспечение обязательного патентования экспортных поставок.

В 1961 г. на большинстве крупных промышленных предприятий среднего Поволжья создаются патентные группы для определения мировой новизны изобретений, ориентированных на экспорт [10, л. 57]. Кроме того, весной 1959 г. Комитет по изобретательству и рационализации СССР принял «Положение о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения», в котором были четко определены дефиниции всех названных в Положении понятий [7, с. 143-144]. Документом впервые устанавливался правовой статус открытий. Новое положение сыграло позитивную роль в повышении регионализации

науки [9, с. 155].

Количество заявок на получение патентов изобретений, поданных из Куйбышевской и Ульяновской областей, достигло максимального показателя в 1960-1961 гг., сразу после принятия вышеупомянутого положения [1, л. 1]. Но буквально через год вышло Постановление Совета Министров СССР от 14 июня 1962 г. «Об улучшении охраны государственных интересов в изобретательской деятельности и о дальнейшем развитии изобретательства в СССР», которое регламентировало создание патентных комиссий в каждом научно-исследовательском учреждении [7, с. 441].

Данное постановление привело к ужесточению требований к подаваемым заявкам на изобретения, что способствовало, с одной стороны, к уменьшению числа заявочных листов на периферии, с другой стороны, способствовало более эффективной экспертизе и выявлению дублирующих. Статистические данные, приводимые в таблице 2, свидетельствуют о резком снижении изобретательской деятельности на территории Куйбышевской и Ульяновской областей после 1962 г. [9, л. 17].

Таблица 2 – Количество заявок на получение патентов в Государственный комитет по изобретательству и рационализации СССР из Куйбышевской и Ульяновской областей в 1957-1965 гг.

	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Куйбышевская область	26	118	159	312	488	267	105	103	98
Ульяновская область	0	22	28	47	73	52	31	16	15

Примечательно, что и на региональном и на союзном уровне в исследуемый период объем выдаваемых патентов и лицензий неуклонно снижался [2, с. 150], что наглядно демонстрирует степень нарастания противоречий экстенсивного накопления эмпирических научных знаний к достигнутым положительным результатам прикладных исследований.

Государство, реализуя научно-техническую политику, стремилось отделить сферы внедрения перспективных технологий, ориентируя их на идеологически приоритетные отрасли промышленности, куда направлялись основные силы по развитию изобретательства и рационализаторства. Подобные тенденции наглядно проявились и в реализации инновационных методов в промышленном

секторе регионов Среднего Поволжья, получавших максимальное развитие в машиностроении, топливно-энергетическом комплексе, ВПК.

Данное положение приводило к существенным диспропорциям: инновации в идеологически и технически перспективных отраслях и стагнация в прочих отраслях. Руководством страны в первую очередь недооценивались последствия слабой технической оснащенности предприятий легкой промышленности. Кроме того, отсутствие единой, системной и последовательной концепции развития изобретательства и рационализаторства в стране стало одной из причин кризиса в позднесоветский период развития экономики и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. История изобретательства и патентного дела: важнейшие события и факты в истории отечественного изобретательства. М., 2015. 283 с.
2. Колесников А.П. История изобретательства и патентного дела: важнейшие события и факты в истории отечественного изобретательства. М., 2015. 283 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.7. 1954-1960 гг. М., 1960. 952 с.
4. Лахтин Г., Серженкова Р. Об организации исследовательской работы на промышленных предприятиях. Новосибирск, 1964. 372 с.
5. Парамонов В.Н. Россия в 1941-1961 гг.: Проблемы индустриального развития. Самара, 1999. 273 с.
6. Родина В. И. Ленина (экономико-статистический сборник) / Под ред. Б. А. Мясоедова. Ульяновск: Статистическое управление Ульяновской области, 1970. 183 с.
7. Совет Народных Комиссаров СССР: Совет Министров СССР: Кабинет Министров СССР, 1923-1991. М., 1999. 551 с.
8. Филиал Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самара (филиал РГАНТД в г. Самара). Ф. Р-213. Оп. 3-6. Д. 16.
9. Филиал РГАНТД г. Самара, Ф.Р-1. Оп. 296-5. Д. 332.
10. Филиал РГАНТД в г. Самара. Ф.Р-471. Оп. 1-6. Д. 107.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2521. Оп. 26. Д. 83.
12. ЦГАСО. Ф. Р-3572. Оп. 8. Д. 69.

*А.И. Кортунов,
к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

КАЗАЧЬЕ ОБЩЕСТВО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ПАТРИОТЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАЗАЧЬЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Через два года Россия и русская эмиграция будут отмечать знаменательную дату – 410-летие Дома Романовых. Как известно Романовы были призваны на престол Великим Поместным Церковным и Земским Собором в 1613 году на основании ближайшего родства по женской линии с предыдущей династией Рюриковичей. До известных революционных событий начала XX века Императорский Дом Романовых обладал рангом государственного учреждения, из среды которого в определенном порядке происходили носители верховной власти.

Вся история Императорского Дома так или иначе была связана с российским казачеством. Начиная с XVII в. казачество являлось верным союзником царской власти.

Поэтому, когда в конце XVIII в. встал вопрос о создании Собственного Конвоя Императрицы Екатерины II, то в него в первую очередь вошли донские казачьи эскадроны. И на протяжении всего XIX в., а также начала XX в. костяк охраны русских монархов составляли именно казаки [1, 3].

Стоит отметить, что Императорская семья не ограничивалась отношениями с казаками только в рамках Собственного Конвоя и старалась поддерживать связи со всеми казачьими войсками России, всячески опекала казачество, что имело свои положительные результаты. Казаки отвечали Романовым особой преданностью и строгой военной дисциплиной. В дореволюционной литературе мы находим множественные описания посещений царскими особами казачьих центров, причем данные визиты воспринимались всем местным казачеством как Праздник и «Высочайшее Благоволение». А начиная с 1827 г. и вплоть до 1917 г. Августейшими атаманами всех казачьих войск являлись наследники российского престола.

Некоторые казачьи эскадроны и полки находились под шефством представителей Дома Романовых. Например, шефом 1-го Оренбургского казачьего полка с 1914 до 1917 гг. являлся наследник престола Алексей Николаевич и поэтому полк именовался как – 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк [2, с. 40]. Можно привести достаточно много примеров из дореволюционной истории России доказывающих, что правящая элита очень внимательно относилась к казачеству. Романовы ценили преданность казаков. Данная преданность, бесспорно, основывалась на природном патриотизме казачества.

Закономерно отметить, что в казачьем обществе основой существования всегда являлась семья. Она помогала казакам выжить в сложных природно-климатических, социально-экономических условиях, успешно решать государственные задачи, хранить и передавать от поколения к поколению накопленный опыт, источником которого являлись в первую очередь духовно-нравственные традиции казачества. При этом непререкаемым авторитетом у них всегда была женщина-мать. Она являлась не только хранительницей домашнего очага, но и несла ответственность за духовно-нравственное воспитание личности, развивая у нее принципы руководства своим поведением, исходя из духовно-нравственных и социально-культурных норм как общества в целом, так и своей микросреды [7, с. 12].

Фундамент патриотического воспитания казачьей молодежи закладывался в семье и всесторонне поддерживался общиной казаков. Но военно-патриотическое воспитание казачества достигло своей системной целостности только тогда, когда произошло объединение собственно патриотического воспитания, осуществляемого в семье и общине с военно-профессиональным воспитанием, которое предполагало овладение военными знаниями, умениями, навыками и формирование морально-боевых и психологических качеств, необходимых для выполнения деятельности по защите Родины [6, с. 22].

Так, по воле российского правительства и войскового начальства в XIX в. в большинстве казачьих войск Российской империи стали организовывать казачьи школы, которые сыграли очень важную роль в военно-патриотическом и военно-профессиональном воспитании молодежи. В казачьих войсках была организована система лагерных сборов, где старшее поколение не только

могло передать казачьей молодежи свой военный опыт, но и провести мероприятия по патриотическому воспитанию.

Исторически так сложилось, что в казачестве наиболее весомой духовно-нравственной традицией всегда являлось воспитание защитников Родины. Казак – это человек в первую очередь с высоким моральным духом, для которого основополагающими всегда считались такие понятия как долг, честь и патриотизм. Казачья идеология была основой менталитета казака, которая пронизывала всю его жизнь. Казак свято верил в свое предназначение на земле, которое в итоге сводилось к особой социально-государственной функции казачества в истории Российского государства.

Мне кажется, нет необходимости говорить о том, что патриотизм казаков имеет очень глубокие исторические и духовные корни. Истоки казачьего патриотизма находятся в духовно-нравственных традициях казачества, которые формировались веками на огромных пространствах от Днепровских порогов до Сибири. Духовно-нравственные традиции казачества – это те особенности, характерные черты духовной жизни казаков, сформированные на протяжении многовекового уклада жизни и выражающиеся в следующих ценностях: любовь к ближнему, почитание родителей и старших, труд по совести, гуманное отношение к людям, патриотизм и служение Отечеству, глубокая искренность и т.д. [7, с. 10-13].

Сегодня мы понимаем, что история казачества должна быть переосмыслена по-новому, без идеологической подосновы. Это в первую очередь обусловлено развернувшимся движением за духовное и культурное возрождение казачества, которое возможно лишь только на основе глубоких знаний истории казачества и его культурных традиций.

Особенно актуальным в настоящее время остается вопрос возвращения духовно-нравственных ценностей казачества и их места в современной молодежной культуре. Бесспорным фактом является то, что в российском обществе с каждым годом усиливается влияние западной культуры. Здесь главной задачей современных казачьих общественных организаций является «вытаскивание» молодежи из привлекательных объятий навязанной нам в 90-е годы прошлого века американско-европейской культуры чуждой для России и разрушительной для со-

знания нашего молодого поколения. У казаков всегда являлась ценностью личная свобода, но пропагандируемая сегодня Западом вседозволенность наказывалась очень строго [4, с. 41-42].

Взглянув на дореволюционную историю казачества с разных сторон, можно сделать вывод, что основу идеологии казачества всегда составляло стремление к выполнению воинского долга перед Государем и Родиной. Поэтому мы можем наблюдать, как грамотно строились отношения между Императорским Домом Романовых и казаками, так как основой психологии казачества, бесспорно, являлся патриотизм, неразрывно связанный с преданностью царскому престолу, родной земле и вере предков. Девиз «За Веру, Царя и Отечество» определил основные направления воспитания казаков в дореволюционный период истории России.

Пройденный казаками исторический путь сложен и противоречив, он представляет собой несколько веков борьбы за свободу, волю и родную землю. Военные подвиги казаков и их беззаветная служба Родине, позволили сформировать оригинальную военную организацию, накопить определенный опыт воспитания казачьей молодежи, нашедший свое отражение в военно-патриотических традициях казачества [5, с. 15-16].

Начало XX в. стало сложным периодом для российского казачества. Социальные революции и Гражданская война привели к известному итогу – упразднению казачьих войск по всей России. За 70 лет забвения казачество утратило свои богатые, формировавшиеся веками, духовно-нравственные традиции, была потеряна и своеобразная система военно-патриотического воспитания. И вот уже более тридцати лет в России идет духовное и культурное возрождение казачества. Мы отчетливо понимаем, что возрождение казачества в современных условиях возможно лишь на основе возвращения к исторически сложившимся казачьими традициями, обычаями и обрядами. При этом идеологической основой восстановления казачьих общин как раз будут возрожденные основы военно-патриотического воспитания казачьей молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М.: Рейтар, 2004. 347 с.
2. Ганин А.В., Левченко А.В., Семенов В.Г. История 1-го Оренбургского казачьего

полка. Харьков: Райдер, 2007. 60 с.

3. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX вв. М.: Центрполиграф, 2011. 640 с.
4. Картунов А.И. Духовные истоки казачьей системы воспитания // История. Право. Образование: Материалы II региональной научной конференции молодых историков. Ч I. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. с. 41-44.
5. Картунов А.И. Создание Новоилецкого района Оренбургского казачьего войска и особенности его заселения в первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5-1. с. 12-18.
6. Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание в Оренбургском казачьем войске: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2000. 23 с.
7. Сараева Г.Н. Духовно-нравственные традиции казачества, их специфика и влияние на современное российское общество: диссертация канд. философ. наук: 09.00.11. Ставрополь, 2009. 165 с.

***И.П. Кузнецова,**
аспирантка кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы,
учитель истории МБОУ «СОШ №2 им. А.И.Исаевой»
(г. Нефтеюганск)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА В БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ

Любое общество (на любом историческом этапе), вне зависимости от политического, социально-экономического устройства, уровня своего развития, всегда с особым вниманием относилось к проблеме охраны материнства и детства. Это важнейший аспект социальной политики любого государства. Стабильная демография напрямую влияет на состояние экономики, устойчивое развитие региона. Данная проблема весьма актуальна и важна, требует постоянного внимания со стороны властей. Недаром в рамках «Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 г.» семья рассматривается как стратегическое направление. В этой связи анализ и обобщение исторического опыта государственной политики в сфере охраны материнства и детства в предыдущие десятилетия позволяет выстраивать современную концепцию развития

социальной сферы.

В начале 50-х гг. XX века в Башкирской АССР, как и в целом по РСФСР, был в основном завершен период послевоенного восстановления народного хозяйства. Это позволило переориентировать государственную политику на решение накопившихся социальных проблем. Внимание местных партийных органов Башкирской АССР направлялось на удовлетворение насущных запросов населения в области защиты семьи. Местные власти стремятся взять под особый контроль деятельность сети медицинских учреждений, работающих в сфере оказания медицинской помощи и медицинских услуг женщинам в состоянии беременности и после родов.

При этом выявляются серьезные недостатки в деятельности учреждений по защите материнства. Наиболее вопиющими из них следует признать отсутствие достаточного количества родильных домов и женских консультаций, а также медицинских кадров, способных оказывать квалифицированную медицинскую помощь.

Например, в 1958 году в г. Салавате согласно данным, представленным в исполком в справке «О чрезвычайно тяжелом положении с медицинским обслуживанием детей», отмечалось, что на 15 тыс. детского населения общее число мест детских терапевтических коек в родильных домах составляет 75 единиц. Эти данные сопровождалась трагической статистикой детской смертности, согласно которой в 1956 г. на 100 родившихся данный показатель составлял 6,3, в 1957 г. – 4,5, а в первые 6 месяцев 1958 года среднее число умерших новорожденных составило уже 5,3. Число умерших недоношенных детей от родившихся недоношенных составляет 21% [8, л. 203].

Выявление причин такого недопустимого состояния социальной помощи в области защиты материнства и детства позволило прийти к выводу о неудовлетворительном состоянии инфраструктуры и недостатка кадров. В целом в 1953 г. по Башкирской АССР насчитывалось фельдшерско-акушерских пунктов на 1140 мест [6, л. 7-29].

Например, в справке «О состоянии здравоохранения в БАССР от 1953 г.» отмечается наиболее высокая по республике потребность в медицин-

ских учреждениях, призванных реализовывать государственную политику в области охраны материнства и детства, в первую очередь, акушерско-гинекологического назначения [6, л. 7-29].

При этом источники отражают развитие, как специализированной медицинской инфраструктуры, так и неуклонный рост численности медицинских кадров, специализирующихся на оказании лечебно-профилактической помощи матерям и детям, включая вопросы лечения малолетних детей от наиболее распространенных заболеваний. По сравнению с 1944 г., который в силу выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР [10, с. 176], может считаться началом специальной государственной политики в области защиты материнства и детства, количество врачей – педиатров, акушеров-гинекологов в детских лечебно-профилактических и родовспомогательных учреждениях в Башкирской АССР выросло почти в 3 раза. Но, как отмечается в документах, это не помогло добиться решающих сдвигов в этой важнейшей для построения социализма отрасли здравоохранения [6, л. 7-29]. Наиболее опасными явлениями признавались сохранение высоких показателей заболеваемости детей, включая заболевания острыми инфекциями, и смертности детей до года. Из детских инфекций наиболее распространенными были случаи заболевания дифтерией, что было обусловлено плохой организацией профилактических прививок и не проведением этих прививок участковыми врачами.

Предпринятые ранее меры дали определенный положительный эффект, проявившийся в снижении показателей детской смертности в большинстве городских больниц в последние три года периода оттепели. Эти успехи стали результатом реализации проведенного в городских больницах комплекса лечебно-профилактических мероприятий, включавшего охранительный режим, применение в лечении антибиотических средств. В результате летальность от воспаления легких для детей в возрасте до года в 1950 г. составляла 12,7%, в 1951 г. – 9,7%, в 1952 г. – 7,0%. При этом в некоторых городских больницах Уфы этот показатель составил 4,3%, что можно считать большим достижением на фоне прежнего состояния показателей детской смертности [6, л. 7-29].

Акушерская и гинекологическая помощь оказывалась в родильных домах, женских консультациях и гинекологических отделениях больниц.

В 90,3 % случаев родов в городах и рабочих поселках родовспоможение оказывалось в стационарных условиях, то есть в родильных домах. Отсюда следовало, что даже в городах 9,7% женщин-рожениц рожали на дому с медицинской помощью. При этом в сельской местности в стационарных условиях проходило только 41,2 % родов.

Недопустимым признавалось недостаточное внедрение методов обезболивания родов. В городских родильных домах они применяются только в 54% от общего числа родов, а в сельской местности - в 27,5%. Кроме того, в документах отражался высокий процент внебольничных абортов, составлявший по всей Башкирской АССР -16%.

Большую тревогу вызывала неразвитость системы оказания акушерской и гинекологической помощи в сельской местности.

По всей республике функционировали 64 колхозные родильные хаты, вместо требуемых по нормативам 74. По всей Башкирской АССР лечебно-профилактическую акушерскую и гинекологическую помощь женщинам оказывали 43 женские консультации в городах, и 51 – в сельской местности. Очевидная недостаточность этого количества проявлялась в том, что общий процент взятых на учет беременных до 3-х месяцев по республике составлял только 33,3% [6, л. 7-29].

Содержание Справки 1953 г. отражает понимание официальными лицами важности организации конкретных мер по реализации отдельных наиболее важных направлений акушерской и гинекологической помощи, включая развитие врачебного наблюдения за новорожденными на дому. В среднем по Башкирской АССР этот показатель равнялся 78 % вместо предусмотренных по плану 100. В качестве несомненного достижения следует оценить показатель охвата новорожденных детей медицинскими сестрами в порядке патронажа. Он составил в 1953 году в 93 %.

К этому же ряду следует отнести уменьшение числа новорожденных детей, переведенных на искусственное вскармливание, число которых сократилось с 4,8 в 1951 г. до 3,7% в 1952 г.

Общее состояние системы оказания акушерской и гинекологической помощи было признано неудовлетворительным, что подразумевало необходимость

усиления внимания государственных органов на уровне правительства Башкирской АССР к вопросам охраны материнства и детства. Наиболее тревожным признавался факт снижения рождаемости в некоторых районах республики. В целом, по Башкирской АССР в 1953 г. рождаемость в сельской местности по сравнению с 1952 г. снизилась на 6413 человека или на 9,3%. При этом в отчетных документах отмечается высокий процент смертности детей до 1 года в городах и городских поселках от воспаления легких, дизентерии и токсических диспений. В 1953 г. умерло детей в возрасте до 1 года от воспаления легких 36%, от дизентерии – 10,7%, от токсической диспении – 11,1%, от общего количества умерших [7, л. 188-194].

Но на фоне довоенных показателей по Башкирской АССР надо отметить, что число детей умерших в возрасте до 1 года по сравнению с 1940 г. сократилось на 70,6%.

Рассмотренные показатели 1953 года стали основанием для углубленной проверки со стороны местной советской администрации состояния родильной и гинекологической помощи в последующие годы.

Выявленная при многочисленных проверках состояния медицинских и детских учреждений, призванных реализовывать социальную политику по защите материнства и детства, картина послужила для осуществления органами государственной власти Башкирской АССР комплекса мер для улучшения положения в сфере защиты материнства и детства.

Фундаментальным направлением социально-демографической политики государства в период хрущевской оттепели с 1953 года выступает обеспечиваемое органами государственной власти Башкирской АССР развитие в городах и сельских районах сети родильных домов.

Резкое расширение сети родильных домов как приоритетного направления в социальной политике руководства СССР и БАССР по отношению к женщинам было системно увязано с обеспечением их медицинскими учреждениями. К таким учреждениям относились женские и детские консультации, которые в середине 1950-х гг. были объединены с больницами, а также акушерские стационары, родильные отделения клинических больниц, отделения патологии.

Число мест акушерских и врачебных мест для беременных женщин в Башкирской АССР было увеличено с 1177 в 1945 г. до 3386 в 1965 г. [1, с. 235]. Такое улучшение показателей было достигнуто за счет увеличения числа родильных домов.

Если в начале 1950-х гг. в городах и рабочих поселках Башкирской АССР насчитывалось всего 9 роддомов и 31 родильное отделение при больницах общего типа, а в сельской местности было 64 колхозных родильных дома и 83 родильных отделения [4, л. 167], то к середине 1960-х гг. в состав сети родовспомогательных учреждений входило уже 11 родильных домов в городах и рабочих поселках, включая Уфу, Октябрьский, Белебей, Белорецк, Бирск, Сибай, Стерлитамак, Ишимбай, Туймазы, 56 колхозных родильных домов и 148 женских консультаций в сельской местности [5, л. 1-8].

Важнейшим направлением государственной политики по охране материнства и детства в Башкирской АССР было расширение инфраструктуры специализированных медицинских учреждений по оказанию профессиональной помощи беременным женщинам.

В этой области в течение 1950-х гг., несмотря на осуществление мероприятий по развитию сферы защиты материнства и детства, сохранялось бедственное положение, вызванное зачаточным состоянием формируемой системы, специализированной акушерской и гинекологической помощи.

Например, в «Справке о строительстве детских лечебно-профилактических учреждений в городах и сельской местности на 1954 г.» отмечается, что всего в сельской местности по республике на 1954 г. ведется строительство 6 больниц, которое должно было быть закончено еще в 1950 году. То есть, строительство таких небольших объектов, призванных вмещать по 25 койко-мест в Абзаново, Илишевском, Мечетлинском и в Улу-Теляжском районах, продолжалось целых 4 года. Аналогичная ситуация имела место в Дюртюлинском районе с запланированной больницей на 10 коек, и в Учалинском районе на 35 коек. В документе, который появился видимо в результате очередной проверки таких «долгостроев» фиксировалась готовность Абзановской больницы в 71,0%, Илишевской больницы – в 78%, Мечетлинской больницы – в 67%, Дюртюлинской больницы – 60%, Учалинской больницы – 70%, и Улу-Теляжской больницы –

45% [7, л. 219].

В г. Ишимбае больница в аварийном состоянии подлежит закрытию. В г. Стерлитамаке больница на 55 коек также недостаточна. Необходимо строительство детских больниц в гг. Черниковске, Ишимбае, Октябрьском, Кумертау и Стерлитамаке [7, л. 220].

В качестве основной причины такого тяжелого положения с больничной помощью в промышленных центрах в документе указывается недооценка больничного ясельного строительства промышленными Министерствами и нечеткий контроль со стороны Исполкомов Горсоветов.

Союзные Министерства и ведомства в 1954 году должны были в плановом порядке построить 14 больниц с числом коек 1160. Предполагалось, что из этого числа коек для взрослых будут выделены койки для детей, то есть цифровые плановые показатели включали формирование 31 детских яслей с общим числом мест в них 1907. Однако, по республике в целом план капиталовложений за 1 полугодие 1954 года был выполнен по лечебным учреждениям на 29% и яслей на 22%, что доказывает сохранение тенденции отсутствия внимания государственных органов к вопросам охраны материнства и детства [7, л. 223].

Такое положение привело к сохранению недопустимо низкого для развития советского индустриального общества уровня социального обслуживания матерей и новорожденных детей.

В первой половине 1960-х гг., в Башкирской АССР, как и в целом по стране, неоднократно принимались на различных уровнях государственного и местного управления организационные и социально-экономические меры по повышению качества охраны материнства и детства.

Часть таких мероприятий предусматривалась в постановлении «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения республики», принятом Верховным Советом Башкирской АССР в 1962 г. В его содержании предусматривалось развитие инфраструктуры и качества лечебно-профилактического обслуживания женщин и детей, включая расширение сети женских и детских консультаций, рост численности дошкольных учреждений, специальные мероприятия по улучшению условий труда жен-

щин на производстве и на других предприятиях и учреждениях, включая создание комнат личной гигиены женщин на производстве.

Реализация предусмотренных в данном постановлении мер имело определяющее значение для государственной политики в области охраны материнства и детства в Башкирской АССР в годы хрущевских реформ [9, с. 111-118].

В результате принятых мер в рамках активно реализуемой в республике «хрущевской» социальной политики, к 1960 в Башкирской АССР насчитывалось 239 женских, детских консультаций и детских поликлиник, 326 постоянных детских яслей, в которых насчитывалось 16503 места, а число мест в детских садах и комбинатах доходило до 38861 [2, с. 106].

Большое значение для формирования комплексной системы охраны материнства и детства имело увеличение в 1956 году оплачиваемых отпусков по беременности и родам с 77 до 112 дней, что означало предоставление оплаты для беременных женщин в течение 56 дней до и 56 дней после родов. При этом в случаях осложнений родов, или рождения двух и более детей послеродовой отпуск теперь составлял 70 календарных дней [10, с. 377]. В рамках Башкирской АССР указанные комплексные меры союзного правительства привели к увеличению рождаемости. В Башкирской АССР в 1950 г. родилось 86,7 тыс. младенцев, в 1955 г. - 103,3 тыс., в 1957 г. - 110,3 тыс., в 1960 г. - 113,2 тыс. Эти темпы прироста населения сохранились и в последующие годы. В среднем в 1960-е гг. темпы роста населения Башкирской АССР составляли 1,3 % в год [4, с. 186]. Естественный прирост населения в Башкирской АССР на 1000 человек возрос с 3,8 % в 1945 г. до 14,5 % в 1965 г. [1, с. 14].

Таким образом, государственная политика по защите материнства и детства в Башкирской АССР в начале 1950-х гг. активизируется под влиянием требований правительства РСФСР - обеспечить удовлетворение насущных запросов населения. Однако, несмотря на осуществление мероприятий по развитию сферы защиты материнства и детства, в 1950 гг. сохранялось бедственное положение, вызванное зачаточным состоянием формируемой системы, специализированной акушерской и гинекологической помощи. В архивных документах сохранились данные, свидетельствующие о систематическом контроле над строительством больниц, что было вызвано распространением случаев невыполнения плановых

показателей по строительству объектов лечебно-профилактического назначения. В начале 1960-х гг., как в Башкирской АССР, так и в целом по СССР, на всех уровнях государственного и местного управления предпринимаются усиленные меры по повышению качества охраны материнства и детства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирия в Союзе ССР: статистический сборник / [сост.: В.З. Рогачев, Г.Е. Галибина, Н.В. Потемкина и др.; ред. А. А. Мурманский, Р. З. Гайфуллина, М.С. Хусаинов и др.; ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Башк. АССР]. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 262 с.
2. История медицины Республики Башкортостан: Уч. пос. для самостоятельной внеаудиторной работы студентов / Н. Х. Шарафутдинова, А. У. Киньябулатов, М. Ю. Павлова. Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, 2014. 135 с.
3. Мурзабулатов М. Население Башкортостана во 2-й половине XVI – начале XXI в. // Ватандаш. 2013. № 4. С.181-192.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Р- 444. Оп. 2. Д. 237.
5. НА РБ. Р-444. Оп. 6. Д. 1255.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1068.
7. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1599.
8. НА РБ. Ф. 6958. Оп. 3. Д. 22.
9. Постановление Верховного Совета БАССР «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения республики» // Заседание Верховного Совета Башкирской АССР пятого созыва, девятая сессия: стеногр. отчет. Уфа, 1962. С. 111-118.
10. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 500 с.

*П.А. Мухаметов,
к.и.н., заместитель начальника кафедры
истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России
(г. Уфа)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БАШКИРСКОЙ АССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Освещение в средствах массовой информации 1930-х гг. событий, происходящих на международной арене, распространение агрессии в Европе способствовало формированию патриотического мышления молодежи. Это «подогревалось» муслированием идеи капиталистического окружения Советского Союза и постоянной боевой готовности к защите своего Отечества. Приоритетной задачей патриотического воспитания советской молодежи в 1930-1940-е гг. являлась подготовка допризывного контингента для Красной армии. Достижение этой цели осуществлялось массовой пропагандой членства молодежи в добровольных оборонных и спортивных обществах, повышением своих военных знаний и физической выносливости. Особенностью патриотического воспитания советской молодежи этого времени стала ее военизация и идеологизация. Военное обучение стало неотъемлемым элементом всех уровней образования.

Советская пропаганда 1930-х гг. задействовала все механизмы формирования патриотического сознания молодежи: киноискусство, периодическая печать, художественная литература и т.д. Итогом Всесоюзной конференции кинематографистов СССР в январе 1935 г., стало втягивание отечественной кинематографии в пропаганду патриотизма, идеологически пропитанной в духе преданности и любви к родине.

Важные патриотические установки воспитывали у советской молодежи такие фильмы как «Чапаев» (1934), «Человек с ружьем» (1938), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939) и др.

Перед началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. процесс воспитания советской молодежи происходил в неразрывной связи с образованием. Внедрение элементов военизации в преподавание учебных предметов в школах, средних и высших учебных заведениях потребовало пересмотра учебных планов.

В первую очередь это касалось преподавания физической культуры и начальной военной подготовки. В разработке учебных планов принимали участие представители военного ведомства СССР, оказывающие корректирующее «воздействие» на учебный процесс с точки зрения актуальной советской военной доктрины. Так, благодаря неверным представлениям военно-политического руководства СССР о наступательном характере Красной армии в будущей войне, допризывников готовили к боям наступательным, совершенно пренебрегая навыкам обороны. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11.08.1936 г. «О понижении призывного возраста на действительную военную службу» (теперь по достижении 19 лет, вместо 21 года) Управлением военно-учебных заведений РККА и народным комиссариатом просвещения РСФСР была выработана система военной подготовки обучающихся высших учебных заведений.

Так в вузах, где не вводилась высшая вневойсковая подготовка обеспечивалось выполнение программы Управления военно-учебных заведений РККА, являющейся продолжением допризывной подготовки и осуществлялась подготовка студентов – будущих учителей средней школы самостоятельному ведению работы по массовой военной подготовке и формированию у учащихся военных знаний и навыков в рамках преподавания общеобразовательных предметов [8, л. 9 -9об.].

На военную подготовку выделялось 140 учебных академических часов в зимний период на 2-м курсе и 104 часа на летний лагерный сбор.

Для подготовки молодежи к вступлению в ряды РККА и активному участию в работе по укреплению обороноспособности страны среди студентов вузов проводилась массовая оборонная работа (стрелковые кружки, кружки противовоздушной обороны, авиамоделизма; подготовка к сдаче норм на значки «Готов к труду и обороне», «Готов к противохимической обороне», «Ворошиловский стрелок» и др.). Эта массовая оборонная работа в условиях образовательной среды вуза, при ограниченном числе часов на обязательный курс военных знаний по плану, имело не меньшее значение для формирования военных знаний и развития военно-прикладных навыков, чем выполнение обязательной программы военной подготовки. Важнейшую часть массовой оборонной работы составляла

предварительная авиационная подготовка обучающихся (авиамоделлизм и подготовка планеристов, парашютистов и летчиков) [8, л. 10].

Формированию оборонного сознания учащейся молодежи республики способствовала деятельность аэроклубов Центрального совета Осоавиахим Башкирской АССР. Без отрыва от учебы студенты высших учебных заведений республики могли посещать аэроклубы и осваивать такие специальности как авиатехник или летчик. Впоследствии, только выпускники аэроклубов имели возможность поступать в летные школы ВВС РККА. О масштабе летной подготовки студентов вузов республики свидетельствует тот факт, что из 45 принятых кандидатов в 14-ю Энгельскую летную школу ВВС РККА из Башкирской АССР в августе 1936 г. четверо были студентами вузов (Д.М. Левченко, И.П. Поздеев, А.И. Идрисов, С.Д. Дунюшкин) [7, л. 4-6].

Задача подготовки физически крепкого защитника Отечества требовала повышения внимания образовательных организаций к преподаванию учебного предмета «физическая культура» и приобщения учащихся к всесоюзному физкультурному движению. Увеличению числа вовлеченных в массовое физкультурное движение среди обучающихся высших учебных заведений способствовало введение в 1929 г. в учебные планы программ высшего образования физического воспитания, как обязательного предмета. Большую популярность в высших учебных заведениях республики получили такие виды спорта, которые имели оборонное значение: парашютный спорт, мотоциклетный, стрелковый. Профессорско-преподавательским составом военно-физкультурных кафедр, имеющих практически в каждом вузе республики, проводилась работа по организации физического воспитания и популяризации военно-прикладных видов спорта [4, с. 203].

Большая работа проводилась по выявлению и использованию позитивного опыта военной и физической подготовки студентов высших учебных заведений иностранных государств. В этом направлении осуществлял свою деятельность отдел спортивных связей с заграницей Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР.

Определенную информацию теоретикам отечественной физкультуры и спорта удалось извлечь из иностранных средств массовой информации и периодической печати (например, немецкий журнал «Deutsche Wehr», французский

журнал «L' Avto» и др.).

К уже имеющимся вузам республики в первые военные месяцы добавились эвакуированные из западных регионов страны. Пионером по организации военной подготовки среди своих студентов в республике стал Башкирский государственный медицинский институт. Начиная с 1933 г. в вузе велось преподавание военных дисциплин, а с 1934 г. функционировала военная кафедра. Вспоминая события тех лет, ветеран труда и войны М.С. Сафин отмечал, что «события тех лет диктовали необходимость активной работы по подготовке молодежи к труду и обороне. На каждом курсе и в каждой группе создавались первичные ячейки добровольных оборонных и физкультурных организаций. Все студенты были охвачены физической подготовкой по программе ГТО, стрелковым, мотоциклетным, парашютным и другими видами спорта» [9, с. 4].

В других высших учебных заведениях Башкирской АССР на всем протяжении Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. вопросы военно-патриотической и оборонно-массовой работы являлись приоритетными. Так, в Уфимском авиационном институте регулярно, по 2 часа в неделю, со студентами проводились занятия по физической подготовке [5, л. 11]. Большое внимание военно-спортивной работе уделялось в Башкирском педагогическом институте. За годы войны в вузе были подготовлены сотни ворошиловских стрелков, инструкторов стрелкового дела и авиамоделизма, пилотов и парашютистов, связистов-радиостов, мотоциклистов [1, с. 26].

С самого начала Великой Отечественной войны 1941-1945 г. молодежь Башкирии принимала самое активное участие в патриотическом движении советских людей по оказанию материальной помощи фронту, которая проявилась в самых разнообразных формах: в создании фонда обороны Родины; во внесении добровольных взносов на вооружение и боевую технику; в сборе теплых вещей и подарков фронтовикам и во многом другом [2, с. 117]. Учащаяся молодежь, студенты высших учебных заведений Башкирской АССР с удвоенной силой включились в оборонно-массовую и военно-физкультурную работу, вступали в спортивные и оборонные общества, осваивали военно-учетные специальности. В многочисленных докладных записках комсомольских и партийных организаций отмечался высокий уровень военно-патриотической и оборонно-массовой работы вузов республики. В январе 1943 г. сообщалось, «что во всех учебных

заведениях имеются группы самозащиты. Хорошо работает группа самозащиты Башпединститута. В авиационном техникуме работает военный кружок. Готовятся к военным химическим соревнованиям, провели тренировку – работу в противогазах. В пединституте на 2-х и 3-х курсах все окончили курсы сандружинниц, подготовили 40-человек комсомольцев-медсестер. В нефтяном институте работает кружок сандружинниц с охватом 20 человек, организован кружок по изучению станкового пулемета» [3, с. 114].

Постановлением СНК СССР № 413 от 13 апреля 1944 г. «О военной подготовке студентов высших учебных заведений» с 1 сентября 1944 г. в высших учебных заведениях вводилась военная и военно-морская подготовка. На Наркомат обороны СССР возлагалась обязанность укомплектовать к 1 июля 1944 г. по заявке Комитета по делам Высшей Школы при СНК СССР должности начальников кафедр, начальников учебных частей и преподавателей военных и военно-морских кафедр высших учебных заведений лицами из числа офицеров и генералов. Программы по военной подготовке в каждом вузе утверждались НКО СССР и Комитетом по Делах Высшей Школы при СНК СССР. Военное обучение студентов состояло из курса военной подготовки, проходимого в вузе, и учебных сборов в войсках. На военную подготовку студентов отводится за период обучения: в вузах с 5-летним сроком обучения – 450 часов; в вузах с 4-х летним сроком обучения – 360 часов; в учительских институтах с 2-х летним сроком обучения – 150 часов [6, л. 74].

Таким образом, формирование патриотического мышления и сознания студентов высших учебных заведений Башкирской АССР, составляющие патриотическую культуру советской молодежи в 1930-1940-е гг. происходило под строгим контролем общественных, партийных и государственных органов. Международная обстановка требовала от советских граждан повышенной бдительности и постоянной готовности к отражению внешней агрессии. Учебные заведения системы высшего образования выступили поставщиком для Красной армии физически подготовленного, идеологически выдержанного призывного контингента. Военная подготовка и физическое воспитание студентов высших учебных заведений основывалась на практическом опыте советских вооруженных сил и теоретических положениях отечественной и зарубежной педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпов Р.А. Физическая культура и спорт в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны: В помощь изучающим курс «История культуры Башкортостана». Уфа: УНЦ РАН, 1995. 43 с.
2. Гайсин У.Б. Участие молодежи Урала во всенародном патриотическом движении по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВЭГУ. 2007. № 31-32. С. 117-126.
3. Молодежное движение в Башкортостане. XX век / Г.Р. Мухаметдинов, С.Н. Мурзаханова, Т.П. Лелюх, Р.И. Биканачева, А.М. Бакирова, З.М. Кузяшева, Р.А. Низамов, А.Г. Сафаргалина. Уфа: Китап, 2005. 448 с.
4. Мухаметов П.А. Физическое воспитание в учебных заведениях Башкирской АССР в 1922-1941 годах // Вестник ВЭГУ. 2013. № 6. С. 201-204.
5. Национальный архив Республики Башкортостан НА РБ (НА РБ). Ф. 122. Оп. 23. Д. 633.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 6169.
7. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1203.
8. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1270.
9. Сафин М.С. Башкирский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны // История становления и развития БГМУ в воспоминаниях ветеранов и выпускников / Под. общ. ред. В.М. Тимербулатова. Уфа: БГМУ, 2000. 138 с.

*К.Д. Саипова,
к.и.н., доцент кафедры Истории Узбекистана
Национального университета Узбекистана
(г. Ташкент)*

ВЛИЯНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1930-Х ГОДОВ НА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В УЗБЕКСКОЙ ССР

Советская модернизация 1930-х гг. затронула все стороны жизни многонационального народа. Ее противоречивый характер нашел отражение во многих научных публикациях. Укрепление личной власти И.В. Сталина сопровождалось форсированной индустриализацией, позволившей укрепить обороноспособность

страны и насильственной коллективизацией крестьянства, сломавшей традиционный уклад жизни деревни.

Проводилась политика по развитию национальных культур, решению межнациональных проблем в рамках сталинской модели социализма. Усилились миграционные потоки. Теоретический постулат «вождя народов» о том, что «при социализме усиливается классовая борьба» положил начало репрессивной политике по всей стране [6]. Не стала исключением и Узбекская ССР.

Крупной волной принудительного переселения стала так называемая «кулацкая ссылка», связанная с проведением принудительной коллективизации. Директивы Объединенного государственного политического управления (далее ОГПУ) связанные с переселением были изданы еще 18 января 1930 г. Именно Постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. задало репрессиям большой масштаб.

К массовым раскулачиванием приступили в январе 1930 г. При официальной среднестатистической доле хозяйств, равной 2,3 % в СССР во многих районах число раскулаченных достигло уже 10-15% поселений (вместо «запланированных» 3-5%) [7, с. 62].

Если основными направлениями первой волны раскулачивания были Северный край, Урал и Западная Сибирь, то в 1931-1932 гг. переселения стали осуществляться в Казахстан, Среднюю Азию и Западную Сибирь.

Раскулаченных и высланных кулаков именовали «спецпереселенцами». В 1934 году их переименовали в «трудпоселенцев», а места их расселения переименовали из «спецпоселков» в «трудовые поселки».

Расселяли кулаков небольшими поселками, в так называемые «трудовые поселки» [8, с. 108].

Более подробно остановимся на особенностях проведения переселенческой политики в Узбекской ССР. Трудпоселенцы представляли 23 разных национальностей. Они были переданы для трудового использования Народному комиссариату колхозов, Народному комиссариату пищевой промышленности, Народному комиссариату земледелия и Народному комиссариату внутренних

дел УзССР. Здесь следует упомянуть, что вследствие коллективизации и раскулачивания, также и из Узбекистана были выселены семьи местных баев и дехкан в другие регионы страны. О масштабах репрессий в Средней Азии в 1931 г. можно судить по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1931 г.: «...переселить из Средней Азии 6 тыс. кулацких хозяйств, из них 3 тыс. на Украину и 3 тыс. чел. на Северный Кавказ [8, с. 498].

Ликвидация кулацких хозяйств, проводилась с грубыми нарушениями законов и прав человека. Только в Мирзачульском районе (Ташкентский округ) 75 хозяйств были ликвидированы как кулацкие хозяйства. Во многих районах были ликвидированы не только кулацкие, но и хозяйства со средним достатком и бедняцкие.

Только за 1930 г. в Узбекистане ликвидировали 2648 кулацких и байских хозяйств [4, с. 71]. До 1933 года в Узбекистане было раскулачено 40 тыс. дехканских семей, из них репрессированы - 31,7 тыс. [8, с. 498].

Проводимая в стране коллективизация и массовые репрессии против зажиточных хозяев способствовали перемещению больших групп населения в республику и из неё. В частности, районами сплошной коллективизации были объявлены Кокандский, Янгиюльский, Денауский, Сарыаский, Гиждуванский, Акдарьинский и Мирзачульский районы Узбекистана.

В СССР 11 марта 1931 г. создается специальная комиссия ЦК ВКП (б) во главе с заместителем председателя СНК А.А. Андреевым, которую называли «комиссия Андреева». Она стала координирующим органом по наблюдению и руководству работой по выселению, расселению и трудоустройству так называемых «кулаков». 20 марта 1931 г. принимается Постановление ЦК ВКП (б) «О кулаках», которое предусматривало дополнительную высылку в течение мая-июля 1931 года еще 150 тыс. зажиточных хозяйств в Центральную Азию [7, с. 71]. В 1932 году в спецпоселение было размещено 71236 чел., причем из них 39,4% была направлена в Среднюю Азию [8, с. 498]. По нашим подсчётам, 28066 чел. поступили на среднеазиатские спецпоселения, в том числе и в Узбекистан. В результате спецпереселенцы образовали крупные нацменовские колхозы. Так, в 1932 г. в Узбекистане было образовано 146 нацменовских колхозов. Из них 143 хлопковые и овощные совхозы [1, с. 160].

Среди нацменовских колхозов в большом количестве были созданы из числа еврейской национальности. В 1934 г. общее их количество достигло 370 хозяйств. Особенно много было создано колхозов этой национальности в Самарканде – 170 хозяйств, Шахрисабзе – 97, Каттакургане – 43, Андижане – 26, Коканде – 22, Маргелане – 20, Ташкенте – 17, Намангане – 16, Мирзачуле – 10 местных еврейских колхозов. В отчетах по переселению еврейской национальности на территорию УзССР прослеживается перевыполнение плана 17 %. [3, л. 31]. Появление столь большого количества еврейских колхозов объяснялось следующими причинами:

Во-первых, разделение евреев по этническим общностям произошло в первые годы советской власти и официально закреплялось во время переписи населения в 1926 году: европейских – 19,7%, а среднеазиатских евреев составляло – 18,2%. В общей сложности они составили 37,9%; а при создании колхозов не учитывалось это положение. Поэтому еврейских хозяйств было образовано в столь большом количестве.

Во-вторых, до начала Второй мировой войны в жизни советских евреев произошли большие изменения. Советская власть не признала еврейский народ нацией. Согласно ленинской и сталинской идеологии, евреи не соответствовали критериям, которыми определялось понятие “нация”. Сталин заявил, что нация – это историческая общность людей с общей культурой, языком, территорией и экономикой. У евреев не было такого общего базиса, и, по канонам коммунистической идеологии, они должны были смешиваться с народами, среди которых жили. Поэтому, долгосрочная сталинская политика предусматривала полную ассимиляцию евреев. Производилась дискриминация евреев, экономические, религиозные и культурные притеснения. Впоследствии началось силовое давление с целью заставить евреев эмигрировать. Они переселялись в большие города в связи с развитием индустрии и возможностью найти работу. Евреи быстро обосновались в различных государственных учреждениях и учебных заведениях. Чем большее участие они принимали в жизни советского общества, тем сильнее ассимилировались: число смешанных браков росло. Основной целью советской власти было уничтожение еврейских организаций, их лидеров, и еврейской культуры.

Таблица - Сведения о районах нацменовских колхозов Узбекистана [2, л. 20]

Районы	Кол-во		Чле-нов	Районы	Кол-во		Чле-нов
	кол-хозов	хо-зяйств			кол-хозов	хо-зяйств	
Ташкентская область				Сурхандарьинская область			
Верхний Чирчик	1	30	30	Джаркурган	2	55	211
Янгиюль	7	254	254	Денау	3	61	61
Акмал Икрамов	1	30	30	Самаркандская область			
Андижанская область				Ургут	1	12	12
Галлаарык	12	590	692	Самарканд	17	587	587
Ферганская область				Булунгур	1	40	40
Маргелан	32	1487	2729	Пайарык	1	77	77
Коканд	1	83	83	Кашкадарьинская область			
Кува	6	488	1610	Кашкадарья	1	36	36
Наманганская область				Гузар	6	613	613
Нарын	32	1258	1353	Джизакская область			
Наманган	2	240	381	Мирзачуль	7	712	712
Касансай	23	665	665	Джизак	7	447	447
Бухарская область				Навоинская область			
Бухара	2	31	161	Кермана	2	140	140
Гиждуван	1	22	38	Хатырчи	3	106	175
Ромитан		101	182				
Всего					227	10801	14340

Узбекистан не был готов принять столь большое количество нацменьшинств. Это было связано и с материальными, и денежными вопросами. Условия существования в колхозах нацменов были неблагоприятными. Переселенцев размещали в бараки. Мест в бараках совершенно не хватало. Так, в Каунчи 1930 г. было предусмотрено постройка 3-х бараков в общей площадью 600 м², т.е. 1 м² предназначалось на одного человека [4, л. 1]. К 1932 году по Узбекистану уже насчитывалось 1461 нацменовских колхозов [5, л. 6].

Даже и в таких тяжелых условиях нацмены продолжали обживать на новых местах, трудиться, создавать свой быт, свой уют. Так, например, 1932 г. закрыли в старой части города Ташкента клуб евреев, здание было отдано под общежитие. После долгих переписок и скандалов, евреям удалось вернуть клуб.

События повторились и в новой части города Ташкента. Культурно-просветительские учреждения не были обеспечены достаточным количеством кадров, финансированием и литературой, что, в конце концов, приводило их к закрытию [7, с. 83]. Так, например, национальный клуб евреев, который одновременно являлся и синагогой. В итоге, клуб отдали под сапожную мастерскую. Это был единственный очаг культуры евреев в Ташкенте, которую советская власть любыми путями стремилась отнять.

Между тем, если молитвенный дом закрывался, то по советским законам он должен был передаваться на культурные нужды той национальности, у которой он конфисковывался. Тоже самое можно сказать о клубе иранцев. Его закрыли в связи с тем, что в нем происходили безнравственные деяния и якобы этот клуб служил очагом «бандитизма» и т.д.

Рассмотрим вопрос распределения трудовых ресурсов нацменов в производстве. Зачастую, отсутствие правильно налаженного распределения кадров, приводило к большим скачкам: на одном предприятии устраивались около 40% рабочих национальных меньшинств, а на другом – 0,1% [7, с. 163].

Это приводило к проблемам нехватки кадров на втором предприятии, а первом – ее избытка. В 1932 г. среди рабочих кадров в промышленности 15% составляли спецпереселенцы – национальные меньшинства [7, с. 20]. В крупную промышленность Узбекистана было переброшено 53 тыс. рабочих, и лишь 4 тыс. человек составляли рабочие местных национальностей. Это приводило к национальному дисбалансу.

Такие проблемы прослеживались и в органах государственного управления. В 1934 г. в управленческих должностях в ЦИКе национальные меньшинства составляли 81%; в СНК – 73%; в комитете и бюро при ЦИК и СНК – 34%; ЭКОСО – 10%; в уполномоченных звеньях СНК – 20%; Наркоме и центре управления на правах НКМ – 30%; на фабриках – 69%; НК финансирования – 26%; НК просвещения – 59%; НК здравоохранения – 35%; НК земледелия – 29%; НК хозяйства – 7%; республиканском управлении связи – 14%; прокуратуре – 53%; судебных учреждениях – 29%; научно-исследовательских учреждениях – 22%; вузах – 26%; техникумах – 49%; раб. фабриках – 45%; газетах – 41% [5, с. 31]. Как

видно, по статическим данным, национальным меньшинствам отводилось большое место в структурах государственного управления, что вызвало некоторое недовольство у местного населения.

К 1938 г. количество национальных меньшинств еще больше увеличивается: на 19% - рабочих, переселившихся в Узбекистан на постоянное место жительства; на 15% - сезонных или временных рабочих кадров; в народном хозяйстве – на 36,6%. В 1938 г. они образовали 56 поселков национальных меньшинств, с численностью более 35 тыс. человек.

В 1930-е гг. усилилась добровольно-стихийная миграция в Узбекистан, главным образом из Поволжья и других районов России, а также Украины. Приток переселенцев в Узбекистан в значительной степени шел на основе планомерной, целенаправленной «переброски» трудовых ресурсов, что явилось следствием имперской политики Центра.

Советская власть трактовала «переброску» кадров как один из путей осуществления национальной политики, направленная на «расцвет» и «сближение» наций. И хотя предпринимались шаги по формированию национальных кадров, т.е. создавались курсы, школы, кружки и т.д., их абсолютная численность росла, но в процентном отношении их число всё равно уменьшалось.

Выдвинутая в 1930-е годы теория «слияния наций» давала установку всей национальной политике. И если раньше в республиках национальные языки пользовались равными с русским языком правами, то теперь на первое место была поставлена пропаганда и изучение русского языка. Постановление 1938 г. об обязательном обучении русскому языку в национальных республиках создало ему исключительные условия. Национальный язык, как один из основных критериев национального самосознания, вытеснялся на второй план. Негативное влияние на развитие узбекского языка оказала и смена алфавитов (в 1929 году замена узбекской письменности на основе арабской графики – латиницей, а в 1940 году - кириллицей). Поэтому, формирование национального состава Узбекистана происходило под воздействием сложной экономической и социально-политической ситуации в бывшем Союзе. В социально-политическом плане это сопровождалось повсеместными массовыми репрессиями. Репрессиям подвергались относительно зажиточные слои сельского населения «кулаки», научная и творческая интеллигенция, целые

народы. В экономическом плане этот период характеризуется рядом экономических проблем, которые катастрофически сказались на регионе. Это явилось причиной массовых миграций населения из многих республик Советского Союза в Узбекистан и другие республики Центральной Азии.

В 30-е годы XX века усиливается миграция в Узбекистан из Поволжья и других районов России, а также Украины. Миграционные процессы в СССР складывались под сильным влиянием административных регуляторов. В результате миграции в Узбекистан были направлены рабочие из центра и западных республик страны. В основном, русских рабочих из России отправляли в Узбекистан для работы на промышленных предприятиях и на постоянное жительство. Численность «привозных» трудовых кадров увеличивается из года в год, в результате в процентном отношении число местных кадров уменьшалось. Так, в годы первой пятилетки в крупную промышленность Узбекистана было привлечено 57 тыс. рабочих, 4 тыс. человек составляли рабочие местных национальностей. Это приводило к дисбалансу и к не доверительному отношению местного населения к «привозным» кадрам.

Не отрицая заслуг советской власти в создании экономического потенциала Узбекистана, формировании научно-технической, гуманитарной интеллигенции, профессиональных кадров, отметим, что эти вопросы шли в строго регламентированном русле. При экономическом развитии республики слабо учитывались традиции, интересы, желания, бытовая и ценностная ориентация жителей регионов монокультуры, однобокая индустриализация сопровождалась порочной практикой центра по искусственному наращиванию многонациональности Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноятова Д.М. История немецкой диаспоры Узбекистана (вторая половина XIX – начало XXI века). Автореф. на соис.уч.степ.д.и.н. Ташкент, 2020. 64 с.
2. Национальный архив Республики Узбекистан (НАРУз.) Ф. 2515. Оп. 2. Д. 7.
3. НА РУз. Ф. 1619. Оп. 13 Д. 4.
4. НА РУз. Ф. 1619. Оп. 13. Д. 11.
5. НА РУз. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 10.
6. Постановление об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП от 23 октября 1927 года. URL: <http://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-ob-isklyuch-enii-tt>

zinoveva-i-trotskogo-iz-tsk-vkp/ (дата обращения 27.05.2019)

7. Полян П. Не по своей воле. История и география миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.
8. Рахманкулова А. Политические процессы периода сталинизма и насильственное переселение народов в Среднюю Азию и Казахстан // Новые имена и факты в истории политических репрессий в Казахстане и Западной Сибири в 1920-1950-е гг. М., 2017. С.108-112.
9. Рахманкулова А. Национальная политика Советского государства в 1930-1940-е годы. Депортация народов в Узбекистан. // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. М.: Политическая экспедиция, 2014. С.498-501.

Ф.Г. Сафин,
*д.и.н., профессор, зав.отделом этнополитологии
Института этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева УФИС РАН
(г. Уфа)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ БАШКИРСКОЙ АССР В 1920-1930-Е ГОДЫ

Проблема культурного развития страны и региона занимала одно из ведущих направлений в научно-исследовательской работе профессора М.Х. Янборисова. Темы его кандидатской и докторской диссертаций были посвящены данной проблематике. В предлагаемой нами публикации предпринята попытка раскрытия языковой политики в системе школьного образования в Башкирии в 1920-30 годы. Данный вопрос рассматривается с точки зрения языка обучения в многонациональной республике после революции и образования Башкирской АССР. В этом смысле слова ключевой проблемой становится язык обучения в школах республики, ибо многонациональное по своему составу население компактно проживало в однонациональных сельских поселениях, в которых языком общения выступал язык одной национальности: башкирский – в башкирских, татарский – в татарских, чувашский – в чувашских, марийский – в марийских и т.д.

Из-за отсутствия педагогических кадров и соответствующей учебной и учебно-методической литературы в школах ряда населенных пунктов, особенно

в башкирских, обучение велось на татарском языке. Что впоследствии дало повод утверждать, что в послеоктябрьский период из-за обучения на татарском языке, часть башкирского населения была ассимилирована, хотя, до революции, родным языком местного, «по самосознанию башкирского» населения был башкирский язык [1, 3, 5, 16].

Анализ этноязыковой ситуации в Башкирии по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. [6, с. 334-344], и динамики национальных школ в 1920–1930-е годы показывает, что в те годы языковая политика основывалась, во-первых, на сложившихся реалиях 1920-х годов, во-вторых, на всестороннем учете языковых интересов населения республики [36].

В данной статье, на основе анализа материалов переписей населения, архивных и других статистических данных предпринята попытка показать и в какой-то мере переосмыслить реальную картину этноязыковой ситуации, а также особенности языковой политики в Башкирии на заре советской власти.

После революции 1917 г. одним из первых мероприятий коллегии Наркома просвещения РСФСР было постановление от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств». В нем указывалось, что «все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе» [7].

Важную роль в реализации национальных языков на практике сыграло решение X съезда РКП(б), состоявшийся в 1921 г. В принятой резолюции была отмечена необходимость оказать помощь трудовым массам невеликорусских народов в развитии и укреплении у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке [8].

Большие трудности представляло создание школ, а тем более осуществление всеобщего начального и семилетнего обучения на башкирском языке. Чтобы решить эти проблемы, необходимо было, прежде всего, создать башкирскую письменность, организовать широкую подготовку национальных педагогических кадров, подготовить оригинальные учебники родного языка и литературы

и перевести с русского на башкирский язык все учебники по общеобразовательным предметам, разработать соответствующие учебные планы и программы, а также издать различные русско-башкирские и башкирско-русские терминологические словари и методические пособия для учителей [35, с. 43].

Анализ данных о национальных школах в Башкирии в 1923–24 учебном году показал, что из существовавших тогда школ I ступени 39,0% составили школы с русским языком обучения, 61% школ – с национальными (из них 26,7% – с башкирским, 22,7% – с татарским). Из школ II ступени немногим менее половины было с русским языком обучения, почти 20% – с татарским, 13,4% – с башкирским и 19,4% – с языками других народов, проживающих в республике (марийцы, чувашаи, немцы, удмурты, мордва и т. д.) (см. табл. 1–4).

В 1923–24 учебном году насчитывалось 1858 школ I ступени, в которых обучалось 100 335 чел. В это число включены также 170 договорных школ с 5965 учащимися, каковые составляли 6,2% от учащихся школ I ступени. Общее количество учащихся в школах I-й ступени составляло 41% всех детей школьного возраста. Вне школы оставались 59% детей. Уровень обучаемости детей школьного возраста в разных кантонах был неодинаковым. Например, в Уфимском он составлял 53,3%, в Белебеевском – 38,6%, в Зилаирском 27,8%, в Катайском – 44,9%, в Аргаяшском – 22,7%, в Месягутовском – 58,8%, в Бирском – 36,6% и в Стерлитамакском – 41,6%. Соответственно наиболее благополучными по охвату детей обучением считались Месягутовский и Уфимский кантоны, наименее благополучными – Аргаяшский и Зилаирский [36, с. 203].

В 1923–24 учебном году башкирских школ I ступени в республике насчитывалось 496 (26,7%). Но они только числились башкирскими, поскольку обучение в них было организовано на татарском языке. Татарских школ было 422 (22,7%), русских – 721 (39,0%), чувашских – 65 (3,5%), марийских – 57 (3,1%), мордовских – 17, удмуртских – 13, немецких – 10 и т. д. Учащихся башкир насчитывалось 23465 чел., татар – 25359, русских – 41958. В то же время доля учащихся, охваченных учебой, у разных народов сильно различалась. Наибольший охват учебой был у детей татарской национальности – 59,9%, тогда как среди башкир этот показатель был равен лишь 32,8% [17, д. 151. л. 97а].

В то же время при увеличении числа школ и учащихся в 1924–25 учебном

году обучалось в школах всего 37,7% детей школьного возраста. В наименьшей степени школьным обучением были охвачены дети из «национальных меньшинств». В 1924–25 учебном году школу посещали 37,7% башкирских детей, 62,6% татарских, 34,6% русских детей школьного возраста.

Столь высокая доля охвата обучением татарских детей объясняется, прежде всего, тем, что, хотя число учащихся башкир и татар приблизительно было одинаковым, но башкир было в 1,7 раза больше, чем татар.

Кроме того, организация татарских школ проходила намного легче, чем башкирских, так как они организовывались не на пустом месте: имелись педагогические кадры, учебники на татарском языке и т. д. К тому же на этом языке обучались дети мишарей и тептярей, а также части башкир, говорящих на татарском языке. Значительные различия между процентом учащихся среди детей башкир и татар объясняется также тем, что определенная часть татароязычного населения, отмеченная в данных переписи башкирами, обучалась на родном татарском языке. Поэтому процент охвата обучением детей с татарским языком был гораздо выше, чем аналогичный показатель у других национальностей. В то же время охват обучением русских детей был довольно низким (29,6%), по этому показателю русские занимали лишь шестое место в республике. Весьма высоким был охват обучением детей у чувашей и марийцев, соответственно 42,6% и 39,9%. В разных кантонах среди национальных меньшинств данный показатель выглядел по-разному.

Так, в Стерлитамакском кантоне среди татарских детей в школах обучалось 38%, среди русских и башкирских – по 32%, среди чувашских – 25%, среди мордовских – только 15%. Другой пример: по Бегеняш-Абукуновской волости Стерлитамакского кантона в чувашских школах из 350 учеников девочек было всего 27 чел. (7,5%), в мордовских из 145 учеников – 3 девочки (2%), в башкирских из 92 ученика – 32 девочки (больше 30%), в русских из 32 учеников 14 девочек (45%). Эти цифры свидетельствуют о недостаточной работе местных органов власти среди некоторых национальных меньшинств, прежде всего мордвы [15, д. 41. л. 115].

Пленум Башкирского обкома ВКП(б) 3 июня 1926 г. отметил наличие национальных школ I ступени с преподаванием, вследствие недостатка учителей, не на

родном языке, и предложил Нарком просвещения разработать меры по ускорению перехода на родной язык (т. е. местный разговорный язык). Одновременно подчеркивалось, что знание русского языка – одно из основных условий, обеспечивающих получение среднего и высшего образования и возможность культурного роста для всех национальностей СССР. Для действительного осуществления преподавания русского языка в национальных школах I ступени было признано необходимым ввести преподавание русского языка, начиная со второго года обучения. В школах, где имелось двое учителей, один должен был хорошо знать русский язык; в школах с тремя и более учителями требовалось иметь одного преподавателя русского языка. Учитывая недостаток учителей - «националов», хорошо знающих русский язык, предполагалось привлекать русских учителей. При установлении квалификационной оценки учителя учитывалось знание русского языка. Были предусмотрены и ряд других мер [19, д. 78. л. 7а].

Наиболее высока была доля башкирских школ в Аргаяшском (79,6%), Тамьян-Катайском (59,7%), Зилаирском (41,7%) и Бирском (42,0%) кантонах. В количественном отношении башкирские школы преобладали в Бирском кантоне (131 – в 2 раза больше, чем в других кантонах), но обучение в них шло на татарском языке.

Высокий удельный вес составляли школы с татарским языком обучения в Уфимском (31,8%) и Белебеевском (40,5%) кантонах, в которых весьма высоким был процент татароязычного населения. В Уфимском кантоне число татарских школ превышало число башкирских более чем в два раза. Почти половину составляли школы с русским языком обучения (46,4%), что соответствовало доле русскоязычного населения в кантоне. Доля русских школ была значительна почти во всех кантонах республики, самой большой (более половины) она была лишь в Зилаирском кантоне (50,9%).

В то же время в ряде мест в организации школ имелись свои перегибы. Например, в Мурзаларской волости не было ни одной школы с русским языком обучения, хотя более 30% населения составляли русские. Поэтому местное русское население выражало свое возмущение тем, что «при Николае русские и башкиры ходили в одну школу, а когда советская власть – то школа создается только лишь для башкир» [18, д. 8. л. 202].

Помимо башкирских, татарских и русских в республике в указанный период функционировали школы с чувашским, марийским, удмуртским, мордовским, немецким, латышским и другими языками обучения. Доля чувашских, марийских и удмуртских школ полностью соответствовала доле населения, считающего родным язык своей национальности.

Иными словами, еще в начале 1920-х годов национальные меньшинства республики имели возможность обучать детей на родном языке. Свидетельством этого служат показатели числа школ и их доля, а также численность учащихся, обучавшихся на родном языке (см. табл. 1 и 2). Исключением были башкиры и татары. Показатели по двум последним ярко вырисовываются в контексте количества школ, расположенных в Бирском кантоне, ибо по данным архивных материалов выясняется, что абсолютное большинство школ в нем были обозначены как башкирские с башкирским языком обучения, и это в кантоне, где башкироязычное население составляло весьма незначительную долю (0,9%). Несмотря на то, что в статистических материалах школы считались башкирскими, в действительности преподавание в них шло на татарском языке. В этой связи ряд исследователей, опираясь на данные архивных материалов, отмечал, что «в Бирском кантоне в 1923–24 учебном году имелась целая сеть башкирских школ» [2, с. 89]. Глубокое изучение архивных материалов, отчетов о деятельности Наркома просвещения, партийных и советских органов, посвященных состоянию и развитию школьного образования, организации национальных школ с родным языком обучения в 1920-е годы (и вплоть до середины 1930-х) показывают, что во многих школах, особенно I ступени, преобладало обучение на татарском языке, хотя они в отчетах были зафиксированы как башкирские. Численность и доля учащихся, обучавшихся на родном языке в школах I ступени в 1923–24 учебном году, почти совпадало с долей населения, признающего родным язык своей национальности. Расхождения в этих показателях наблюдались лишь среди учащихся с башкирским и татарским языками обучения. Например, доля учащихся с «башкирским языком обучения» в республике за указанный период составляла 22,4%, при доле башкироязычного населения 12,9%, т. е. доля башкирских школ превышала долю населения с башкирским языком почти на 10%. Доля учащихся с татарским языком обучения (27,2%), наоборот, уступала доле татароязычного населения

(33,8%) [28, д. 738. л. 2].

Аналогичная ситуация и со школами II ступени и с численностью учащихся в них. Но здесь наблюдалась другая тенденция, связанная с организацией школ с башкирским языком обучения в тех кантонах, где башкиры составляли значительную долю населения.

Это Месягутовский, Зилаирский и Уфимский кантоны, в которых за указанный учебный год не было школ II ступени с башкирским языком обучения, татарские школы здесь уже функционировали.

Таким образом, несмотря на некоторые статистические парадоксы, можно констатировать, что в середине 1920-х годов были созданы условия и предпосылки, позволяющие населению обучать детей на родном языке, что получило свое дальнейшее развитие в последующие годы.

В западных и северо-западных районах вопрос о языке обучения детей был актуальным уже в период образования Башкирской республики. Принятое в 1921 г. II Всебашкирским съездом Советов постановление о признании башкирского, наряду с русским, государственным языком, определяло приоритетное внедрение первого в учебных заведениях и в других государственных учреждениях. Это постановление не было пересмотрено после образования «Большой Башкирии» и продолжало действовать на всей территории Башкирской республики. Отметим, что в только что образованной Башкирской республике обучение на башкирском языке не вводилось, так как для этого еще не было создано необходимых условий: не было учебников, практически не было педагогов из башкир и с башкирским образованием. Более того, в то время не было даже термина «башкирский литературный язык». Несмотря на это, в 1923–24 учебном году в Бирском кантоне из 312 школ I ступени 131 (42%) были отмечены «башкирскими». Это при том, что лишь 2,8% всех башкир кантона являлись башкироязычными. На русском языке обучение велось в 112 школах (35,9%), на марийском – в 47 (15,1%), на удмуртском – в 12 (3,8%) и на татарском лишь – в 10 (3,2%) (см. табл. 1).

В следующем 1924–25 учебном году число школ I ступени достигло 333. Число «башкирских» школ увеличилось на 30 и достигло 161 (48,3%) при численности класс-комплектов 228. Осталась на прежнем уровне численность марийских школ – 47, уменьшилось на три единицы число русских школ, были

открыты одна немецкая и одна смешанная удмуртско-башкирская школы. В течение одного учебного года в Бирском кантоне «закрылись» имевшиеся 10 татарских школ I ступени: их перевели в разряд башкирских, но обучение продолжалось все же на татарском языке [29, д. 1075].

На этом также акцентировалось внимание специального послания Башобкома в ЦК РКП(б). В нем говорилось, что «Наркомпросом предприняты реальные меры по созданию учебников и руководств на башкирском языке и подготовке преподавателей башкирского языка с расчетом, чтобы с начала 1924–25 учебного года во всех башкирских школах начать преподавание на родном языке учащихся, а в русских школах II ступени башкирский язык вводить как слабый (особый. – Ф.С.) предмет» [29, д. 1075. л. 34]. Одновременно отмечалось, что «в отдельных школах II-й ступени с преподаванием на башкирском языке нет и нет со стороны башкир тенденции к созданию таковых. Хотя, согласно учебного плана, во всех школах II ступени башкирский язык вводился как предмет, но за полным отсутствием учебников на башкирском языке и учителей, знающих башкирский язык, преподавался во всех школах татарский язык.

В школах первой ступени по тем же причинам, с очень малым исключением, преподавание велось на татарском языке. Но тенденция со стороны башкирского населения (горного и интеллигенции) обучать своих детей в I-й ступени на родном языке имелась» [29, д. 1075. л. 34].

Несмотря на то, что башкирский язык был объявлен государственным и должен был изучаться как обязательный предмет, он не был введен даже в башкирских школах, не говоря уже о других. Причиной этого, как указывалось в отчете о деятельности Башнаркомпроса и о состоянии просветительской работы в БССР, стало отсутствие учебников. Башкирский букварь был отпечатан только в конце 1923–24 учебного года и еще не получил распространения. У многих национальных меньшинств, например, мордвы и марийцев, тоже не было букваря. Преподавание в большинстве школ, как «нацменьшинств», так и башкирских, велось на русском или татарском языках [17, д. 151. л. 88].

Таким образом, хотя эти школы считались башкирскими, обучение в них велось на татарском языке. Поэтому говорить о них как о чисто башкирских школах с башкирским языком обучения не представляется возможным. Некоторые

ученые, не вникая в суть сложившейся языковой ситуации и подчеркивая лишь то, что население данных регионов было записано при переписях башкирами, преподносят введение обучения на башкирском языке как само собой разумеющееся явление, по принципу: раз они башкиры, то должны обучаться на башкирском. На самом же деле, суть данного, возможно, весьма уникального явления, состоит в другом.

Во-первых, трудно допустить, что буквально за один год в Бирском кантоне «исчезли» татароязычные учащиеся.

Во-вторых, анализ данных Всесоюзной переписи населения 1926 г., проведенный нами по Бирскому кантону, показал, что из всех башкир лишь 5005 чел., т. е. 2,8% в качестве родного признали башкирский язык. Если башкироязычное население в кантоне составляло лишь 0,9%, то татароязычное – больше половины (55,1%).

Н. Максютова пишет, что в 1924–1940 гг. в школах, в том числе в западных и северо-западных районах Башкирии, учебно-воспитательная работа велась на башкирском – языке местных жителей [9, с. 154]. В связи с этим имеет смысл привести один из множества документов по этому поводу. В письме Народного комиссара просвещения Башкирской республики от 2 января 1923 г. Агитпропу Обкома РКП(б) за № 8257 говорилось, что согласно учебного плана во всех учебных заведениях, как соцвоста (в школах II ступени), так и профобра (техникумах) изучение башкирского языка введено как предмет по 2 часа в неделю. В Уфе во всех указанных школах, а также в кантонах, где имеются преподаватели, учебный план проводится в жизнь. Но ввиду полного отсутствия учебников на башкирском языке и недостатка учителей, знающих башкирский язык, во всех школах преподается пока лишь татарский язык. Что же касается школ I ступени, расположенных в башкирских селениях, по тем же причинам в них преподавание всех предметов ведется также на татарском языке [24, д. 128. л. 40]. Поэтому обком партии принял тогда решение создать лингвистическую комиссию для изучения языка местного населения, чтобы определить, на каком языке обслуживать население западного и северо-западного, и ряда восточных районов республики, например, Учалинского, на башкирском или же на татарском? После завершения работы экспедиций по их рекомендации местное население стало обслуживаться на том языке, который был

определен решением лингвистических комиссий [12, 13].

После этого было завершено окончательное определение языков обучения в школах этих районов республики. При этом отметим, что наряду с увеличением числа татарских школ сохранились и школы с башкирским языком обучения. Например, в Бураевской волости в 1923–24 учебном году из 8 школ I ступени 7 были башкирскими. В 1931–32 учебном году таких школ стало 61, и из них всего лишь 5 были башкирскими (т. е. сокращение на две школы, но обучение в них шло на татарском), 41 – татарская, 7 – русских, 5 – удмуртских и 3 – марийские.

Анализ архивных материалов показывает, что буквально за два учебных года в Бирском кантоне численность учащихся школ I ступени, обучавшихся на «башкирском языке», сократилась более чем на 1,5 тыс. человек. При этом их доля снизилась от 40,1% до 23,4%. В 1923–24 учебном году доля учащихся школ I ступени, обучавшихся на татарском языке, составляла лишь 2,8%, при их численности 488 человек. За два года, т. е. к 1925–26 учебном году численность учащихся школ I ступени, обучающихся на татарском языке, увеличилась в 15 раз. Их доля в общем составе учащихся достигла в Бирском кантоне 30,0%. Таким образом, если в 1924–25 учебном году сеть татарских школ полностью «исчезла», то спустя два года проявилась тенденция их ежегодного увеличения. В 1931–32 учебном году в этом регионе, уже при новом административно-территориальном делении – на районы – численность башкирских школ заметно начинает снижаться. В течение нескольких последующих лет их число остается минимальным. При этом еще раз подчеркнем, что обучение в школах западных и северо-западных районов республики в 1920–1930-е годы всегда велось на татарском языке, ибо местное население считало его родным. Этот процесс нельзя рассматривать как «татаризацию». Естественно, необдуманное присоединение к «Малой Башкирии» после провозглашения Башкирской республики двух уездов с преобладающим татарским и татароязычным населением, а также введение обучения местного населения на башкирском языке воспринимались неоднозначно. Партийные же и советские органы на местах, понимая реальную языковую ситуацию в кантоне, всячески противились указам вышестоящих органов власти. Например, в письме председателю правления Башкирского книгоиздательства в Башобком РКП(б) «О башкирском букваре» Бирское отделение по

народному образованию 16 февраля 1923 г. сообщало, что учебники на башкирском наречии для Бирского кантона не подходят и просило обеспечить их учебниками и учебными пособиями на татарском языке [24, д. 128. л. 52]. Поэтому практически к середине 1930-х годов все школы, считавшиеся в статсведениях башкирскими, стали отмечаться как татарские.

В большинстве школ преподавание велось на родном языке. Таковым считался язык, на котором говорило большинство учащихся. Изучение государственных языков (на территории БАССР – это были башкирский и русский) по учебному плану было обязательным. Русский язык в школах I ступени, обслуживающих все национальности, кроме русской, вводился, начиная с половины второго года обучения, на что выделялось по 2 часа в неделю на группу; в национальных школах II ступени и ШКМ – по 4 часа в неделю. Если в школах II ступени и ШКМ и ОПУ у нерусских национальностей преподавание велось на русском языке, то на родной язык отводилось по 3 часа в неделю на группу. Изучение башкирского языка по учебному плану было обязательным во всех русских школах с IV года обучения – по 3 часа в неделю на группу. А в школах II ступени со смешанным составом учащихся, где преподавание на русском языке было обязательным, башкирский язык изучали по 3 часа в неделю на группу, если учащиеся из башкир составляли большинство, например, 60%. В школах II ступени ШКМ – татарских и других национальных меньшинств, где преподавание проходило на родном языке, изучение башкирского языка было необязательным [16, д. 37. л. 74]. На заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР 27 мая 1937 г. был заслушан вопрос о ликвидации неграмотности в Московской области, Азовско-Черноморском крае и Башкирской АССР. В принятом постановлении было отмечено, что в Башкирии 54% неграмотных не обучаются в школах [26, д. 4501. л. 110].

Тенденцией развития национальных школ в Башкирии в 1930-е годы было дальнейшее их укрепление и совершенствование. В районах с преобладающим башкирским населением с 1931–1932 по 1938–1939 гг. при общем росте числа школ, увеличилось также число школ с башкирским языком обучения. Одновременно в них функционировали школы, в которых обучение осуществлялось на татарском и русском языках. Доля школ на национальных языках в целом отражала языковую ситуацию, существующую в республике. Показательно, что в

действительности такие школы были открыты даже там, где доля некоторых национальностей была относительно незначительной, но они имели возможность обучать детей на родном языке. Так, в 1931–32 учебном году в Баймакском районе имелись 30 башкирских школ, и в одной из них было организовано обучение, наряду с башкирским, и на русском языке.

В 1938–39 учебном году уже функционировали 72 башкирских, 4 татарских и 5 русских школ. Увеличилось число русских и татарских школ в Зианчуринском районе, открылась татарская школа в Белорецком районе и т. д. (см. табл. 1). Даже в 1930-е годы в ряде районов с преобладающим башкирским населением в башкирских школах с родным башкирским языком обучение шло на татарском языке. Например, в приказе Башнаркомпроса от 25 сентября 1936 г. говорилось, что в Кугарчинском районе в Мурапталовской башкирской неполной средней школе преподавание детям-башкирам ведется на татарском языке [25, д. 3484. л. 20].

Заслуживает внимательного изучения и распределение школ в зауральском Учалинском районе, в котором в 1931–32 учебном году из 27 школ 16 были башкирскими и 11 татарскими. Через семь лет (в 1938–39 учебном году) количество башкирских школ достигло 51, татарских 16; в районе функционировали 14 школ с русским языком обучения.

Доля существующих национальных школ не всегда совпадала с долей учащихся, обучавшихся на родном или же на русском языках. Например, в Баймакском районе в 1938–39 учебном году при 5,5% школ с русским языком обучения доля обучавшихся на русском языке составила 20,6%, в Белорецком – соответственно 52,2% и 71,6%, в Хайбуллинском – 37,9% и 56,6%.

Иными словами, в некоторых районах, обеспечивая функционирование школ с национальным языком обучения, предпочтение отдавали обучению на русском языке. Таким образом, еще в 1930-е годы процесс приобщения нерусских народов к русскому языку имел широкое распространение. И это происходило до принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

Таблица 1- Распределение учащихся по языкам обучения в районах с преобладающим башкирским населением [30, д. 2467; 31, д. 5128]

Район	1931–32 учебный год				1938–39 учебный год			
	Всего	башк.	татар.	рус.	Всего	башк.	татар.	рус.
1. Абзелиловский	1594	1594	–	110	6573	4706	–	1867
- в %		100	–	6,9		71,6	–	28,4
2. Баймакский	2108	1968	–	140	8317	5557	1045	1715
- в %		93,4	–	6,6		66,8	12,6	20,6
3. Белорецкий	3263	915	–	2348	9850	2412	384	7954
- в %		28,0	–	72,0		24,5	3,9	71,6
4. Бурзянский	351	351	–	65	1961	1945	–	16
- в %		100	–	18,5		99,2	–	0,8
5. Зианчуринский	3251	1913	211	1050	6949	3118	618	3166
- в %		58,8	6,5	32,3		44,9	0,1	45,5
6. Ишимбайский	3380	1804	801	875	нет сведений			
- в %		53,4	23,7	25,9				
7. Салаватский	нет сведений				6672	3121	1865	1686
- в %							46,8	28,0
8. Учалинский	2096	834	1262	–	10397	4038	3438	2921
- в %		39,8	60,2	–		38,8	33,1	28,1
9. Хайбуллинский	3429	1712	–	1684	4749	2027	–	2689
- в %		49,9	–	49,1		42,7	–	56,6

В вышеупомянутом Учалинском районе при 63,0% башкирских школ обучавшихся на башкирском языке было 38,8%. Доля учащихся с татарским языком обучения составила треть всех учащихся района, хотя татарских школ было 20%, а русских – 17,1%.

Диспропорция между количеством школ и числом учащихся объясняется различием в численности национальностей и степенью признания родным языка своей национальности.

Зафиксированное Всесоюзной переписью 1926 г. и занимающее в составе тогдашней Учалинской волости 40,0% (5404 чел.) тептярское население родным считало татарский язык [6, с. 339]. Из 979 башкир Учалинской волости, что составляет 6,9% населения 768 (т. е. 78,4%) считали родным языком башкирский. Всего татар насчитывалось 3430 чел. (24,1%), мишарей – 1 919 чел. (13,5%).

В целом башкироязычное население составляло 5,4%, а татароязычное – 79,5% всех жителей Учалинской волости [6, с. 344].

Несмотря на это в 1933 г. Башкирским Обкомом ВКП(б) была создана аналогичная комиссия, на предмет определения на каком языке вести преподавание

и делопроизводство в теплярских деревнях [37, с. 141-149].

ЦИК и СНК БАСССР 24 августа 1930 г. приняли постановление «О введении обязательного всеобщего начального обучения в БАСССР» [27, д. 948. л. 207]. В 1929–30 учебном году число учащихся в начальных школах составляло 184300 чел. (58,4% детей школьного возраста), в 1930–31 учебном году – 244000 чел. Башкирия в основном завершила введение всеобщего начального обучения к 1934–1935 г., доведя число учащихся до 345 766 чел. Если в неполных средних школах учились в 1929–30 учебном году 16 300 чел., то в 1934–1935 – 71702 человека. Тем самым было осуществлено введение всеобщего семилетнего обучения по городам и рабочим поселкам и процент охвата V классами учащихся, оканчивающих IV классы, по сельской местности был доведен до 63,6% против 9,6% в 1929–30 учебном году. Процент охвата башкирских детей в 1934–35 учебном году повысился до 18,1% (в 1929–30 учебном году – 12,6%) [23, д. 278. л. 1]. Дальнейший рост числа школ и контингента учащихся шел уже за счет естественного прироста населения.

Преподавание в начальных и неполных средних школах велось на родном языке учащихся. Башкирские школы к 1933 г. получили стабильные учебники по всем дисциплинам. Выросло за эти годы число учителей, в том числе и среди башкир. Если в 1929–30 учебном году было всего 639 учителей-башкир, то в 1934–35 учебном году оно достигло 2098 чел. Всего преподавателей насчитывалось 12160 чел., в том числе учителей I–IV классов 9188 чел., V–X классов – 2972 чел. В 1934–35 учебном году на территории БАСССР в новых ее границах работало всего 4237 школ, в том числе начальных 3685, неполных средних 518, средних 34. Общее число школ в 1934–35 учебном году по сравнению с предыдущим уменьшилось на 618, что объясняется слиянием начальных школ с неполными средними и отходом 10 сельских советов (это приблизительно 60 школ) к Оренбургской области и двух районов – Кунашакского и Аргаяшского – преимущественно с башкирским населением – ко вновь образованной Челябинской области [23, д. 278. л. 1а].

Если в 1931–32 учебном году в Аскинском, Балтачевском, Дюртюлинском, Туймазинском, Янаульском районах работали от одной до восьми «башкирских»

школ, то в 1938–39 учебном году таковых уже не осталось. Но это нельзя оценивать однозначно как процесс татаризации, ибо анализ школ на национальных языках за этот период показал, что в указанных районах появились школы с башкирским языком обучения, которых в 1931–32 учебном году не было. В Буздякском районе начали функционировать 4 школы, в Благовещенском одна с башкирским языком обучения. Наибольшую долю они составляли в Аскинском – 7 школ (14,3%), Балтачевском – 8 (12,7%), Бураевском – 5 (8,2%) и т. д. (см. табл. 2). Но, несмотря на то, что они назывались башкирскими, обучение в них оставалось на татарском языке. В ряде школ Янаульского, Караидельского, Нуримановского районов башкирский язык был введен как отдельный предмет в тех населенных пунктах, которые значились как башкирские. Попытки введения башкирского языка в школах указанных районов не «прижились», так как разговорный язык местного населения был татарским. Для татароязычных учащихся башкирский был другим языком. На это также обратили внимание участники лингвистической экспедиционной комиссии, побывавшие в этих районах с целью изучения языковой ситуации [12].

К 1938–39 учебному году в указанных районах «башкирских» школ практически не осталось. Доля татарских школ составляла от 50,9% в Краснокамском, до 90,7% в Чекмагушевском районах.

Аналогичной была картина числа учащихся с татарским языком обучения, т. е. их доля соответствовала доле населения с родным татарским языком. Помимо школ с татарским и башкирским языками обучения в республике функционировали школы с марийским, чувашским, удмуртским, латышским, немецким, мордовским и другими языками национальных меньшинств; число учащихся в них продолжало расти. Уже в 1931–32 учебном году обучение во всех нерусских начальных школах Башкирии осуществлялось на родном языке. А к 1936 г. и в средних школах стало возможным обучение детей по всем учебным дисциплинам на родном языке. В 1931–32 учебном году всеобщее обязательное начальное обучение в Башкирии в основном было осуществлено [1, с. 42-43].

Анализ количества учащихся по языкам обучения также показал, что в западных и северо-западных районах, доля обучающихся на татарском языке по-

степенно приблизилась к доле татароязычного населения. Такая тенденция, связанная с обучением на родном (татарском) языке, сохранялась до конца 1970-х – начала 1980-х годов и в течение полувека никаких «коллизий» и споров по поводу преподавания и обучения на родном языке не возникало.

Таблица 2 - Распределение учащихся по языкам обучения в западных и северо-западных районах I ступени [30, д. 2467; 31, д. 5128]

	1931–32 учебный год				1938–39 учебный год			
	Всего	башк.	татар.	рус.	Всего	башк.	татар.	рус.
1. Аскинский	3588	364	1864	1322	7551	–	4627	2924
- в %		10,2	52,0	36,8		–	61,3	38,7
2. Бакалинский	6239	132	3408	2348	11303	–	5765	5229
- в %		2,1	54,6	37,6		–	51,0	46,3
3. Балтачевский	5077	718	2841	958	9159	–	7313	660
- в %		14,1	56,0	18,9		–	79,8	7,2
4. Буздякский	6617	–	4928	1689	10861	469	8768	1624
- в %		–	74,5	25,5		4,3	80,7	15,0
5. Буряевский	3230	291	2323	333	10658	34	9126	1101
в %		9,0	71,9	10,3		0,3	85,6	10,3
6. Дюртюлинский	6673	230	5105	1003	11617	–	9058	1801
- в %		3,4	76,5	15,0		–	78,0	15,5
7. Кигинский	2641	884	1171	586	5412	1633	2693	1086
- в %		33,5	44,3	22,2		30,2	49,8	20,1
8. Краснокамский	4582	247	2043	1746	7035	–	3431	2631
- в %		5,4	44,6	38,1		–	48,8	37,4
9. Кушнаренковский	5443	209	3835	1262	12705	–	8706	3886
- в %		3,8	70,5	23,2		–	68,5	30,6
10. Татышлинский	нет сведений				6789	–	4978	656
- в %						–	73,3	9,7
11. Чекмагушевский	7913	–	7416	306	11865	–	11205	296
- в %		–	93,7	3,9		–	94,4	2,5
12. Янаульский	5745	374	4196	154	9807	–	6679	1100
- в %		6,5	73,0	2,7		–	68,1	11,2

Таким образом, в татароязычных населенных пунктах западного и северо-западного регионов, куда географически относится и Бирский кантон, обучение в школах изначально велось на татарском языке, что объясняется сложившейся тут этноязыковой ситуацией. В отличие от Бирского кантона, в котором произо-

шло значительное сокращение числа обучавшихся на башкирском языке, в Белебеевском эти показатели, хотя и ненамного, но возросли, как численно, так и в процентном отношении.

Иными словами, проводимая в Башкирии в отношении языков обучения политика к началу 1930-х годов была подвергнута корректировке. С 1923–24 и в последующие учебные годы доля обучавшихся на башкирском языке колебалась у отметки 22%, при доле башкироязычного населения 12,9%, что на 10% больше доли в населении носителей данного языка. Доля учащихся татар была намного меньше доли татароязычного населения. В 1931–32 учебном году доля учащихся, обучающихся на языках народов республики, приблизилась к доле в населении этих этнических групп. Правда, доля обучавшихся на русском языке несколько превышала долю русскоязычного населения республики. Такая ситуация в языковой политике, связанная с обучением в школах на русском языке, сохранилась до 1950-х годов.

Анализ архивных материалов показывает, что в 1920–1930-е годы имели место попытки последовательного введения башкирского языка в качестве обязательного предмета для изучения. Например, в 1931 г. бюро обкома партии неоднократно рассматривало вопрос о распространении башкирского языка в школах и вузах [21, д. 44. л. 76, 110-112].

Однако тогда в языковой политике не было того административного нажима, какой наблюдался в конце 1970-х и в начале 1980-х, а также в постсоветское время. Здесь уместно отметить, что введение государственных языков в 1920–1930-е годы происходило постепенно и без особого давления, при сохранении обучения на родных языках и их изучения.

Бюро ОК ВКП(б) от 30 сентября 1931 г. предложило Народному комиссариату просвещения республики начать с 1931–32 учебного года плановый перевод преподавания всех дисциплин в средних школах и на национальных отделениях вузов на родной язык учащихся, с установкой на окончательный перевод в течение 1932–33 учебного года, и потребовало обеспечить преподавание башкирского языка во всех городских школах повышенного типа и техникумах, вузах для всех национальностей, начиная с начала 1931–32 учебного года, и обязало разработать конкретные мероприятия по введению преподавания башкирского

языка во всех остальных школах повышенного типа, с расчетом окончательного введения такового в 1933 году [21, д. 44. л. 76, 110-112].

В целях обеспечения преподавания на родном языке в школах повышенного типа был утвержден план привлечения учителей школ I ступени в школу повышенного типа на 1931–32 учебный год: башкир – 250, татар – 150, представителей национальных меньшинств – 50, русских – 120 чел.

Башнаркомпросу и Башгизу было предложено немедленно приступить к созданию учебников и руководств для школ повышенного типа – как оригинальных, так и переводных, для техникумов и вузов. В постановлении обкома ВКП(б) отмечалось, что в терминологической работе при переводе преподавания на родной язык необходимо применять живой национальный язык, международные термины, имеющие употребление и ставшие достоянием широких трудящихся масс всех национальностей [21, д. 44. л. 111].

Однако помимо указанных причин без разрешения проблемы национальных кадров, учебников и литературы на родном языке нельзя было разрешить задачу перевода преподавания на родной язык.

В связи с переходом на новый алфавит Центральный Исполнительный Комитет БАССР 9 марта 1929 г. принял постановление, согласно которому в 1929–30 учебном году во всех группах башкирских и татарских школ I ступени и ФЗУ и во всех других учебных заведениях, а также на различных курсах вводилось преподавание нового алфавита за счет окончательного устранения арабского алфавита [32, д. 867. л. 39].

Таким образом, в течение 1920-30 гг. в Башкирии практически было организовано обучение на родном языках у компактно проживающих национальностей. Наряду с обучением на родном языке значительное внимание уделялось преподаванию русского языка. Были открыты учительский институт, педагогические техникумы по подготовке учителей для национальных школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсалямов З.З. Башкирский литературный язык в сфере воспитания и образования // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С.40-52.
2. Азнабаев А.М. Как это происходило? // Проблемы изучения родного языка

башкирскими детьми в северо-западных районах БССР. Матер. республиканской науч.- практ. конф. Уфа, 1990. С.88-95.

3. Актуальные вопросы изучения и преподавания башкирского языка и литературы в условиях суверенитета. Тез. докл. междунар. науч.- практ. конф. Уфа, 1995. 127 с.

4. Ахунзянов Т.И. Очерки по истории печати Советской Башкирии. Уфа, 1979. 310 с.

5. Без языка нет отчизны. Сб. Статей / Сост. З. Ханова. Уфа: Китап, 1995. [на башк. яз.]. 127 с.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV: Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. 423 с.

7. Известия ВЦИК. 1918. 31 октября. № 238.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 606 с.

9. Максютова Н.Х. Народ, история и язык // Право жить. Сб. статей. Уфа: Китап, 1998. С. 133-159 [на татар. яз.].

10. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Китап, 2006. 296 с.

11. Мустафина Ф.Х. Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа, 1968. 226 с.

12. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра российской академии наук (далее – НА УФИЦ РАН). Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 12.

13. НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 16.

14. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ).

15. НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 41.

16. НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 37.

17. НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д.151.

18. НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 8.

19. НА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д.78.

20. НА РБ. Ф. 122. Оп. 9. Д. 165.

21. НА РБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 44.

22. НА РБ. Ф. 122. Оп. 11. Д. 222.

23. НА РБ. Ф. 122. Оп. 13. Д. 278.
24. НА РБ. Ф. П-122. Оп. 2. Д. 128.
25. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3484.
26. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 4501.
27. НА РБ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 948.
28. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 738.
29. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1075.
30. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 2467.
31. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 5128
32. НА РБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 867.
33. Право на жизнь. Сб. статей. Уфа: Китап, 1998 [на татар. яз.]. 256 с.
34. Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР. Матер. республиканской науч.- практ. конф. Уфа, 1990. 100 с.
35. Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1987. 98 с.
36. Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань. 2004. 543 с.
37. Юлдашев А.А. К изучению говора башкир Туймазинского района БАСССР // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С.141-149.

Р.Р. Таипов,
*к.и.н., доцент, заместитель министра
цифрового развития государственного управления
Республики Башкортостан
(г. Уфа)*

**ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ИТ-СЕКТОРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ
АНАЛИЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б.И. РАМЕЕВА**

*Башир Искандарович
Рамеев, 1960-е годы*

Санкционный режим, эпидемия коронавируса все более остро ставят вопросы поиска оптимального сценария развития нашего государства. Одним из ключевых факторов поступательного роста всех отраслей экономики являются технологии, прорывные идеи, нашедшие свою практическую реализацию. При этом надо понимать, что 21 век – это эпоха постоянных изменений, совершенствования технологий, которые все больше переходят в «цифровой», «сквозной» формат. Именно в этой сфере формируются заделы для стратегического лидерства мировых держав. В этой связи с новой остротой на повестке стратегического планирования возникают вопросы описания сценариев развития и выбора оптимального из вариантов. Все больший акцент делается на вопросы импортозамещения, создания, либо развития собственных разработок, в частности, в рамках локализации электронного оборудования информационной инфраструктуры. Но ситуация, к примеру, только в этом сегменте достаточно непростая и говорить о том, что Россия в короткой перспективе сможет освоить все необходимые компоненты информационной инфраструктуры, не приходится. Это наглядно демонстрирует экспертная оценка, проведенная Ассоциацией разработчиков и производителей электроники [6].

		Объектовое оборудование (датчики, видеокамеры, контроллеры)	ПК и тонкие клиенты АРМ	Серверное оборудование	Телекоммуникационное оборудование
Базис электронного оборудования	Проектирование и производство блоков	системное схемка, конструирование, изготовление корпусов и элементов конструкции, модульная сборка, установка ПО, испытания и контроль качества.			
	Проектирование модулей	оригинальная схематика, топология печатных плат, конструкция, встроенное ПО	трансфер схематических и конструкторских решений		
Электронные модули	Производство модулей	управление каналами поставок компонентов, печатных плат и других комплектующих и материалов, SMT и пайковой монтаж компонентов, лантинные покрытия, установка ПО, испытания и контроль качества.			
	Производство печатных плат	3-4 класс точности среднего производства	5-7 класс точности массовое производство	5-7 класс точности серверное производство	
Электронные компоненты	Проектирование центральных микросхем	Микроконтроллеры и процессоры	процессоры ПК	серверные процессоры	коммутационные процессоры
	Конструирование микросхем, производство систем-в-корпусе	Корпусирование микросхем малой, средней и большой степени интеграции всех стандартных конструкций с числом выводов до нескольких сотен, производство многокристалльных систем-в-корпусе, изготовление коммутационных подложек для систем-в-корпусе, корпусирование дискретных, в том числе силовых компонентов и светодиодов, производство многокристалльных силовых сборок.			
	Производство чипов центральных микросхем	топологические нормы 28-180 нм	28-45 нм	<28 нм	<28 нм
Дискретные компоненты	Периферийные микросхемы	широкая номенклатура микросхем: аналоговых, цифро-аналоговых преобразователей, вспомогательных процессоров и микроконтроллеров, микросхем пп и ер-флейсов, микросхем управления электропитанием и других.			
	Дискретные компоненты	широкая номенклатура дискретных компонентов: дискретных полупроводников, резисторов, конденсаторов, компонентов индуктивности, электрохимических компонентов.			

промышленность готова к локализации с полным покрытием потребностей заказчиков
неполное покрытие потребностей заказчиков, требуются инвестиции и расширение мощностей или номенклатуры продукции
возможна локализация некоторых решений, требуются инвестиции в развитие недостающих компетенций
локализация в ближайшие годы невозможна

Тем не менее, курс на импортозамещение, безусловно являющийся важнейшим стратегическим приоритетом, закреплен сегодня в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где одной из основных национальных целей определена «Цифровая трансформация» ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления в целях достижения их «цифровой зрелости» [7].

В этой связи очень важно, для выработки оптимальных подходов, внимательно изучить опыт прошлых лет. В этой связи представляет большой интерес одна из важнейших страниц истории нашего края, страны, которая связана с именем Башира Искандаровича Рамеева - советского учёного-изобретателя, разработчика первых советских ЭВМ.

Б.И. Рамеев родился 1 мая 1918 года в г. Баймак в семье горного инженера. Его отец Искандар Закирович Рамеев, сын богатого золотопромышленника, учившийся до начала Первой мировой войны в Горной академии в Германии, в апреле 1938 г. был арестован, осужден на пять лет и умер в 1943 г. Лишь через 20 лет И.З. Рамеев был реабилитирован посмертно. В 1938 г. сыну «врага народа» Б.И. Рамееву пришлось оставить Московский энергетический институт, он долго не мог найти работы. Наконец, в 1940 г. он устроился техником в Центральный научно-исследовательский институт связи благодаря своей склонности к радиолюбительству и изобретательству (еще в 1935 г. Б.И. Рамеев стал членом Всесоюзного общества изобретателей). С началом Великой Отечественной войны Б.И. Рамеев пошел добровольцем в батальон связи Министерства связи СССР. В составе специальной группы обеспечения войск 1-го Украинского фронта УКВ-связью Б.И. Рамеев участвовал в форсировании Днепра в 1943 г. и освобождении Киева. В 1944 г. он был освобожден от службы в армии в соответствии с приказом о специалистах, направляемых для восстановления народного хозяйства.

Поступил на работу в ЦНИИ № 108, которым руководил академик А.И. Берг. По рекомендации А.И. Берга Б.И. Рамеев обратился к члену-корреспонденту АН СССР И.С. Бруку и в мае 1948 г. устроился инженером-конструктором в Лабораторию электросистем Энергетического института Академии наук СССР [2].

Мы не будем детально описывать его жизненный путь, об этом имеются

публикации, а остановимся на принципах, к развитию отечественной компьютерной отрасли, которые Б.И. Рамеев последовательно реализовывал на своем профессиональном поприще.

Еще в 1948 году, Б.И. Рамеев совместно с Исааком Семёновичем Бруком - советским учёным в области электротехники и вычислительной техники, членом-корреспондентом Академии наук СССР, подготовили «Проектные соображения по организации лаборатории при Институте точной механики и вычислительной техники для разработки и строительства автоматической цифровой вычислительной машины» [4, с. 367].

Напомню, это время когда в мире только начинались разработки в этой области. Так, в США была создана необычная электронная вычислительная машина, насчитывающая 18 тысяч электронных ламп, для соединения которых понадобились десятки километров кабеля. Речь шла о первой американской электронной ЭВМ ЭНИАК (Электронный числовой интегратор и вычислитель) - первый электронный цифровой вычислитель общего назначения, который можно было перепрограммировать для решения широкого спектра задач.

Архитектуру компьютера начали разрабатывать в 1943 году Джон Преспер Эккерт и Джон Уильям Мокли, учёные из Пенсильванского университета (электротехническая школа Мура), по заказу Лаборатории баллистических исследований Армии США для расчётов таблиц стрельбы. В отличие от созданного в 1941 году немецким инженером Конрадом Цузе комплекса Z3, использовавшего механические реле, в ЭНИАКе в качестве основы элементной базы применялись электронные лампы. Компьютер был полностью готов лишь осенью 1945 года. Так как война к тому времени уже была закончена и острой необходимости в быстром расчёте таблиц стрельбы уже не было, военное ведомство США решило использовать ENIAC в расчётах по разработке термоядерного оружия.

Будучи сверхсекретным проектом Армии США, компьютер был представлен публике и прессе лишь много месяцев спустя после окончания войны – 14 февраля 1946 года [1].

В документе, Башир Искандарович и Исаак Семенович обозначают ключевые процессы, необходимые для оптимального развития этой области в СССР – это организация и проведение научно-исследовательских, конструкторских работ, создание необходимых производственных мощностей в единой системе. У

авторов соображений указанные выше процессы, являющиеся неотъемлемой частью единой системы, предполагалось развернуть в рамках лаборатории. При этом ключевыми принципами будущих разработок должны были стать обязательная нормализация и взаимозаменяемость деталей, блоков и узлов. Те из готовых деталей и изделий, которые подвержены износу, должны были быть исключительно отечественного производства из числа освоенных или намечаемых к освоению [4, с. 367-372].

Именно эти принципы, в последующем, были реализованы Баширом Искандаровичем Рамеевым при создании семейства машин «Урал». Для справки «Урал» — это семейство советских цифровых ЭВМ общего назначения. Разрабатывались с начала 1955 года на предприятии п/я 24 в г. Пензе под руководством главного конструктора Б.И. Рамеева. Серийное производство — на Заводе счетно-аналитических машин (САМ) в г. Пенза. Всего, с 1955 по 1975 год было выпущено почти 700 машин «Урал» [1].

Расширение, аргументацию изложенных в соображениях принципов мы можем увидеть в воспоминаниях Башира Искандаровича о работе над семейством «Уралов». «Во всей конструкторской деятельности одним из главных принципов я считал унификацию. Так было, когда разрабатывали ламповые «Уралы», и это позволило на базе унифицированных элементов и конструкций в короткий срок создать ряд ЭВМ. Вопросу унификации было уделено особое внимание, когда разрабатывали новую серию «Урал-11» — «Урал-16». Максимальная унификация элементов, узлов, устройств, машин, стандартизация связей (интерфейсов) дала возможность минимизировать номенклатуру и тем самым облегчить компоновку систем и облегчить серийное производство. Расширение и развитие идей такой глубокой унификации и стандартизации и привели меня к определению основных системных, структурных, логических, конструктивных и технологических особенностей будущих ЭВМ» [3].

Основные черты нового поколения машин, воплощенные Б.И. Рамеевым в новой серии «Уралов», кратко сводятся к следующему: машины должны представлять собой конструктивно, схемно и программно совместимый ряд ЭВМ различной производительности, с гибкой блочной структурой и широкой номенклатурой устройств со стандартизованным способом подключения, позволяющим подобрать комплект машины, наиболее подходящей для данного конкретного применения, и поддержать

в процессе эксплуатации параметры машины на уровне изменяющихся потребностей заказчика и новых разработок устройств; конструктивные и схемные возможности должны позволять комплектовать системы обработки информации, состоящие из нескольких одинаковых или разных машин, обеспечивая плавное изменение количественных характеристик ряда и существенно расширяя ряд в сторону увеличения производительности, расширения круга решаемых задач и областей применения; возможности резервирования отдельных устройств и машин должны обеспечить создание систем повышенной надежности для обработки информации в заданное время.

Должны быть предусмотрены: система схемной защиты информации, независимость программ от места в памяти, система относительных адресов, развитая система прерываний и приостановок и соответствующая система команд, позволяющая организовать сложную систему одновременно работающих устройств и одновременное решение многих задач; возможность работы в режимах с плавающей и фиксированной запятой, в двоичной и десятичной системах счисления, выборку и выполнение операций со словами фиксированной и переменной длины, что позволяет эффективно решать как планово-экономические, информационные, так и научно-технические задачи; система аппаратного контроля устройств хранения, адресации, передачи, ввода и обработки информации; большая емкость оперативной памяти с непосредственной выборкой слов переменной длины, эффективные аппаратные средства контроля и защиты программ друг от друга, ступенчатая адресация, развитая система прерываний и приостановок, возможность подключения памяти большой емкости с произвольной выборкой на магнитных барабанах и дисках, наличие датчика времени, аппаратуры сопряжения с каналами связи и пультов операторов для связи с машиной, что дает возможность строить различные системы обработки информации коллективного пользования, работающие в режиме разделения времени; высокая степень унификации элементов, блоков и устройств для организации технологичных, хорошо контролируемых и рассчитанных на массовое производство технологических процессов, обеспечивающих качество и надежность изделия [3].

Очень важные принципы, в развитии советской отрасли цифровых ЭВМ зафиксированы в письме в Минрадиопром СССР. Но прежде необходимо кратко

описать исторический контекст, в котором оно было подготовлено и тот вопрос, которого оно касалось.

Итак, Правительство Советского Союза выделяло на развитие важной отрасли науки и техники значительные средства. Существовали (частично — в стадии завершения) десятки заводов, несколько крупных научно-исследовательских институтов в Москве, Минске, Киеве, Ленинграде, Пензе, Ереване, получивших опыт разработки ЭВМ второго поколения, и только что развернутая в Москве самая крупная научная организация страны — Научно-исследовательский центр электронной вычислительной техники (НИЦЭВТ).

К этому следует добавить немаловажную деталь: отрицание кибернетики (а вместе с ней и вычислительной техники) ушло в прошлое. Компьютеризация народного хозяйства, науки, техники рассматривалась как одна из самых актуальных задач. На правительственном уровне было принято решение о создании Единой системы ЭВМ (ЕС ЭВМ, сокращенно — РЯД) — нового поколения машин на интегральных схемах.

К созданию семейств (систем, рядов) ЭВМ в странах Запада первыми приступили США, затем подключились Англия и ФРГ. В США в 1963-1964 гг. фирмой IBM была разработана система машин (моделей) IBM-360. Она включала модели различной производительности, для которых было разработано обширное математическое обеспечение. Для малых моделей предлагалась операционная система ДОС/360 (объем программ до 1 млн. команд), для больших — ОС/360 (объем программ до 2 млн. команд). Последняя понадобилась потому, что ДОС/360 оказалась недостаточной для больших моделей. Опыт разработки сложных и объемных операционных систем показал, что на их создание требуется труда даже больше (тысячи человеко-лет), чем на разработку собственно технических средств. Несколько позднее в Англии фирмой ICL был разработан более простой в плане математического обеспечения ряд ЭВМ третьего поколения под названием «Система-4». В ФРГ почти одновременно появился аналогичный ряд ЭВМ фирмы «Сименс».

Дискуссия о третьем поколении ЭВМ — по их структуре и архитектуре — развернулась в СССР в конце 1960-х годов. 26 января 1967 г. состоялось совместное заседание Комиссии по вычислительной технике АН СССР (председатель

А.А. Дородницын) и Совета по вычислительной технике ГКНТ при Совете Министров СССР (председатель В.М. Глушков). Вел его Глушков. Обсуждался единственный вопрос: какой должна быть ЕС ЭВМ, которая намечалась к созданию в СССР совместно со странами СЭВ? Было принято решение использовать как прототип логическую структуру и систему команд, принятую в IBM-360. Единственным оппонентом, написавшим свое особое (отрицательное) мнение, был председательствующий на дискуссии Глушков, считавший, что использовать зарубежный опыт, безусловно, надо, но не в такой степени, чтобы просто копировать зарубежные системы, к тому же созданные несколько лет назад. Кстати, в Академии наук СССР силы специалистов в области электронной техники в то время были значительно ослаблены, если не сказать жестче — подорваны.

По правительственному решению, инициатором которого был Н.С. Хрущев, ряд институтов был передан промышленным министерствам. Так, ИТМ и ВТ АН СССР был передан Минрадиопрому и лишь номинально оставался в составе Академии наук СССР.

Итак, разработчики «Уралов» во главе с Рамеевым так же, как Глушков, предложили вести новую разработку на основе отечественного опыта с учетом зарубежных достижений. В письме было зафиксировано следующее:

1. Абсолютно оправданным и своевременным обозначался авторами письма курс на разработку единого ряда электронных математических машин, предназначенных для использования в народном хозяйстве. Это позволяет объединить усилия коллективов разработчиков математических машин, что позволит резко увеличить их производство благодаря единой технологической и конструктивной основе и даст возможность использовать единое математическое обеспечение для большинства применений.

2. При этом критически была оценена попытка копирования моделей машин системы IBM-360, предложенное комиссией по вычислительной технике при Президиуме АН СССР от 26.01.67 г.

При этом аргументами в пользу этого тезиса были:

- устаревание архитектуры системы IBM-360, не способной удовлетворить требования, предъявляемые к вычислительной технике;

- исключение возможности использования собственного опыта, накопленного коллективами разработчиков математических машин, что на ближайшие годы приведет к отказу от начала разработок, использующих новые принципы. Все это приведет к торможению развития вычислительной техники в стране;

– наличие коллектива разработчиков отечественных математических машин с достаточным опытом разработки рядов машин, соответствующих уровню требований, которые будут предъявлены к вычислительной технике в ближайшие годы.

3. Оптимальным вариантом определялось решение о разработке архитектуры единого ряда отечественных машин на базе опыта, накопленного в стране с учетом новейших зарубежных достижений [4, с. 265].

В рамках 3 пункта Б.И. Рамеевым, вместе с ключевыми конструкторами в этой сфере были предприняты активные шаги. В частности, был подписан ряд двухсторонних протоколов с фирмой ICL о сотрудничестве. Башир Рамеев считал, что при тесном сотрудничестве с ICL в соответствии с уже подписанными протоколами «Система-4» могла бы быть воспроизведена одним-двумя заводскими КБ, а основные силы НИИ и СКБ страны можно направить на создание более совершенного ряда машин на базе накопленного опыта с учетом новейших зарубежных достижений, как это предлагал Пензенский научно-исследовательский институт математических машин во главе с Баширом Искандаровичем Рамеевым.

При этом надо отметить, что фирма ICL согласилась передать советской стороне детальную информацию по математическому обеспечению «Системы-4» и выделить специалистов для оказания помощи в использовании этой информации, имея в виду, что указанная информация будет использована при разработке, производстве и сопровождении математического обеспечения ЭВМ третьего поколения.

Протоколно была оформлена следующая договоренность: 1) фирма к 1 сентября 1969 г. передает: а) полный комплект документов по операционной системе, включающий тексты программ (на языке пользователя и машинном языке), блок-схемы программ, комментарии и спецификации; б) документы, описывающие организацию программирования и сопровождения математического

обеспечения; в) стандарты, определяющие совместимость программ; г) документы, определяющие интерфейс между программными и техническими средствами; е) документы, детально описывающие систему команд; ж) документы, описывающие систему прерываний; з) документы, определяющие структуру микропрограммного управления процессора и каналов, блок-схемы микропрограмм; и) документы по детальной логической структуре «Системы-4».

Во время переговоров, участником которых был Б.И. Рамеев и другие специалисты, представители фирмы ICL подчеркивали, что они готовы к совместной разработке средств вычислительной техники новых поколений, и во имя создания конкуренции фирме IBM силами европейских стран могут пойти на значительные затраты для развития совместных работ в Советском Союзе. Учитывая открывающиеся возможности, Б.И. Рамеев дал согласие перейти в созданный в 1967 г. в Москве в Минрадиопроеме Научно-исследовательский центр электронной вычислительной техники НИЦЭВТ в качестве заместителя генерального конструктора намечаемой ЕС ЭВМ. Ему казалось, что вопрос выбора прототипа совершенно ясен. Однако весьма сдержанное отношение к выдающимся успехам «провинциальной» Пензенской школы и монополизм столичных организаций, в первую очередь НИЦЭВТ, сказались на последующем развитии событий.

В итоге на эксплуатацию устаревших средств вычислительной техники и информатики были потрачены серьезные кадровые, финансовые и материальные ресурсы, которые не дали должного результата. Наоборот, как отмечают современники событий - «убытки только из-за простоев по техническим причинам (низкой надежности) вычислительных систем и ЭВМ в парке страны составили в 1989 г. порядка 500 млн. рублей. Таковы экономические и технические последствия для страны волевого решения о копировании IBM-360. «Советизирование» системы IBM-360 стало первым шагом на пути сдачи позиций, завоеванных отечественным математическим машиностроением в первые два десятилетия его развития. Следующим шагом, приведшим к еще большему отставанию, стало бездумное копирование вновь организованным Министерством электронной промышленности последующих американских разработок в области микропроцессорной техники. Естественным завершающим этапом стала в последние годы закупка в огромных размерах зарубежной вычислительной техники и оттеснение далеко на задний план собственных исследований и разработок и компьютерного

машиностроения в целом» [4, с. 275].

Через полтора года после принятия решения о копировании IBM-360 Рамеев перешел на работу в Главное управление вычислительной техники и систем управления ГКНТ при СМ СССР.

Башир Искандарович Рамеев умер 16 мая 1994 г. в Москве и был похоронен на Новокунцевском кладбище. В Политехническом музее создан фонд Б.И. Рамеева, в котором собраны исторические материалы из его архива [5].

При всей печальности этой истории, она дает для текущей деятельности серьезные уроки и рецепты для развития. Башир Рамеев через годы транслирует нам конкретные подходы, следование которым создаст необходимые предпосылки для прорыва в ИТ-сфере. Если очень кратко резюмировать все, что было сказано ранее, то они заключаются в следующем.

1. Необходимо максимально сохранять и усиливать отечественных сильных разработчиков проводя политику протекционизма.

2. Важно объединить ресурсы внутри страны, для создания единой системы. По сути, Башир Искандарович Рамеев вел речь о необходимости объединения исследований, инноваций, технологии и потенциального рынка создаваемой продукции (предпринимательства). Это то, что сейчас называется «ромбом В.М. Фалькова, Б.М. Островского», ставшего ключевым элементом развивающихся сегодня в Российской Федерации научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ). НОЦ еще в одном очень близки к идее Башира Рамеева, объединяя внутри страны эта структура готова к синергии и с ведущими разработчиками в мире, для формирования конкурентоспособного продукта в страновом масштабе. Б.И. Рамеев, как мы видели выше, также говорил об интеграции и конкуренции на международных рынках.

3. Для обеспечения конкурентоспособности на международном уровне и достижения высочайшего уровня собственных разработок обязательна кооперация с ведущими мировыми компаниями для перенятия опыта.

4. Любая разработка, осуществляемая во взаимодействии с международными партнерами, должна быть, с точки зрения научной и технической документации, технологических процессов, максимально локализована в рамках страны. При этом оптимально базовые элементы системы производить также на своей территории. Это является гарантом устойчивости развития и должного уровня

самостоятельности в реализации внешней политики.

Таким образом, если проводить параллели с ситуацией, сложившейся сегодня в Российской Федерации, когда уделяется большое внимание на уровне руководства страны вопросам инновационного развития и сформировано множество точек развития, таких как НОЦ, научно-технологическая инициатива, фонды поддержки, важно формирование единой Стратегии развития, с четким определением управленческой модели и распределением ресурсов. При этом Стратегия должна предполагать фокус не на обеспечение лишь внутренних потребностей, а однозначно ориентироваться на международное лидерство, что возможно лишь при должной кооперации.

На наш взгляд, необходимо так выстроить контуры взаимодействия государства и бизнеса, чтобы при сохранении необходимой творческой свободы, все-таки вводить определенные ориентиры, векторы развития и направлять соответствующие государственные ресурсы для реализации проектов. Тем более, что важным фактором развития проектов, компаний на международной площадке является умелая внешняя политика, которую проводит государство. А чтобы максимально избежать ошибок, необходимо внимательно относиться к своему прошлому и опыту выдающихся людей своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия. ЭНИАК [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%9D%D0%98%D0%90%D0%9A> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Виртуальный компьютерный музей. Башир Искандарович Рамеев. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.computer-museum.ru/galglory/8.htm> (дата обращения: 03.02.2021).
3. Виртуальный компьютерный музей. Главный конструктор «Уралов» [Электронный ресурс]: URL: https://www.computer-museum.ru/books/vt_face/6_gameev_4.htm (дата обращения: 03.02.2021).
4. Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. Киев: фирма «КИТ», ПТОО «А.С. К.», 1995. 384 с.
5. Страницы истории отечественных ИТ / Сост. Э.М. Пройдаков. М.: Альпина Паблицер, 2015. Т.1. 265 с.

6. CNews. Оценка доступного уровня локализации электронного оборудования информационной инфраструктуры [Электронный ресурс]: URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-01-20_proizvoditeli_rossijskoj (дата обращения: 03.02.2021).

7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 03.02.2021).

*А.И. Тимиргазиева,
к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИСЛАМУ В 1950-1960-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАССР)

Южный Урал как крупный, индустриально развитый регион, отражает все основные тенденции в жизнедеятельности страны. Обновление общественной жизни вместе со всей Россией определяет сегодня необходимость глубоких, целостных процессов возрождения в крае культурных, духовных и нравственных ценностей.

В совместной исторической судьбе народы, населяющие территорию Южного Урала, выработали практику совместного проживания, взаимообогащения культур, нравов, обычаев и традиций. Религиозная ситуация в крае определяется наложением двух основных факторов – исламского и православного. Ответственность за ее дальнейшее развитие лежит на сегодняшнем поколении российских руководителей.

В современном обществе очень важно оценить место, занимаемое религией в системе образования, особенно в условиях неопределенности с религиозной идентификацией и самоидентификацией граждан. В нашей общественной жизни наблюдается расширение религиозной свободы и стремление всех конфессий участвовать в духовном, культурном развитии общества.

Люди старшего поколения были свидетелями той эпохи, когда правящая партия боролась с религией и пыталась заменить ее новой коммунистической

идеями. Культурная жизнь в крае обрела новое измерение. Наблюдался мощный порыв к новым формам жизни во всех ее сферах, выдвигались различные технические, художественные и иные проекты. В обстановке всеобщего разлома, гражданской войны, экстремистский, радикальный настрой был характерен среди самых разных кругов общества. Они страстно стремились покончить с ненавистным прошлым и со всем, что его олицетворяло, в том числе с исламом.

Эта идеология продолжала подогреваться и насаждаться коммунистической партией путем воинствующей, атеистической пропаганды. Воспевались пафос революции и полное развенчание религии. С началом Великой Отечественной войны в общественном сознании произошел определенный перелом. Война принесла не только великие победы, но и много горя и страдания. Народу нашей страны пришлось залечивать глубочайшие раны — потерю родных и близких. Эти лишения не могли не сказаться на возрождении религиозности в обществе [6, с.87]. Среди миллионов людей уважение к чувствам верующих возросло.

После Великой Отечественной войны начали превалировать тоталитарные тенденции, которые ярко проявились не только в политическом, но и в духовном развитии страны. ЦК КПСС принял в 1950-е годы ряд важных постановлений, в которых применительно к новым условиям были определены пути возобновления и дальнейшего углубления секуляризации общества, организации всей атеистической работы в стране.

Немаловажная роль в этом процессе отводилась педагогическим кадрам как ведущей силе в воздействии на людей, особенно на молодежь. Один из важнейших документов в рамках государственной антирелигиозной политики — это принятое в 1954 году Постановление ЦК КПСС «Об улучшении научно-атеистической пропаганды». В нем указывалось, что в последнее время оживилась деятельность личностей, пытающихся всеми средствами привлечь в церкви и мечети молодежь. В частности, некоторые студенты Башкирского государственного педагогического, медицинского, сельскохозяйственного и других институтов начали отмечать мусульманские праздники [5, л. 10]. КПСС усматривала в этом ослабление своего влияния на общественное сознание и пыталась восстановить приоритет коммунистической идеологии. Постановление предписывало научно-педагогическим кадрам усилить атеистическую работу как в учебных заведениях, так и вне их стен.

В стране последовал всплеск антирелигиозной пропаганды. Высшие учебные заведения края располагали значительными силами для развертывания подобной активной атеистической работы. При этом особая ответственность возлагалась на кафедры общественных наук как важнейшую часть идеологической системы КПСС. Обществоведы должны были проводить работу не только среди студентов и профессорско-преподавательского коллектива, но и среди широких слоев населения. Только в Башкирской АССР к середине 1950-х годов насчитывалось 11 кафедр марксизма-ленинизма, политэкономии и философии и 56 преподавателей общественных наук (к середине 1960-х годов число работающих на кафедрах общественных наук преподавателей увеличилось до 124). В вузах дисциплины общественно-гуманитарного профиля, особенно курсы диалектического и исторического материализма, насыщались атеистическим содержанием. Планы кафедр общественных наук по усилению атеистического воспитания становились общеинститутскими. Преподаватели всех дисциплин согласовывали с обществоведами вопросы пропаганды материалистического мировоззрения [3, л. 38].

Специальным Постановлением ЦК партии от 2 января 1964 года «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» был создан Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. На Институт были возложены разработка актуальных проблем атеизма, координация и руководство научной работой в области атеизма в стране, подготовка кадров высшей квалификации и так далее.

Государство ставило перед собой перспективную задачу изменить духовный мир человека, его привычки и образ мышления. Для достижения этой цели, по мнению государственных органов, необходимо было время и перевод атеистической работы на новый, более высокий уровень. Он предполагал преодоление крикливости, лозунговости в антирелигиозной пропаганде. Спор с религией государство все больше стремилось переместить в научную плоскость, к проблеме человека, морально-этическим ситуациям. Система атеистического воспитания пронизывала учебный процесс в школах и вузах. Члены атеистических кружков педагогических вузов во время прохождения педагогической практики в школах организовывали атеистические вечера. Преподаватели-обществоведы регулярно работали над совершенствованием содержания и тематической направленностью лекционных и семинарских занятий с учетом специфики мно-

гонационального региона. Так, например, в курсах истории КПСС и марксистско-ленинской философии преподаватели должны были выявлять реакционную сущность ислама, его тормозящее влияние на ход общественного прогресса. На факультативных лекциях по научному атеизму рассматривались принципы идеологической борьбы с постулатами ислама.

В студенческих общежитиях преподавателями и самими студентами проводились беседы на такие атеистические темы, как «Религия – опиум для народа», «Наука и религия» и ряд других.

Атеистическая работа не приводила к утверждению в обществе идеалов высокой культуры и нравственности. Скорее наблюдался обратный процесс. В вузах участились факты хулиганства среди студентов и аморальных поступков отдельных преподавателей. Протоколы заседаний обкома изобилуют сведениями о том, что в БГУ, Бирском пединституте и ряде других учебных заведений постоянно нарушались так называемые «правила социалистического общежития», то есть происходили драки и пьянство [4, л. 18].

В целом по стране к началу 1980-х годов ежегодно совершалось около двух миллионов различных преступлений. Потребление алкоголя на душу населения к этому времени выросло по сравнению с 1950-ми годами более чем в 2,5 раза. Массовое распространение получили мелкие хищения государственного имущества, падение трудовой дисциплины, апатия и безразличие [2, с.18]. Нравственные устои общественной жизни размывались, и тому был целый спектр причин, одна из которых оголтелая атеистическая пропаганда. Партийные и государственные органы никогда не усматривали четкой взаимосвязи между религией и моралью. Система эффективной атеистической работы была создана, но она все больше грозила загнать общество в нравственный тупик.

Несмотря на целостную, действенную систему атеистической работы, триумф атеизма в регионе и в стране не было. В обществе росло понимание того, что наука и вера — это две разные сферы общественного сознания и развитие НТР не приводит к отмиранию религии.

Религия выступает как духовная потребность человечества. Попытки государственной власти искоренить эту потребность напоминали в большей степени игру в одни ворота, так как религиозные учреждения мало что могли противопоставить массивной государственной пропаганде; открытая, равноправная дискуссия даже не предполагалась. Население могло наблюдать только

напряженную атеистическую работу.

Подобная идеологическая монополия с течением времени, с ростом материального благосостояния народа не могла не дать трещину. Демократизация страны середины 1980-х годов явственно показала, что вместо насильного насаждения какой-либо идеи для культурного, гармоничного развития многонационального общества полезнее фактическая свобода совести. С осознанием того, что ислам является частью мировой культуры, мы восстановили естественный ход событий, так называемую связь времен. Если в 1960-80-х годах основная часть татар признавала себя индифферентной, то есть безразличной по отношению к религии (даже в селах к этой категории отнесли себя 47% опрошенных в 1967 г. и 59% в 1980 г.), то в 1994 году к верующим отнесли себя 66,6 % горожан, в селах эти показатели составили 86%.

За очень короткое время в Башкортостане количество мечетей возросло в 10 раз – с 24 в 1990 году до свыше 200 в 1992 году. В России сейчас проживает 20 млн. мусульман [1, с.113].

Перед нынешней, более гибкой эпохой уже встают несколько иные проблемы: вопрос равноправия основных конфессий страны, выработка механизмов политического и идеологического сотрудничества власти и религиозных учреждений, учет интересов не только религиозных организаций, но и рядовых верующих. Решая эти проблемы, следует помнить, что только профессиональный подход к выстраиванию диалога между религией и системой образования, к обеспечению сотрудничества мусульманских организаций и образовательных учреждений будет способствовать возрождению страны как могучего многонационального, многоконфессионального государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнутдин Р.И. Ислам в современной России. М.: Фаир-Пресс, 2004. 313 с.
2. История Башкортостана (1917-1990 гг.) / Под ред. Р.З. Янгузина. Уфа: Издательство БГУ, 1997. 237 с.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 436.
4. НА РБ. Р-4398. Оп. 77. Д. 46.
5. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1519.
6. Окулов А.Ф. Ленинское атеистическое наследие и современность. М.: Наука, 1986. 290 с.

*М.Н. Фархитов,
к.и.н., заведующий отделом истории и истории
культуры Башкортостана
ИИЯЛ УФИЦ РАН
(г. Уфа)*

ПОСЛЕДНЯЯ ПУБЛИКАЦИЯ А.-З. ВАЛИДИ ТОГАНА ОБ ИБН ФАДЛАНЕ

В мае 2022 г. исполняется 1100 лет официального принятия ислама на территории современного Поволжья. 4 ноября 2020 г. во время встречи с представителями религиозных объединений В.В. Путин отметил, что этот юбилей российские власти проведут на «хорошем государственном уровне» [25]. Таким образом Президент России очередной раз показал, что исламское учение является одним из главных духовных компонентов современного российского общества, а его история должна документально изучаться. Российское ученое сообщество уже выступило с рядом академических инициатив по празднованию юбилейной даты.

Факт утверждения мусульманской религии среди предков татар и башкир письменно был зафиксирован Ибн Фадланом – секретарем посольства Аббасидского халифа из Багдада ал-Муктадира к царю волжских булгар Алмушу сыну Шилки в 921–922 гг. – в его знаменитых «Путевых записках». Они дошли до нас в единственной редакции в составе одного из рукописных сводов (л. 196 б – 212 б) в библиотеке при гробнице имама Ризы в г. Мешхеде (Иран). Уникальный письменный памятник наряду с другими ценными, считавшимися ранее утраченными рукописями средневековых арабских географов Ибн ал-Факиха¹ и Абу Дулафа² был обнаружен в 1923 г. известным российским востоковедом Ахмет-Заки Валиди (1890–1970). Данная публикация призвана еще раз подчеркнуть несомненный вклад башкирского ученого-эмигранта в открытие и изучение важного арабографичного первоисточника по ранней истории народов Российского Востока.

Долгое время в литературе открытие Мешхедского списка «Путевых заметок» Ибн Фадлана впервые именно А.-З. Валиди замалчивалось [см., напр.: 9, с.

¹ Ибн ал-Факих ал-Хамадани (настоящее имя Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак ал-Хамадани, рубеж IX–X вв.) – арабский географ персидского происхождения, автор сочинения «Китаб ал-булдан» («Книга стран»), сохранившегося лишь в сокращенной редакции XI в.

² Абу Дулаф ал-Хазраджи (Абу Дулаф Мисгар ибн ал-Мухалхил ал-Хазраджи) – арабский поэт, путешественник и минеролог X в., автор воспоминаний, изложенных в двух «Рисала» («Записка»).

21, 23; 2, с. 258; 7, с. 723; 3, с. 621; 6, с. 129; и др.]. Были также авторы, которые оспаривали его приоритет. Например, А.П. Ковалевский утверждал, что возможно еще в середине XIX в. Н.В. Ханыков (1822–1878), а в 1919 г. В.А. Иванов (1886–1970) и в 1923 г. немецкий археолог-востоковед Э. Херцфельд (1879–1948) видели эту рукопись [9, с. 23, 172–173. Ссылка на: 17. О других подобных публикациях см.: 19, с. 479]. Французский исследователь А. Грегуар писал, что Мешхедскую рукопись «обнаружили» А.-З. Валиди и Э. Херцфельд [15, с. 410]. На то, что упомянутые российские ориенталисты при посещении Мешхедской библиотеки в действительности не видели сводную рукопись Ибн ал-Факиха, Абу Дулафа и Ибн Фадлана, внимание своих коллег обратил еще сам А.-З. Валиди [1, с. 240].

Что касается Э. Херцфельда, то на самом деле в 1926 г. в одном из его отчетов о командировке в Персию и Афганистан отмечалось, что весной 1925 г. свое многонедельное пребывание в Мешхеде он использовал для «изучения» в числе прочих «несокращенного, тысяче страничного сочинения Ибн аль-Факиха» [16, с. 276]. Это сообщение – не верное, так как в известном нам Мешхедском манускрипте упомянутое сочинение составляет всего 212 листов, то есть 424 страниц [1, с. 238–239, 243]. Поэтому еще в 1934 г. старший коллега и товарищ башкирского ученого-эмигранта известный немецкий востоковед П. Каале выразил, мягко говоря, удивление по поводу информации своего коллеги. Он писал, что оригинальную рукопись сочинения Ибн ал-Факиха вместе с сочинением Ибн Фадлана «нашел в Мешхеде А. Зеки Велиди», а немецкий ученый «организовал снятие с нее фотокопии, которая находится [сейчас] в Берлине» [18, с. 12, 43]. Кроме того, в научном отчете последнего почему-то не написано ни слова о «Путевых заметках» Ибн Фадлана, хотя это сочинение и составляет часть упомянутого им манускрипта. И другой известный немецкий ориенталист Г. Риттер писал, что «первым» Мешхедскую рукопись обнаружил А.-З. Валиди, а Э. Херцфельд затем «сделал» копии с нее [20, с. 98, 99].

В эмиграции в силу различных причин А.-З. Валиди не удалось сразу ввести в научный оборот обнаруженную рукопись книг средневековых арабских авторов, хотя уже в 1924 г. в академических изданиях Франции, Турции и России он сделал соответствующие сообщения о своем открытии [1; 22; 10. См. также: 14]. Только в 1932–1935 гг. в Венском университете ему выпала возможность подготовить диссертационную работу о «Путевых заметках» Ибн Фадлана [21], которая после значительной доработки во время преподавательской работы в

Германии была издана в 1939 г. в Лейпциге на немецком языке [23]. Солидная книга башкирского ученого была встречена многочисленными рецензентами положительно и заслуженно вошла в золотой фонд мировой ориенталистики.

После возвращения в 1939 г. в Турцию жизненные обстоятельства не позволили А.-З. Валиди продолжить свои академические исследования по Ибн Фадлану. Обещанное им второе издание книги «Путевые записки» Ибн Фадлана» осталось не осуществленным. Не была закончена также подготовка ее нового издания на турецком языке, о чем сообщал близкий знакомый и коллега башкирского ученого в Стамбуле известный немецкий ориенталист Г. Риттер [20, с. 104]. Хотя собранные в ходе исследования обстоятельств посольства Багдадского двора к хану Волжских болгар и были использованы в некоторых сочинениях ученого, им был написан лишь один маленький специальный труд по этой теме. Это была статья «Ибн Фадлан», написанная в 1950 г. для «Исламской энциклопедии» на турецком языке [24]. Для многих современных российских читателей и специалистов она по многим причинам остается мало или совершенно недоступной. Поэтому сканкопии ее текста и его перевод на русский язык приводятся ниже. Сравнение этого сочинения с аналогичными публикациями [см., напр.: 11; 8; 13; 12; 19; 5; 4] наглядно показывает завидную эрудицию, научную компетентность и немалые знания А.-З. Валиди Тогана в области источниковедения и ранней истории многих народов Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валидов А.З. Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха // Известия Российской академии наук. Пг., 1924. Серия 6. Т. 18. № 1–11. С. 237–251.
2. Ибн Фадлан // Большая советская энциклопедия. 2-е изд.: В 51 т. / Гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1952. Т. 17. С. 258.
3. Ибн Фадлан // Большая советская энциклопедия. 3-е изд.: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1972. Т. 9. 621 с.
4. Ибн Фадлан // Большая российская энциклопедия / Редкол.: Ю.С. Осипов (председатель) и др. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2008. Т. 10. 609 с.
5. Иванов В.А., Ильясов Б.С. Ибн Фадлан // Башкирская энциклопедия: [В 7 т.] Уфа: Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 2007. Т. 3. 110 с.

6. Калинина Т.М. Ибн Фадлан // Новая российская энциклопедия: В 12 т. / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М.: Изд-во «Энциклопедия»; ИД «ИНФРА-М», 2010. Т. 6 (2). 129 с.
7. Ковалевский А.П. Ибн Фадлан // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. Т. 5. 723 с.
8. Ковалівський А.П. Ибн Фадлан Ахмед // Українська радянська енциклопедія: [В 17 т.]. Київ, 1961. Т. 5. 346 с.
9. [Ковалевский А.П.] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу: Перевод и комментарий / Под ред. академика И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с., 33 табл.
10. [Сообщение г-на Дени (Deny) на заседании Азиатского общества (Société Asiatique) 8 февраля 1924 г.]. In: Journal Asiatique. Paris 1924. Vol. 204. P. 149–151.
11. Barthold W. Ibn Fadlân // Enzyklopedie des Islam: Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker: 4 Bände / Hrg. von M.Th. Houtsma u. a. Leiden: E.J. Brill; Leipzig: O. Harrassowitz, 1927. Bd. 2. S. 398.
12. Bosworth C.E. Ahmad b. Fadlân b. al-'Abbâs b. Râšîd // Encyclopedia Iranica / Ed. by Ehsan Yarshater; Center for Iranian Studies, Columbia University New York. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 1998. Vol. 8. P. 640.
13. Canard M. Ibn Fadlân // The Encyclopedia of Islam / Ed. by B. Lewis a. o. New ed. Leiden: E.J. Brill; London: Luzac and Co, 1971. Vol. 3. P. 759.
14. Ferrand G. [Revoir]. Ernst Herzfeld. Einige Bücherschätze in Persien, dans Ephémérides orientales, n° 28, janvier 1926, publiées par la librairie Otto Harrassowitz, Leipzig. In: Journal Asiatique. Paris 1926. Vol. 208. S. 146.
15. G[régoire] H. A. Zeki Validi Togan. «Ibn Fadlân's Reisebericht». Leipzig 1939. In: Byzantion (American Series, III). Baltimore 1944/1945. Vol. 17. P. 410–413.
16. Herzfeld E. Reisebericht. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig 1926. NF. Bd. 5 (80). S. 225–284.
17. Ivanow W. A Notice on the Library attached to the Shrine of Imam Riza at Mashhad. In: Journal of the Royal Asiatic Society. London 1920. P. 535–563; 1921. P. 248–250, 480.
18. Kahle P. Islamische Quellen zum chinesischen Porzellan. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig 1934. NF. Bd. 13 (88). S. 1–45.

19. Muhammadoğlu A.S. İbn Fadlân Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul 1999. Cilt 19. S. 477–479.
20. Ritter H. Zum Text von Ibn Fadlân's Reisebericht. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1942. N.F. Bd. 21 (96). S. 98–126.
21. Validi A.-Z. Ibn Fadlan's Reiseberichte: Seine Berichte über Erlebnisse der arabischen Gesandtschaft im Lande der Oguzen, Peçenegen, Baschkiren und Bulgaren: Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde an der Universität Wien. Manuscript. Wien 1935.
22. Validi A.-Z. İbn ül-Fakih'in Yeni Nüshası // Türk Yurdu. Ankara 1924. Sayı 4. S. 297–304.
23. Validi Togan A.Z. İbn Fadlân's Reisebericht / Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 24, 3. Leipzig, 1939. XXXIV, 337, 45 S.
24. Validi Togan Z. İbn Fadlân // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1950. Cilt 5. Kısım 2. S. 730–732.
25. <https://tass.ru/obschestvo/9915031> (последний просмотр 15.04.2021).

ПЕРЕВОД

статьи А.-З. Валиди Тогана «Ибн Фадлан» с турецкого на русский язык

ИБН ФАДЛАН, Ахмед б. Фадлан б. ал-Аббас б. Рашид б. Хаммад, секретарь посольства, отправленного в 921 г. халифом ал-Муктадиром из Багдада к правителю Волжской Булгарии и автор сочинения «Рисâла» («Записка») или «Рихла» («Путевые заметки»), описывающего это путешествие. Кроме записи в начале его книги о том, что он был рабом (или слугой; в оригинале «Рисâла»: маулâ. – *М.Ф.*) Мухаммада ибн Сулаймана, который вторично покорил Египет Аббасидам, о личности Ибн Фадлана нет никаких других данных. Есть мнения, базирующиеся на это его именование рабом (ма-улâ), что он был не арабом, а тюркским переводчиком во дворце Муктадира или даже римлянином или персом. Но такие суждения лишены всякого основания. Из его книги понятно, что Ибн Фадлан и в пути, и в стране болгар разговаривал с тюрками всего лишь посредством переводчика, то есть не знал тюркского языка, что он, действительно обладая знаниями по исламским наукам, в составе посольства нес службу в качестве религиозного эксперта («факих») и был уполномочен халифом инспектировать в Булгарском государстве мусульманских правоведов и преподавателей

[религиозных школ]. Хотя официальным послом был некто Саусан ал-Рази, халиф свои подарки и письмо Булгарскому королю поручил вручить Ибн Фадлану, который и должен был прочесть правителю булгар это письмо и разъяснить его.

Посольство из Багдада тронулось в путь 11 числа месяца сафар 309 г. (2 апреля 921 г.) и по маршруту Рей, Нишапур, Марв, Бухара и Хваризм (Хорезм. – М.Ф.) 12 числа месяца мухаррам 310 г. (2 мая 922 г.¹) прибыло в ставку жившего тогда еще в юртах булгарского короля на Средней Волге. Как долго оставалось там посольство, неизвестно. Но из того, что в «Путевых заметках» упоминаются лишь летние месяцы с их короткими ночами, ясно, что Ибн Фадлан в Волжской Булгарии не зимовал. Из контекста его книги можно сделать вывод, что посольство вернулось назад в том же году (922 г.) по тому же маршруту, то есть через Хваризм.

Данное путешествие Ибн Фадлана было известно через книгу Йакута² «Мугджам». В ее разделах «Атил» («Волга». – М.Ф.), «Башгурд» («Башкиры». – М.Ф.), «Булгар», «Хваризм» приводились большие цитаты из его «Путевых заметок». В первой четверти XIX в. Кристиан [Мартин] Френ опубликовал их в изданиях Петербургской Академии [наук] на арабском языке, а тексты, касающиеся булгар, были им переведены на немецкий и латинские языки и прокомментированы (Об этих двух работах см.: Библиографию). Тексты о хазарах он издал также с комментариями. Кроме того, и в написанном в честь Сельджуков на персидском языке географическом сочинении Ахмеда Туси³ имелись цитаты из Ибн Фадлана. Однако его записи долго оставались не сличенными с цитатами у Йакута.

Наконец в 1923 г., ровно 1000 лет после написания, «Путевые заметки» Ибн Фадлана были обнаружены мной в Мешхеде в библиотеке имама Риза в составе одной рукописи вместе с произведениями Ибн ал-Факиха и Абу Дулафа. В этом списке книги Ибн Фадлана, заканчивающегося передачей текста раздела

¹ Здесь А.-З. Валиди Тоган ошибался. 12 мухаррам 310 г. х. соответствует 12 мая 922 г. от Р. Х. (Здесь и далее примечания переводчика. – М.Ф.).

² Йакут ал-Хамави (ум. 626/1229 г.) – арабский географ, автор большого компилятивного труда по географии «Мугджам ал-булдан» («Сведения о странах»).

³ Мухаммад бин Махмуд бин Ахмад ал-Туси (XII в.) – персидский географ, автор книги «'Аджа'иб ал-махлукат» («Диковины природы»), написанной в честь иракского сельджукского султана Тугрула II.

относительно Хазарского каганата, отсутствует описание возвращения посольства в Багдад.

Между тем как Йакут видел ее полный список, содержащий и разделы о возвращении арабских путешественников на родину. В любом случае кажется, что в последующих за хазарами разделах «Путевых заметок» не было ничего интересного, так как никто [из более поздних арабских авторов] не цитирует из них ни одного слова.

Вместе с тем, как видно из Мешхедского списка, цитированный Йакутом текст составляет всего лишь одну треть оригинала книги Ибн Фадлана, притом в его состав вошли преимущественно всякого рода «чудеса». Мешхедская находка также показывает, что посольство было свидетелем повстанческого движения алевистов в Хорасане, что оно в Бухаре было гостем великого саманидского эмира Насра б. Ахмада и его визиря знаменитого географа Джаухани, а в Хваризме – Хваризмийского правителя Мухаммада б. Ирака, последнего представителя Али Фаригуна (из династии древних, доисламских хваризмийских шахов), в Уральской области сегодняшнего западного Казахстана – у заместителя (Кузеркин) огузского ябгу и управляющего Етрика б. Алктгана (по всей вероятности Етрл б. Алптугана, то есть сын Алп-Тогана Етрл или Ертугрул). Этому Ертк = Етрлу, который очень вероятно был сельджукским управляющим Ертугрулом (См. Тоган З.В. Введение во всеобщую тюркскую историю. Т. 1. С. 176, 440) посольство вручило письмо ал-Муктадира с предложением быть другом и союзником халифата и установило с ним – зятем мусульманского Булгарского короля – искренние дружественные отношения. Кроме того, из Мешхедской рукописи видно, что посольство встретилось с частью башкирского народа также на юге Уральской области, и что оно прошло в районе реки Яик через страну печенегов.

Ибн Фадлан сообщает очень важные сведения как о странах и народах по пути следования посольства, так и народе, и стране булгар, достижение которой и было основной целью арабского путешественника. Понятно, что приведенные им сведения о русах и хазарах были собраны именно во время его пребывания в Булгарском крае. Эти русы были скандинавами, норманнскими торговцами. Ибн Фадлан видел их, когда они на судах приплывали в страну булгар для торговли и описал их нравы и обычаи.

В течении последнего столетия в литературе утверждалось, что «Путевые

заметки» Ибн Фадлана подделаны, что сведения Истахри¹, полученные у одного из хатибов в Булгаристане, на самом деле были взяты у Ибн Фадлана (Бартольд) или, наоборот, что Ибн Фадлан черпал информацию у Истахри (Маркварт) или же что оба этих автора, а также Ибн Рустах² воспользовались одним и тем же общим источником (Кмушка). После исследования и публикации оригинала книги Ибн Фадлана выяснилась вся беспочвенность подобного рода предположений.

Арабский текст «Путевых заметок» по Мешхедскому списку, его немецкий перевод и комментарии к нему были опубликованы мной в 1939 г. (Togan Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig 1939) как результат затраченных в 1923–1928 гг. усилий. В том же году с целью упредить европейское издание «национальным», то есть чтобы дать русским возможность обходиться без европейского издания, Российская академия наук выпустила в свет подготовленный в спешке русский перевод Мешхедского текста с его фотокопией, но без комментариев его содержания ([Ковалевский А.П.] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. [Москва;] Ленинград, 1939).

В результате открытия Мешхедской рукописи и ее исследования Ибн Фадлан, воспринимаемый вплоть до 1924 г. как лгун и фальсификатор (Спицын А. // Записки русско-славянского отдела Русского археологического общества. 1900. Т. 11. С. 162; Marquart, in: Ungarische Jahrbücher. 1924. Bd. 4. S. 319), возвысился до уровня ученого и внимательного путешественника средневековья, а также крупного дипломата своего времени. По А. Грегуару, который рецензировал мое исследование (Byzantion. 1945. Bd. 17. S. 413), Ибн Фадлан, как беспристрастный и внимательный очевидец, был автором одного из подлинно научных «Путевых заметок» и напоминал Прискуса или Рубрука. В отличие от Лиутпранда из Ломбардии он действительно был хорошо информированным о международной об-

¹ Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истахри (около 850–934) – арабский географ, автор сочинения «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей царств»).

² Абу Али Ахмад бин Умар ибн Рустах Исфакхани (более известен как Ибн Руста; устар. Ибн Даста) – персидский ученый-энциклопедист конца IX – первой половины X в., автор сочинения «Китаб ал-алак ал-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»), в котором описаны народы Восточной Европы (хазары, болгары, русы и др.).

становке своего времени дипломатом, который привлек на сторону переживающего трудные времена Аббасидского халифата тюрок и также понимал роль, которую эти народы будут играть в исламском мире.

Библиография: Chr. Frähn. *Veteres memoriae Chazarorum ex Ibn Foszlano*. In: *Memoires de l'Academie des Sciences de Russie. Sc. polit.* Petersburg 1822. Bd. 7. S. 577–620; Он же. *De Baschkiris, que memoriae prodita sunt ab Ibn Fosclano et Jakuto*. In: *Memoires de l'Academie des Sciences de Russie. Sc. polit.* Petersburg 1822. Bd. 8. S. 611–628; Он же. *Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*. Petersburg 1823; Он же. *Die älteste arabischen Nachrichte über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Foszlan's Reiseberichten*. In: *Memoires de l'Academie de Russie. Ser. 6, sc. polit.* Petersburg 1832. Bd. 1. [S. 527–577]; Розен барон Б. Пролегомена к новому изданию Ибн Фадлана // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. 1904. Т. 15. С. [3]9–73; Westberg F. *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa*. In: *Bulletin de l'Academie des Sciences de Russie*. 1899. [Сер. 5. Т. 11.] S. 211[–245,] 275[–314]; Togan Z. V. *Die Reiseberichte Ibn Fadlan's*. In: *Geistige Arbeit*. Berlin 1937. Nr. 19. [5. Oktober]; Он же. *Ibn Fadlân's Reisebericht*. Leipzig 1939 / *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. 24, 3. Из появившихся в связи с этим трудом публикаций и рецензий заслуживают особого упоминания следующие: Spuler B. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1940. Bd. 5. S. 200–202; Guidi M. In: *Rivista degli studi orientali*. Roma 1941. Bd. 19. S. 307–310; Mzik H. von. In: *Orientalische Literaturzeitung*. 1942. [Jg. 45. Bd. 96. № 3.] S. 121–126; Ritter H. In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 96. S. 98–126; Gregorie H. In: *Byzantion*. 1945. Bd. 17. S. 410–413; Dunlop D.M. *Zeki Velidi's Ibn Fadlân*. In: *Die Welt des Orients*. 1949. Bd. 1. S. 307–312; Blake R. and Frye R. *Notes on the Risâla of Ibn Fadlân*. In: *Byzantina Metabyzantina*. [New York;] Harvard 1949. Vol. 1. P. 2. S. 7–37.

**Скан копии оригинала статьи
А.-З. Валиди Тогана «Ибн Фадлан»
на турецком языке**

Скан копия 1

730

İBN EBİRRİCÂL — İBN FADLÂN.

1. Başlıca eseri, Irak ve Yemen zeydilerinden 1300 meşhûr zâtın hâl tercümelerini ihtivâ eden lugattır; bu tercüme-i hâl kitabı, bizzat Zayd b. 'Alî (ölm. 121 = 739) 'nin oğulları ile ahfâdından başlayarak, müellifin zamanına kadar gelir; alfabe sırası ile tertip edilmiştir ve *Maṭla' al-budûr va-macma' al-buḥûr* adını taşır; bu esere uzun zaman kaybolmuş nazarı ile bakılmış idi; kitabın mevcüdiyetini ondan parçalar iktibas etmiş olan Muḥibbî (*Hulûşat al-aşar*, I, 220; Wüstenfeld, *Geschichtsschr.*, nr. 583) 'nin eserinden öğreniyoruz; son zamanlarda Milano 'da tam nüshası bulunmuştur (bk. Griffini, *Lista dei manoscritti arabi nuovo fondo della Biblioteca Ambrosiana, Riv. degli Studi Orient.*, IV, 1046—1048 'de *Liste* 'de nr. 254—256; ayn. mll., bu eserdeki biyografyalardan 18 'ini *I manoscritti sudarabici di Milano* adlı etüd ve *Riv. d. St. Or.*, II, 1—38, 133—166; III, 65—104 hâşiyelerinde neşretmiştir). İbn Abi 'l-Ricâl, *Maṭla' al-budûr* 'unda bir araya getirdiği tercüme-i hâlleri müteaddit külliyyattan almıştır ki, bunlar bugün, ancak parçalar hâlinde, Milano 'da veya Berlin 'de yahut da Londra 'da bulunmaktadırlar; onun kaynağı olan külliyyattan, en mühimleri, bilhassa: Ahmed b. 'Abd Allâh b. al-Vazîr (*Târîḥ âl al-vazîr*), al-Ahdal (*al-Tuḥfa fî 'ulamâ' al-zaydiyya*), İbn Fand (*al-Lavâḥiḩ al-nadîya*), al-Hâkim (*al-'Uyûn fî ricâl al-zaydiyya*) 'inkiler ile Yaḥyâ b. al-Mahdî al-Ḥasanî (*Şilat al-iḩvân*) ve *Ṭabaḩât al-zaydiyya* müellifinininki gösterilebilir. Fakat o, bu kaynaklardan aldığı bilgilerin birbirleri ile veya kendi zamanında Yemen 'de hâlâ yaşayan tarihî hâtıralar ile uyuşmadığı noktalara işâret etmeği ihmâl etmiştir. Müellifimiz, cenûbî Arabistan 'ın gezip-dolaşmış olduğu yerlerinin arkeolojisi kadar coğrafyasını da iyi biliyordu; lûgat kitabına Yemen 'e âit arap nümismatik ve epigrafyasını ilgilendiren hâşiyeler de koymuştur. 2. Tarihî biyografya koluna âit olmak üzere, onun şu eseri de bulunmuştur: İbn al-Calâl 'in *Muṣaccar* (zeydî imâmlarının şeceresi) 'ine kendi el yazısı ile tâlikat (yazm., Milano, Ambrosiana kütüp., nuovo fondo, A 98, I; bk. *Riv. d. St. Or.*, III, 580). Tercüme-i hâlinde (Ambrosiana, n. f., B. 132; bk. *Riv. d. St. Or.*, IV, 1047/1048) şu eserler de zikrediliyor: 3. *Taysîr al-'ilâm bi-tarâcim a'immat al-tafsîr al-'alâm* (*Kur'an* müfessirlerinin tercüme-i hâlleri) ve kendi âilesi hakkında bir şecere tetkiki: *Inbâ' al-abnâ' bi-ṭarîḩa sala-fihim al-ḩusnâ câmî' li-nasab âl abî 'l-ricâl*, 4. *'l'lâm al-muvâlî bi-kalâm sâdâtihî al-'alâm al-mavâlî* adlı bir eser yazma olarak Brit. Mus. 'da muhâfaza edilmiştir (Rieu, *Suppl.*,

nr. 217, II); aynı kütüphanede bundan başka 5. *Tafsîr al-şarî'a li-ovrâd al-şarî'a* adlı zeydî kelâmına dâir bir eseri (krş. Rieu, *Suppl.*, nr. 217, I) ve aynı mevzûa dâir bir de şu eserleri zikredilir: 6. *al-Riyâz al-nadîya fî an al-firḩat al-nâci'a hum al-Zaydiyya* (Ambrosiana, B. 133, var. 3^a). 7. İmâm al-Mutavakkil İsmâ'îl b. al-Manşûr billâh al-ḩâsim 'ın *al-Aḩîda al-şahîḩa* 'sının, yâni mezhebin esasları hakkındaki eserinin şerhi olan *al-Mavâzîn* (Ambros., B. 133, 3^a); 8. *al-Azhâr* (zeydî *Furû'* una dâir, krş. Brockelmann, II, 187) 'a bir hâşiyeye; bu eser tamamlanmamış *al-vuzû'* bahsinde kalmıştır; 9. *Macâlis*; 10. *al-Vach al-avcaḩ fî ḩukm al-rûḩ allazî zayyâ' al-zavca*; 11. *Macâz man arâda 'l-ḩaḩîḩa*; 12. *al-Hadiya ilâ man nuḩiba*; 13. *Buḩyat al-Ṭâlib va-sûluḩu*; 14. *al-Cavâb al-şâfi ilâ 'Abd al-'Azîz al-Zamadî*; 15. *Tazkirat al-ḩulûb allatî fî 'l-şudûr fî ḩayât al-acşâm allatî fî 'l-ḩubûr*; 16. muhtelif mevzûlara dâir, notlar mâhiyetinde bir çok *Rasâ'il*; 17. *Dîvân* 'ı, kardeşlerinden biri tertip etmiştir; musannif, kardeşi tarihçi şâir hakkında yazdığı biyografyada bu divandan bâzi örnekler nakleder. Bu tercüme-i hâl içinde, İbn Abi 'l-Ricâl 'in, derslerine devam ettiği 47 âlimin isimlerinin listesi yanında şâkirin öğrendiklerini başkalarına öğretmeğe salâhiyet kazandığını gösteren diploma mâhiyetinde 7 adet *icâzât* 'ın tam metnini buluyoruz (bk. Ambrosiana-nuovo fondo, B. 132, var. 2^a—11^b ve *Riv. d. St. Orient.*, IV, 1047 v.d.).

Bibliyografya: E. Griffini, *Lista dei manoscritti arabi nuovo fondo della Biblioteca Ambrosiana di Milano* (*Riv. degli Studi Orient.*, IV, 1046—1048, nr. 254—256); Brockelmann, *GAL*, II, 406; *Suppl.*, II, 561. (E. GRIFFINI.)

İBN FADLÂN. İBN FAZLÂN, AHMED B. FAZLÂN B. AL-'ABBÂS B. RAŞİD B. ḩAMMÂD, halife al-Muktadir 'in 921 'de Bagdad 'dan Etil (İdil) Bulgar hükümdarına gönderdiği elçi heyetinin kâtibi ve bu seferi tavsif ederek yazılan *Risâla* (yahut *Riḩla* 'nin) müellifidir. Kendisi hakkında Abbâsiler için Mısır 'ı yeniden fetheden Muhammed İbn Sulaymân 'ın kölesi olduğuna dâir, kitabının başındaki kayıttan başka hiç bir mâlûmât yoktur. Köle (*mavlâ*) tesmiye edilmiş olması itibârı ile bunun arap olamayacağı, Muktedir 'in sarayında türkçe tercümanı dahi olmayacağı, hattâ bir rûm yahut iranlı olacağı hakkındaki mütâaleaların aslı yoktur. Yolda iken ve Bulgar diyarında da türkler ile ancak tercüman vâsıtası ile konuştuğu, yâni türkçe bilmediği, islâm ilimlerine bihakkın vâkif olmakla sefâret heyetinde din mütehasssınının („fakih“) işini gördüğü, kendisinin halife ta-

rafından Bulgar memleketindeki müslüman fakihlerini ve muallimleri teftişe me'mûr edildiği, *Risâla*'sinden anlaşılmaktadır. Asıl sefir Savsan al-Rasî isminde birisi olduğu hâlde, halife Bulgar kiralına yazdığı mektubu ve hediyelerini İbd Fazlân'a vermiş ve onu bu mektubu kiralâ okuyup anlatmakla tavzif etmiştir. Sefâret hey'eti Bagdad'dan 11 safer 309 (2 nisan 921)'da hareket edip, Rey, Nişâpûr, Marv, Buhârâ ve H̱vârizm yolu ile, 12 muharrem 310 (2 mayıs 922)'da o vakit daha çadırlarda yaşayan bulgar kiralının orta İdil'deki kargâhına gelmiştir. Sefâretin burada ne kadar zaman kaldığı mâlûm değil ise de, İbn Fazlân'ın burada kış aylarını geçirmedeği, *Risâla*'sinde ancak geceleri kısa olan yaz aylarından bahsetmesinden anlaşılmalıdır ve hey'etin aynı sene (922 senesi) yazında geldiği yoldan, yâni H̱vârizm üzerinden döndüğü *Risâla*'deki istitradî kayıtlardan istihrac olunmaktadır. İbn Fazlân'ın bu seyahati Yâkût'un *Mu'cam*'inde onun *Risâla*'sinden Atıl, Başgurd, Bulgar, H̱vârizm ve Rus maddelerinde verdiği geniş nakillerden mâlûm idi ve bunları Chr. Fraehn, geçen asrın ilk rub'unda Petersburg akademisi neşriyatında arapça metin, Bulgarlara âit olanı almanca (her iki eser için bk. bibliyografya), lâtince tercüme ve hâşiyeleri ile, Hazarlara âit olanı da şerhleri ile neşretmişti. Bundan başka, XII. asırda Selçuklular nâmına farsça bir coğrafi eser yazan Aḥmed Ṭūsî'nin eserinde de İbn Fazlân'dan nakiller bulunmakta ise de, bunun kayıtları Yâkût'takiler ile henüz karşılaştırılmış değil idi. Nihâyet te'lifinden tam 1000 sene sonra İbn Fazlân'ın *Risâla*'si tarafımdan, 1923'te, Maşhad'de İmâm Rıza kütüphanesinde, İbn al-Faḫîh ve Abû Dulayf'in eserleri ile birlikte, bir mecmua içinde, bulundu. Seyahatnâmenin Hazar hakanlığına dâir kısımlarına âit tercümelemler ile biten bu nüshada sefâret hey'etinin Bagdad'a dönüş bahisleri eksiki idi; hâlbuki Yâkût bu risâlenin Bagdad'a dönüş bahisini de ihtivâ eden tam nüshasını görmüş idi. Her hâlde bu seyahatnâmenin Hazarlara âit bahislerinden sonraki kısmında dikkati çeken fazla bir mâlûmat bulunmamış olacaktır ki, kimse o kısmından bir söz nakletmemiştir. Mamafih Maşhad nüshasından anlaşıldı ki, Yâkût tarafından naklolunan haberler asıl kitabın ancak 1/3'ini teşkil etmiş ve bunlar da en çok „acâyib“ den ibâret bulunmuştur. Yine görüldü ki, sefâret hey'eti Horasan'da Alevîlerin isyan hareketlerine şahid olmuş, Buhârâ'da büyük Sâmânî emîri Naşr b. Aḥmed'in ve onun vezîri olan büyük coğrafyacı Cayhânî'nin misâfiri olmuş, H̱vârizm'de Âl-i Fariğün (islâmdan önceki eski H̱vârizmşâhlar sülâlesinin)'un son mümessili

H̱vârizm vâlisi Muhammed b. 'İrâk'ın, şimdiki garbî Kazakistan'ın Ural vilâyetlerinde Oğuz yabgusu nâibi (Kuzerkin)'nin ve su-başısı Etrk b. Alktgan (gâliba Etrl. b. Algtugan, yâni Alp-Togan oğlu Etrl yâni Ertugrul)'ın misâfiri olmuş; Selçuk su-başının cediti Ertugrul su-başı olması pek muhtemel olan (bk. Z. V. Togan, *Umûmî türk tarihine giriş*, I, 176, 440) bu Ertk = Etrl'a, halifelğin dost ve müttefiki bulunmak teklifi ile, al-Muḫtadîr tarafından yazılan mektubu sunmuş ve müslüman bulgar kiralının dâmâdı olan bu su-başı ile çok samîmî münâsebet te'sis etmiş, Başkırtların bir kısmını daha güney Ural vilâyetinde görmüş, Yayık nehri civarında Peçeneklerin ülkesinden geçmiştir. İbn Fazlân gerek bu ülkeler ve kavimler, gerekse asıl hedefleri olan Bulgar ülkesi ve halkı hakkında son derecede mühim mâlûmat vermiştir. Bu seyyahın ruslar ve Hazarlar hakkında verdiği mâlûmatı ancak Bulgar diyarında bulunduğu zaman topladığı anlaşılmıştır. İskandinavya Norman tüccarları olan bu ruslar, gemileri ile Bulgar taraflarına ticâret için geldikleri zaman, görüp bunların örf ve âdetlerini tavsif etmiştir. Seyahatnâmesinin sahte olduğuna, İştaḥrî'nin Bulgaristan'daki bir hatîpden naklettiği haberlerin İbn Fazlân'dan alınmış olduğuna (Barthold) yahut bil'akis İbn Fazlân'ın İştaḥrî'den nakillerde bulunduğu (Marquart)'a göre yahut her iki müellifin ve İbn Rusteh'in müşterek bir kaynaktan istifâde ettiklerine (Kmuschka) âit son bir asır zarfında yazılanların boş faraziyelerden ibâret olduğu da seyahatnâmenin aslının tetkik ve neşrinden sonra tahakkuk etmiştir.

Seyahatnâmenin Maşhad nüshasının arapça metin, almanca tercüme ve izahları, 1923—1928 seneleri arasında sarfolunan mesâi mahsûlü olarak, 1939'da tarafımdan, neşredilmiştir (Z. V. Togan, *İbn Fadlan's Reisebericht*, Leipzig, 1939). Bir „millî“ yayın ile Avrupa yayını önlemek, yâni rusları Avrupa yayınından müstaḡnî kılmak maksadı ile Rus Ulûm Akademisi de Maşhad nüshasının fotoğrafını, meselelerin izahı ile meşgûl olmadan acele yapılan bir rusça tercümesini aynı senede neşretti (*Putesestvie Ebn Fadlana na Volgu*, Leningrad, 1939). Daha 1924 senesine kadar bir yalancı ve sahtekâr telâkkî olunan İbn Fazlân (A. Spıcyın, Rus Arkeoloji cemiyeti Rus ve Slav şubesi *Zapiski*'leri, 1900, XI, 162; Marquart, *Ungarische Jahrbücher*, 1924, IV, 319), Maşhad nüshasının keşfi ve onun üzerinde yapılan tetkikat neticesinde orta çağların âlim ve dikkatli bir seyyahı ve asrının büyük çapta diplomati derecesine yükselmiştir. Bu tetkikatı hulâsa eden H. Grégoire (*Byzantion*, 1945, XVII, 413)

'a göre İbn Fazlân tarafsız ve dikkatli müşâhiddir; o yalnız hâk Priscus 'u, kâh Rubruk 'u hatırlatan gerçekten ilmî bir seyahatnâmenin müellifi olmakla kalmamış; muâsırı olan Lombardiyalı Liutprand'dan farklı olarak, kendi zamanının beynemilel vaziyetinden bihakkın haberdar bir diplomatı olmuş ve Abbâsî halifelğine müşkül bir zamanda türkleri kazandırmış ve anlaşılın onların islâm memleketinde oynayacakları rolü de tasarlamıştır.

Bibliyografya: Chr. Frähn, *Veteres memoriae Chazarorum ex İbn Foszlano* (*Mémoires de l'Académie des Sciences de Russie, sc. polit.*, Petersburg, 1822, VII, 577—620); ayn. mll., *De Baschkiris, que memoriae prodita sunt ab İbn Foszlano et Jakuto* (*Mémoires de l'Académie des Sciences de Russie, sc. polit.*, VIII, 621—628); ayn. mll., *İbn Foszlans und anderer Araber Brichte über die Russen älterer Zeit* (Petersburg, 1823); ayn. mll., *Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn Foszlans Reiseberichten* (*Mémoires de l'Académie de Russie, 6. seri, sc. polit.*, Petersburg, 1832, I); Baron V. Rosen, *Prolegomena k novomu izdanyu İbn Fadlana* (*Zapiski Vost. Otdel. Russk. Arheolog. Obşcestva*, 1904, XV, 39—73); F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa* (*Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie*, 1899, s. 211—275); Z. V. Togan, *Die Reiseberichte İbn Fadlan's* (*Geistige Arbeit*, Berlin, 1937, nr. 19); Z. V. Togan, *İbn Fadlan's Reisebericht*, Leipzig, 1939 = *Abhandlungen für die Kunde des morgenlandes*, XXIV, 3; bu yayın dolayısı ile yapılan neşriyât ve tenkitlerden ayrıca zikre şâyân olanları: B. Spuler (*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1940, V, 200—202); Michelangelo Guidi, *Rivista degli studi orientali* (Roma 1941, XIX, 307—310; Hans v. Mzik, *Orientalistische Literaturzeitung* (1942), s. 121—126; H. Ritter *ZDMG*, XCVI, 98—126; H. Gregorie, *Byzantion* (1945), XVII, 410—413; D. M. Dunlop, *Zeki Validi's İbn Fadlan* (*Die Welt des Orients*, 1949, I, 307—312); Robert, *Blake and Richard Frye, Notes on the Risala of İbn Fadlan, Byzantina Metabyzantina*, Harvard, 1949, I, 2. kısım s. 7—37.

(ZEKI VELİDİ TOGAN.)

İBN FADLULLAH. [Bk. FAZLULLAH.]

İBN AL-FAKİH. [Bk. İBNÖLFAKİH.]

İBN FARAH AL-İŞBİLİ. [Bk. İBN FERAH'UL-İŞBİLİ.]

İBN AL-FARAZİ. [Bk. İBNÖLFARADİ.]

İBN FARHÜN. [Bk. İBN FERHÜN.]

İBN FÂRİS. [Bk. İBN FÂRİS.]

İBN FÂRİS. İBN FÂRİS, ABU 'L-ĤUSAYN AĤMED B. FÂRİS B. ZAKARİYÂ B. MUĤAMMED B. ĤABİB, (?—1004), Kûfe mektebine mensûp lisan ve sarf âlimidir. 395 saferinde (teşrin II. — kânun I. 1004) Rey'de vefat etmiştir.

Doğum tarihi ve yeri mâlûm değildir. Mamefih al-Zahrâ bölgesinde, Kursuf köyünde, doğmuş olduğu zannedilmektedir. Ĥazvîn, Hemedan, Bagdad'da ve hacca gittiği zaman, Mekke'de tahsil eylemiştir. Muallimleri arasında lisan âlimi ve şâfiî fakîhi olan babası ile Abû Bakr AĤmed b. al-Ĥasan al-ĤaĤîb, Abû 'l-Ĥasan 'Alî b. İbrâhîm al-ĤaĤĥân, Abû 'Abd Allâh AĤmed b. Ĥâbir al-Munaccim v.b. zikredilmektedir.

Hemedan'da ders okutmuş ve meşhûr Badî' al-Zamân al-Hamazânî de talebe sıfatı ile derslerine devam etmiştir. Bilâhare İbn Fâris, Fahr al-Davla 'Alî b. Rukn al-Davla al-Ĥasan b. Bûya tarafından, oğlu Macd al-Davla Abû Tâlib 'e muallimlik etmek üzere, Rey'e davet edildi. Şâfiî mezhebine mensûp iken, sonradan mâlikî mezhebini ihtiyar etmiştir.

Gâyet cömert idi ve bâzan sırtındaki elbiseyi bile verdiği olurdu.

Tevâzû eseri olarak, İbn Fâris'in tilmizi olduğunu söyleyen Şâhib İbn 'Abbâd, bu zâtın eserlerinde hatâ bulunmadığını beyân eder. Aslen irânî olmakla beraber, şu'ûbiya mücadelelerinde arapları iltizam etmiştir.

Eserleri şunlardır:

1. *Kitâb al-mucmal fi 'l-luġa* adında, kelimelerin asıllarının ilk harfleri sırasına göre, tertip edilmiş lûgat kitabı (yazma, Brockelmann, *göst. yer.*); 2. *al-Şâhibî fi fiĥh al-luġa va sunan al-'arab fi kalâmihâ*, edebiyat, iştikak ve nahivden bâhîstir (1910'da Kahire'de neşredilmiştir); 3. *Kitâb al-şalâsa*, bu eserinde müellif üç mûmâsil sâmitten (*h, ĥ, ħ* gibi) teşekkül eden ve üç türlü tertibe girebilen kelimelerin mânaca müterâdif olduklarını belirtmektedir. Derenbourg, *Les manuscrits arabes de l'Esc.*, nr. 363, 3); 4. *Avcaz al-siyar li-ĥayr al-başar*, Peygamberin kısa bir hâl tercümesidir ve Bombay'da, 8 sahife olarak, tab' edilmiştir; 5. *Zamm al-ĥaĥâ' fi 'l-şî'r*, şiirlerde, vezin zarûretinden dolayı yapılan hatâlardan bâhîstir (Berlin, *Verz.*, nr. 7181); 6. *Kitâb al-itbâ' va 'l-muzâvaca*, aynı vezinde olup, dâimâ bir arada kullanılan çift kelimeleri toplamış olduğu bir kitaptır (Brünnow tarafından neşredilmiştir. *Orientalische Studien, Th. Nöldke zum. 80 Geburtstag gewidmet*, Giessen, 1906); 7. *Kitâb al-nayrüz* (Ĥabîb al-Zayyât, *Ĥazâ'in al-kutub fi Dimashĥ*..., s. 29, nr. 9, 3); 8. *Kitâb al-lâmât*, ayn. *esr.*, s. 33, nr. 71, 2.

Bibliyografya: İbn Ĥallikân, *Va-fayât*... (Kahire, 1310), I, 35; al-Suyûti, *Ṭa-*

*А.И. Чигрина,
к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории и культурного наследия
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Проблемы истории Республики Башкортостан военных лет наиболее полно освещены в документах партийных и государственных органов, как центральных, так и местных. Следует учитывать степень огосударствления партийных комитетов, строго контролировавших советы всех рангов, народные комиссариаты и т. д.

В военный период степень контроля увеличивается: вопросы образования, науки и культуры, наряду с экономической и социальной сферами, постоянно курировались партийными и государственными властями.

Большой пласт архивных материалов был введен в научный оборот, благодаря электронному изданию Секретариата Госсобрания – Курултая Республики Башкортостан «Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана», тома 21-25 которого содержат документы военных лет.

В рамках настоящей статьи нами предпринята попытка на основе анализа архивных материалов выявить наиболее важные проблемы, а также ключевые тенденции развития сферы образования, науки и культуры Башкирской АССР в 1941-1945 годах.

Война сопровождалась значительными людскими потерями и привела к увеличению числа осиротевших детей, беспризорников, и, соответственно, количества детских домов. Остро стояла проблема устройства беспризорных детей в Уфе. Башкирия как тыловая республика открывает новые детские дома, с большим трудом изыскивая средства и помещения. Обычно под детские дома отдавали как пустующие, так и используемые школьные помещения, увеличивая количество смен для учащихся до пяти-шести. Указанные тенденции могут быть

проиллюстрированы постановлениями Совнаркома БАССР от 8 января 1943 г. «Об открытии детских домов в Гафурийском, Абзелиловском и Аскинских районах», от 12 апреля 1943 г. «Об открытии детдома в Мишкинском районе» [5, с. 419, 427] и др.

В данных документах мы также находим отголоски участия нашей страны в событиях, происходивших в Испании. В селе Сафарово Чишминского района в школьном здании разместили детский дом с испанскими детьми, для этого пришлось перевести местную школу на двухсменный режим работы [4, с. 478].

Однако наибольшую роль БАССР сыграла в судьбе воспитанников детских домов из других регионов СССР. Так, здания Ляховской школы Кармаскалинском районе и Аксеновского сельскохозяйственного техникума в Альшеевском вместе со всем оборудованием передали эвакуированным московским детским домам [4, с. 439]. Впрочем, помещений все равно не хватало. Часто приходилось «уплотнять» несколько учреждений. К примеру, в селе Охлебинино часть детского дома была занята народным судом, детям приходилось слушать ход судебных процессов [4, с. 461].

В справке о состоянии эвакуированных в Башкирию детских домов от мая 1942 года называются цифры, актуальные на тот момент: 9 домов и 1294 воспитанников [4, с. 443]. Первоначально не хватало элементарных вещей: одежды, еды, мебели, отопления, медицинского обслуживания. Вот как в одной их справок описывается питание в Буздякском детском доме 6 июня 1942 года: «Дети получили утром стакан чаю с кусочком хлеба, в обед одну тарелку постного супа и в ужин стакан чая без сахара с кусочком хлеба» [4, с. 464]. Республиканским властям пришлось решать множество подобных вопросов, налаживать нормальную работу детских домов.

Одним из способов решения проблемы устройства детей-сирот стало так называемое патронирование, когда детей брали на воспитание в семьи. 4 октября 1943 г. вышло постановление Президиума Верховного Совета БАССР «О материально-бытовом положении и воспитании детей, оставшихся без родителей». В констатирующей части об данном институте говорится следующее: «Отделы народного образования недооценивают патронирование... Имеются факты рас-

ходования средств, отпускаемых на патронирование не по назначению... Проверкой положения патронированных детей и их воспитанием отделы народного образования не занимаются. Имеются факты, когда патронируемые дети находятся в плохих бытовых условиях, не посещают школы и не охвачены дошкольными учреждениями» [5, с. 445]. Несмотря на звучащую в документе критику, данная практика, безусловно, помогала решить проблему беспризорности и нехватки мест в детских домах.

Между тем, действительно, организовать работу на должном уровне удалось не всегда. Архивные документы служат этому подтверждением. Материалы от 1944 года сообщают, что воспитанники колоний употребляли в пищу отбросы, собранные в мусорных контейнерах, результатом чего стало распространение среди детей желудочно-кишечных заболеваний. Антисанитарное состояние помещений и неудовлетворительное медицинское обслуживание приводили к появлению педикулеза и чесотки [6, с. 428-429].

Ввиду того, что количество детей-сирот постоянно росло, многие дети оставались не устроенными. В республике работали детские приемники-распределители, трудовые колонии, где воспитанников должны обучали профессиям. Новые детские дома приходилось открывать на протяжении всей войны. В 1944 г. появились новые детдома в Бакалинском, Бишбулякском и Чишминском районах БАССР [6, с. 426].

Перед руководством региона весьма остро стояли и проблемы дошкольного воспитания. Главной из них оставался недостаток финансирования. Только в 1944 году появилась возможность поднять вопрос о строительстве и открытии новых детских садов (Постановление СНК БАССР «О мероприятиях по расширению сети детских садов и улучшению их работы» от 11 февраля 1944 г.) [6, с. 423-425]. Исполкомы советов и наркоматы обязали освободить помещения детских садов, используемые не по назначению, и вернуть их детям.

Для того, чтобы привлечь к участию в решении данных проблем женскую часть населения, в сельской местности в период посевной и уборочной кампаний создавали детские площадки и открывали ясли. Для них выделяли помещения, оборудование, питание. Помещениями обычно служили пустующие летом школьные здания, а воспитателями становились учителя и учащиеся старших

классов. Также открывались летние пионерские лагеря, куда направляли преимущественно детей фронтовиков.

Интересной представляется идеологическая роль проводимых мероприятий. Помимо задачи оздоровления детей, перед работниками лагерей ставили задачи «развивать у детей любовь к родине и готовность помогать в меру своих сил в борьбе против немецко-фашистских захватчиков..., приучать детей к сильному общественно-полезному труду и давать необходимую военно-физкультурную подготовку» [4, с. 457; 6, с. 433].

Закономерным образом мобилизация ресурсов в целях решения возникших социальных проблем усложнила ведение государством просветительской деятельности. На Наркомат просвещения была возложена задача в сложнейших условиях обеспечить продолжение образовательного процесса, при том что учебные площади активно изымались под различные нужды других ведомств. Площадей в республике катастрофически не хватало в связи со значительным притоком эвакуированных предприятий и граждан. В докладной записке Наркомата просвещения в Обком ВКП(б) в январе 1942 г. говорилось: «Напряженность в работе школ увеличилась, и декабре месяце преобладающее количество школ города (Уфы), в целях сохранения наличного контингента учащихся, перешли на 5-6-сменные занятия, сократив количество уроков до 3-2, увеличив домашние задания, а некоторые школы, например, 22 начальная и 1 средняя школы вынуждены были работать через день» [1, с. 202]. Также не хватало учительских кадров для обеспечения учебного процесса.

Между тем, образовательные учреждения помогали решать проблему обеспечения кадрами различных участков экономики региона. В учебных заведениях преподавали не только привычные плановые предметы учебных планов. В школах для старшеклассников и в вузах республики для студентов вводится обучение сельскохозяйственному труду, другим профессиям.

Можно заключить, что весь учебный процесс был приспособлен к нуждам военного времени. В соответствии с распоряжениями Совнаркома Союза ССР от 13 мая 1943 года и Совнаркома БАССР от 2 августа 1943 г. Наркомату просвещения республики совместно с другими организациями предлагалось в достаточно короткие сроки организовать производственные мастерские при школах,

детдомах и внешкольных учреждениях, прикрепить отдельных учащихся к предприятиям местной промышленности и промышленной кооперации БАССР. Предполагалось выпускаемую производственными мастерскими продукцию из отходов и остатков производства местной промышленности и промкооперации распределять между детскими учреждениями для удовлетворения нужд самих учащихся.

Труд подростков поощрялся материально. Учащимся, работающим в производственных мастерских, предписывалось выдавать хлебные и продовольственные карточки рабочих соответствующей отрасли промышленности. Таким образом, государство решало сразу несколько задач: с помощью детского труда частично решало кадровую проблему, увеличивало выпуск продукции местной промышленности и силами самих детей в какой-то степени обеспечивало необходимыми вещами детские учреждения [5, с. 439]. Из-за участия школьников в уборочной кампании на протяжении нескольких лет начало учебного года переносилось на месяц.

Проводимые мероприятия в годы ведения военных действий не позволяли решить все возникающие в регионе проблемы. Как свидетельствуют документы, не все дети имели возможность посещать школу из-за нехватки одежды и обуви. Нужно было устроить в школы эвакуированных детей. В сельских школах не хватало учебников, тетрадей, канцелярских принадлежностей. Не было возможности отремонтировать школьные здания и обеспечить их достаточным количеством дров. Несмотря на принимаемые меры, многие учителя не могли решить свои бытовые проблемы.

Поскольку закон о всеобуче в военное время никто не отменял, шла активная работа по учету детей школьного возраста. Вместе с тем, за первое полугодие 1942 г. в Гафурийском районе оставили учебу 1742 человека, в Иглинском – 1332, в Стерилитамакском – 1134, в Федоровском – 1320, в Белебеевском – 1265 человек [4, с. 445].

За каждой из этих значительных цифр стоят судьбы множества детей. Совнарком БАССР в специальном постановлении о выполнении закона о всеобуче осенью 1943 года констатировал: «В первые дни учебы не явились в школы по республике около 29 000 детей. Даже на 10 октября 1943 г. осталось вне школы

более 20000 детей...» [5, с. 448].

Существовали проблемы и с численностью преподавательского состава. По информации СНК РСФСР накануне начала 1944/45 учебного года в республике не хватало 1800 учителей [6, с. 439].

Значительный пласт документов посвящен проблемам образования детей представителей коренной национальности. Так, власти республики реорганизовали уфимскую среднюю школу № 9 в областную башкирскую среднюю школу-интернат и обязали Наркомат просвещения Башкирской АССР к началу 1944/45 учебного года укомплектовать ее учащимися преимущественно из детей коренной национальности – башкир, принимая в первую очередь детей фронтовиков, инвалидов Отечественной войны и детей-сирот. Также власти республики неоднократно озвучивали проблемы национальных чувашских, марийских, удмуртских и мордовских школ, главной из этих проблем была нехватка учебников на родных языках [6, с. 441, 457].

Высшие учебные заведения Башкортостана также приспособили свою работу к условиям военного времени. Вполне оправданно, что особое внимание власти уделяли работе медицинского и сельскохозяйственного институтов. В военные годы эти вузы не только готовили кадры для республики, но и оказывали существенную помощь в решении задач военного времени. Преподаватели и студенты-медики помогали восстанавливать здоровье раненных в эвакуированных госпиталях, проводили противоэпидемиологические мероприятия. Студенты сельскохозяйственного института поддерживали экономику республики в ходе посевных и уборочных кампаний. Вместе с тем, в архивных документах можно обнаружить достаточно много критических замечаний в адрес этих вузов. Причем, наряду с критикой качества знаний по основным дисциплинам, звучали и замечания такого рода: «Значительная часть студентов плохо знает основные произведения классиков марксизма-ленинизма, ограничивается поверхностным изучением марксистско-ленинской теории» [6, с. 454]. Идеологическая составляющая высшего образования особенно заботила власти.

При подготовке кадров интеллигенции руководство республики делает особый упор на представленность башкирских студентов в вузах республики. В постановлении Бюро Башкирского обкома ВКП(б) «О подготовке национальных

кадров в высших учебных заведениях БАССР» от 19 мая 1943 года отмечается «низкая национальная прослойка» в составе студентов сельскохозяйственного, педагогического, авиационного и медицинского институтов. Бюро постановило «предложить директору с/х института тов. Порошкову, директору Педагогического института тов. Валееву и директору медицинского института тов. Пандикову ликвидировать самотек в работе по набору студентов в 1943/44 учебном году и организовать дело набора так, чтобы оно обеспечило принятие в текущем году на первые курсы институтов не менее 40 % студентов из башкир и татар» [5, с. 436].

В 1944/45 учебном году в Башкирском сельскохозяйственном институте восстановили ветеринарный факультет, открыли кафедру пчеловодства и овощеводства и подготовительное отделение для представителей башкирской и татарской молодежи, рассчитанное на 150 студентов (распоряжение СНК СССР за подписью В. Молотова от 19 мая 1944 года) [6, с. 453]. В педагогических училищах и институте открыли заочные отделения, что позволило готовить квалифицированные кадры учителей без отрыва от работы.

В постановлении «О состоянии работы Башкирских объединенных театров Академической драмы, оперы и балета, Уфимского государственного русского драматического театра и музыкального училища» в мае 1943 г. Бюро Обкома ВКП(б) и СНК республики просили Совнарком СССР «учитывая отсутствие в Башкирии музыкантов-исполнителей из коренной национальности республики – башкир..., установить для учащихся музыкального училища из башкир и татар принятых из районов, стипендии, независимо от их успеваемости и освободить их от платы за обучение в училище» [5, с. 478].

С началом войны резко сократились ассигнования на развитие науки.

Местным и эвакуированным в Башкирию научным учреждениям пришлось срочно перестроить свою работу на военный лад. Практически все они работали на решение задач укрепления обороны страны и обеспечение победы в войне. Также решались местные экономические проблемы.

На базе Кушнарниковской опытной станции и плодового питомника была размещена Центральная генетическая лаборатория им. И.В.Мичурина. Размещившаяся в городе Белебее почвенно-эрозионная группа экспедиции Академии

наук СССР исследовала процессы эрозии в БАССР и разрабатывала схемы противоэрозионных мероприятий для республики [3, с. 460].

Вместе с тем, оказались свернутыми многие гуманитарные исследования. Башкирские лингвисты из научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури работали над усовершенствованием правил орфографии литературного башкирского языка. В 1942 году их ходатайство о некоторых изменениях было удовлетворено специальным Указом Президиума Верховного Совета БАССР [4, с. 482].

Но в 1943 году институт оказался в бедственном положении, не имелось собственного помещения, а количество работников сократилось с 13 до 2 человек. Бюро обкома ВКП(б) и Совет народных комиссаров отмечали, что данное научное учреждение, проделавшее до войны значительную работу в области изучения, разработки и развития башкирского языка, литературы и фольклорного материала, в военные годы оказалось в запущенном состоянии: «Приостановлена работа по подготовке к изданию полного собрания сочинений народного поэта М. Гафури и изучение лексического богатства разговорного башкирского языка. Не организованы по существу собирание, изучение и публикации героического эпоса, содержащего в себе исключительно ценные материалы о боевых традициях и отражающих совместную борьбу башкирского народа с великим русским народом за свободу и независимость своей родины...». Ученые остановили работу над программой и учебником башкирского языка для вузов [5, с. 467]. Предлагая систему мероприятий, обком ВКП(б) вину за такое состояние дел возлагал на наркомат просвещения и частично брал на себя (за отсутствие контроля). К данной проблеме власти республики возвращались неоднократно. В 1945 г. Башкирский обком ВКП(б) рекомендовал Институту оказать практическую помощь научным и литературным работникам республики «в создании произведений, правдиво отображающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с великим русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей, достижения башкирского народа за годы советской власти.

В литературных произведениях особенно ярко должна быть показана борьба против немецко-фашистских захватчиков, героизм, беззаветная любовь и преданность родине и вождю народов товарищу Сталину» [7, с. 474].

Уже в 1943 году началась эвакуация из республики научных учреждений, поскольку обстановка на фронте это позволяла. В 1945 году в Башкирии восстановили лесную опытную станцию, работа которой была свернута в 1941 году, в распоряжение станции вернули питомник интродукции и селекции лесных пород и дендрариум [7, с. 472].

Власти принимали меры по спасению музейных, архивных и библиотечных фондов, например, по спасению библиотеки и архива Центрального духовного управления мусульман. Там древние рукописи, представлявшие большую историческую ценность, находились в сыром подвальном помещении. Активно обсуждался вопрос о предоставлении нового помещения под книги и рукописи [7, с. 489].

Привычной аббревиатурой советской эпохи стало слово «политпросветучреждения»; к ним причисляли клубы, библиотеки, избы-читальни. Обстановка военного времени сказалась и на этих учреждениях. Документы свидетельствуют о формах работы, наиболее популярных в годы войны: «Буздякская районная библиотека проводит большую политико-массовую работу среди населения. Так, за 1942 год проведено 101 громкая читка, с охватом 2154 чел., 19 бесед с охватом 769 чел., 12 лекций и докладов, которыми обслужено 760 чел. Избы-читальни Салаватского района провели с населением 408 консультаций, 116 бесед, с охватом 7343 человек, организовали 46 постановок, 3 передвижных библиотеки, 3 справочных стола» [4, с. 471].

В 1944 году в республике был проведен смотр изб-читален, домов культуры и библиотек [2, л. 38].

Самыми популярными формами культурно-массовой работы стали беседы, читки сводок Совинформбюро и газет. Сохраняла свое значение художественная самодеятельность, работа клубов, кружков и т.п. Шире развивается к концу войны «кинообслуживание». Выросла зрительская аудитория.

Главным препятствием в деятельности политико-просветительных учреждений являлась слабая материальная база. Не хватало брошюр, газет, плакатов, топлива и не доставало кадров для проведения данной работы.

Зимой 1945 года восстановили работу многие закрытые на время избы-читальни, сельские клубы, дома культуры, которым возвращали принадлежавшие

им ранее помещения, решали проблему обеспечения кадрами, например, приглашали туда работать по совместительству учителей [7, с. 482]. Поскольку нужно было готовиться к мирной жизни, культурные запросы жителей республики возрастали. В годы войны неоднократно происходили организационные изменения в этой области. В начале 1945 года было создано Управление по делам культурно-просветительных учреждений, а в районных советах депутатов – соответственно, отделы культурно-просветительной работы [7, с. 489].

Помимо прочих, при СНК БАССР действовало специальное Управление по делам искусств. С началом войны ведущие театральные коллективы республики были интегрированы в Башкирские объединенные театры академической драмы, оперы и балета. Самостоятельным остался Уфимский русский драмтеатр. Театральным работникам тоже приходилось непросто. Помещения театров частично заняли другие организации, здесь же проживали семьи эвакуированных актеров. Не хватало самого необходимого, театры плохо отапливались зимой. Тем не менее деятели театрального искусства продолжали творить, делая особый акцент на патриотической работе. Были поставлены спектакли «Салават», «Нашествие», «Карлугас», «Иван Сусанин», «Акбузат», «Русские люди» и др. Киевскому академическому театру оперы и балета им. Т.Г. Шевченко выделили площади в местном оперном театре. Восемь дней в месяц выделялось на постановки украинских спектаклей.

В последние годы войны появилась возможность открывать новые театральные учреждения. На базе ансамбля оперетты Башкирской государственной филармонии был создан республиканский театр музыкальной комедии в городе Стерлитамаке [6, с.470].

В Учалинском районе был создан башкирский драматический колхозно-совхозный театр для обслуживания жителей юга Башкирии [6, с. 494].

Новым словом стала организация студии эстрадного искусства при Башкирской государственной филармонии в 1945 году, причем ее открытие запланировали еще в 1944 году [6, с. 495].

В республике в военные годы складывается плодотворное сотрудничество местных и эвакуированных деятелей культуры. Результатом стали совместные театральные и музыкальные произведения, выставки и т. п. Республиканские

власти отметили этот вклад.

К примеру, в 1944 году украинский композитор Н.К. Чемберджи указом Президиума Верховного совета БАССР за заслуги в развитии музыкальной культуры Башкирии был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств Башкирской АССР [6, с. 473].

Как известно, представители культуры республики готовились к декаде показа башкирского искусства в Москве. Этим планам не суждено было осуществиться, так как началась война. Но традиционной формой презентации достижений самодеятельных коллективов оставались смотры, проводимые на разных уровнях. С 1 декабря 1943 г. по 1 марта 1944 г. был проведен Всебашкирский смотр художественной самодеятельности в сельских районах и городах, посвященный 25-летию Башкирской АССР. В нем приняли участие почти 30 тысяч человек. В 1944 году появилась возможность организовать концерт-показ башкирского искусства в Москве.

Подводя итог, отметим, что архивные материалы достаточно объективно, без прикрас рисуют картину состояния образования, науки и культуры в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны, не скрывая всех трудностей и проблем военного времени.

Документы показывают героические усилия жителей республики по устройству в семьи и детские дома детей-сирот, по организации учебного процесса в учреждениях разного уровня, деятельности научных учреждений и культурного досуга жителей республики.

Эти усилия давали свои плоды и предпринимались как руководящими работниками, так и рядовыми сотрудниками. Несмотря на значительный недостаток материальных средств и кадров, строились новые детские дома, сады, школы, открывались культурные учреждения. Эта сторона жизни граждан имела большое значение, поскольку речь шла об образовании детей и молодых людей, о будущем республики.

Научные центры решали проблемы военного времени и работали на мирный послевоенный период. Культурные учреждения поднимали боевой дух уставших от непосильного труда людей. В годы войны были созданы произведения, которые вошли в репертуар многих творческих коллективов и исполняются

до сих пор.

Изложенное приводит к выводу о том, что активная деятельность жителей республики позволила сформировать прочную основу для эффективного восстановления культурной жизни региона в послевоенные годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Под ред. Г.Д. Иргалина и Г.Р. Мухаметдинова. Уфа: «Китап», 1996. 544 с.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 212.
3. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 21. 1941 год /Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. 2011. 512 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/36591/> (дата обращения: 20.03.2021)
4. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 22. 1942 год /Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. 2017. 512 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/57668/> (дата обращения: 22.03.2021)
5. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 23. 1943 год /Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. 2018. 512 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/63920/> (дата обращения: 22.03.2021)
6. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 24. 1944 год /Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. 2019. 512 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/86301/> (дата обращения: 25.03.2021)
7. Свод законов и правовых актов Башкортостана. Т. 25. 1945 год /Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан. 2020. 512 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost/90604/> (дата обращения: 26.03.2021)

*А.С. Щербаков,
к.и.н., доцент кафедры философии,
истории и социального инжиниринга
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(г. Уфа)*

ИЗУЧЕНИЕ МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В БАШКОРТОСТАНЕ: ОБЗОРНЫЙ ОЧЕРК

В Башкортостане во второй половине XX – начале XXI вв. сформировалась известная научная школа этнографии, развернулись крупные этнологические исследования почти всех народов края. К настоящему времени среди народов Башкортостана наиболее целостно и всесторонне изучены в этнографическом отношении башкиры, что вполне закономерно [10, 11, 24, 25, 26, 27, 73, 74, 75, 76, 97, 98, 99]. Этнографическое изучение башкир было начато в середине 1950-х годов и в течение 30 лет оставалось, по сути, единственной темой в региональной этнологии.

Однако, со второй половины 1980-х гг. происходит расширение проблематики этнологических исследований. Это стало возможным в результате демократизации общественной жизни, ослабления и последующего исчезновения идеологического давления на историческую и этнологическую науку, а кроме того – было продиктовано объективными потребностями выработки новой концепции межнациональных отношений в позднем советском, а затем и в новом российском обществе.

Анализ изучения переселенческого движения в Волго-Уральском регионе, формирования его полиэтничного состава, структура расселения этносов определили формирование отдельного направления региональной этнологии: исследование малочисленных народов и малых этнических общностей, проживающих в иноэтничном окружении. Изучение этой темы было начато Р.Г. Кузеевым и В.Я. Бабенко [28, 29, 30, 31]. Р.Г. Кузеев и В.Я. Бабенко определяют малую этническую группу как сравнительно небольшую (до 100 тыс. чел.) этническую общность, живущую в территориальном и хозяйственном отрыве от основного массива материнского этноса, расселенную дисперсно или компактно на определенной территории и находящуюся относительно длительное время в численно превосходящем иноэтничном или полиэтничном окружении.

По инициативе Р.Г. Кузеева в 1990 г. в Уфе была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция по данной тематике под названием «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах». Её основные итоги были обобщены в двухтомном сборнике статей «Этнос и его подразделения» (М., 1992). Итогом работ самого Р.Г. Кузеева стала разработанная развёрнутая система типологии подразделений этноса – этнической таксономии. Он сформулировал понятие «этнографическая группа», определил разновидности этнографических групп (этногенетические, этнословные, этноконфессиональные и др.), уточнил понятие «этническая группа», показал соотношение между собой различных подразделений этноса [32].

Разработка темы подразделений этноса дала своеобразный импульс к изучению конкретных этнических общностей и этнографических групп, проживающих в Башкортостане. Это исторически полиэтничный регион, но свыше 80% населения составляют русские, башкиры и татары. Остальные народы – не многочисленны и представляют собой т.н. «осколки» своих этносов – этнические и этнографические группы.

Одним из первых народов, проживающих на территории Башкортостана и привлечших внимание этнологов в обозначенном ракурсе, стали украинцы. В рассматриваемый период различные сферы материальной культуры и семейного быта украинцев Башкирии были исследованы В.Я. Бабенко [4, 5, 6, 7]. Отдельные стороны духовной культуры украинского населения Башкирии изучались Ф.Г. Ахатовой [1, 2, 3].

Анализ работ, посвящённых этнологическому изучению южноуральских украинцев, показывает, что в центре внимания исследователей оказывались, прежде всего, аспекты традиционной этнографии данной этнической группы. По мнению В.Я. Бабенко, в конце XIX – первой четверти XX вв. в среде украинцев, переселившихся в Башкирию из различных губерний Украины и принесших с собой определенные особенности в материальной и духовной культуре, языке, существенное значение приобретают процессы консолидации. Они проявляются в нивелировке культурно-языковых различий, в преобладании эндогамных браков, оседании в моноэтнических поселениях. Однако, консолидационные процессы среди украинцев не получили глубокого развития. Этому препятствовали:

дисперсное расселение значительной части украинского населения на огромной территории края, непрочность и нестабильность экономических и культурных связей между различными группами украинцев в регионе, ослабевающие связи с родиной – Украиной и, напротив, крепнущие связи с местным населением.

Подобный интерес исследователей, помимо прочего, можно объяснить стремлением уловить исчезающую этнокультурную реальность, поскольку большинство украинцев в Башкирии проживают в городах, темпы урбанизации данной этнической группы достаточно высоки, а особенности городской жизни, как известно, способствуют утрате этнокультурной специфики.

Самым многочисленным народом, проживающим в Башкортостане, являются русские: по переписям населения 1926-2010 гг. их удельный вес в общей массе населения Башкирии составлял в разные годы 36% – 40%. Очевидно, что такое многочисленное население оказывает большое и зачастую определяющее влияние на этнические процессы в регионе. Однако, при этом, в отличие от многих других народов и этнических групп внимание исследователей изначально привлекали в основном отдельные этнографические группы русских: старообрядцы и горнозаводское население.

Этноконфессиональная группа старообрядцев исследована в работах Е.С. Данилко [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Собрав и проанализировав разнообразный полевой материал, ей удалось целостно и вполне исчерпывающе изучить данную самобытную этнографическую группу русского населения. На примере старообрядцев получены новые результаты, представляющие интерес для теории взаимодействия культур. Используются новые подходы к этнографическому материалу, а именно, предпринята попытка характеристики особенностей старообрядческого мировоззрения и восприятия старообрядцами реалий повседневной жизни через призму их религиозно-философских представлений. Впервые применительно к старообрядчеству апробирована методика этнографического изучения православия в народной культуре, разработанная М.М. Громыко в соавторстве с С.В. Кузнецовым и А.В. Бугановым. Подробно описана семейная обрядность старообрядцев Южного Урала. Особенности формирования и функционирования в полиэт-

ничной среде, определившие культурное своеобразие южноуральского старообрядчества, позволяют, по мнению Е.С. Данилко, рассматривать его как географическую группу в составе всего субэтнуса русских староверов.

Историческая этнография русского горнозаводского населения на рубеже XIX – XX вв. нашла своё отражение в работах И.В. Кучумова [33, 34, 35]. Им впервые подробно исследованы: хозяйство, структура поселений и жилищ, традиционное питание, дана характеристика духовной культуры русского горнозаводского населения Южного Урала. Пересмотрены некоторые положения, получившие распространение в советской историографии: о высокой пролетаризации горнозаводского населения, об отсутствии у данной категории населения земледелия и др. Впоследствии И.В. Кучумов расширил исследовательское поле своей деятельности по изучению русского населения края – как в тематическом, так и в хронологическом аспекте [36, 37, 38, 39].

Особенности материальной культуры локальных групп русского населения региона изучены Е.Е. Нечвалодой [47, 48, 49, 50]. Отдельные сюжеты этнических процессов среди русского населения региона рассмотрены А.С. Щербаковым [85, 86, 87, 88].

Помимо башкир из тюркских народов в регионе проживают довольно многочисленные группы татар и чувашей. Татары, согласно переписи 2002 г., являются третьим по численности народом Башкирии (по переписи 1989 г. – были вторыми). Однако, в этнографическом отношении изучены слабо. Тем не менее, уместно упомянуть исследования И.М. Габдрафикова и З.М. Давлетшиной [13, 14]. Комплексного же историко-этнологического изучения татар Башкортостана не проводилось.

В то время Р.И. Якуповым был детально исследован феномен оригинальной этнической общности зачастую относимой к одной из этнографических групп татар. Речь идёт о тептярях. Тептяри – уникальное явление, возникшее на территории Башкортостана в результате особых исторических (и, в частности, социально-политических) условий. В своих работах Р.И. Якупов комплексно исследовал данный феномен, последовательно изучив: этимологию этнонима, историю тептярей как сословия, их численность и этнический состав на разных эта-

пах истории, материальную и духовную культуру, особенности языка и самосознания, описал стадии формирования этничности тептярей и на этом и других подобных примерах выявил факторы и условия генезиса этничности в новое и новейшее время [89, 90, 91, 92, 93, 94, 95].

По мнению Р.И. Якупова, особенностью развития этнополитических союзов-государств (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, Московское государство – Российская империя) является включенность подчиненных этнических единиц в потестарную структуру этноса (или этносов), образующего ядро союза-государства. Во всех случаях прослеживается стремление государствообразующего этноса унифицировать социальную организацию полиэтничного государства в соответствие с собственной потестарной культурой и традициями. Путь к подобной унификации лежит на первом этапе через признание идентичности вошедших в состав объединения этносов и одновременное наделение их разными социальными (сословными) правами. В большинстве случаев это связано с тем, что у этнического ядра государства не хватает экономических, политических, военных ресурсов тотчас установить единую систему социальных отношений. Этносоциальная организация государства на данном этапе усложняется, что приводит к возникновению новых этносословных единиц. Последние, при благоприятном стечении обстоятельств, имеют потенцию стать новыми этническими образованиями. Иногда этот процесс занимает длительный период и завершается в рамках другого союза.

Предложенная Р.И. Якуповым схема возможных путей формирования этничности еще потребует новых подтверждений. Но в ней совершенно несомненно, что социально-политические события приводят, в ряде случаев, к серьёзной ломке или разрыву этнокультурных традиций и созданию предпосылок для возникновения новых этнических единиц, постепенному развитию в их культуре, языке и самосознании признаков этнографических групп либо самостоятельных этнических общностей.

Исследования Р.И. Якупова ценны еще и тем, что явились образцом проведения целостного историко-этнологического исследования какой-либо этнической общности, сочетающим в себе как методы традиционной этнографии, так сравнительно новые количественные методики, и теоретическое обобщение.

По численности четвертое место среди народов региона занимают чуваши (107,4 тыс. чел. – по переписи 2010 г.) компактно проживая в ряде сельских районов запада и юго-запада Башкортостана. По сравнению с татарами чувашское население региона многократно становилось объектом устойчивого интереса со стороны этнологов. Так, изучение этнических процессов среди чувашей в 1980 – 1990-е гг. стало предметом исследований И.Г. Петрова [52, 53, 54, 55, 56, 57, 58].

Исследуя заявленную тему И.Г. Петров активно применял методы статистической этнографии разработанные и предложенные в своё время В.В. Пименовым. Его работы представляют собой первый опыт статистико-этнографического исследования культурно-бытовых процессов среди приуральских чувашей. В результате исследования установлено, что в настоящее время чувашаи Башкортостана представляют собой своеобразную региональную общность материнского этноса, распределяющуюся несколькими компактными группами на всей территории Башкирии. В обозримой перспективе развитие приуральских чувашей, очевидно, будет продолжаться по отдельным территориально-этническим группам, в совокупности образующими единую, но еще недостаточно интегрированную этническую группу. Исследование позволило определить приверженность чувашей как к традиционным (этническим) культурным ценностям, так и к новым формам приобретенной региональной и унифицировано-индустриальной культуры. В дальнейшем И.Г. Петров обратился к изучению ритуально-символических функций традиционной одежды [59, 60, 61, 62, 63, 64].

Одной из характерных особенностей этнологического изучения народов Башкирии является довольно большое количество научных публикаций посвященных региональным финно-уграм (поволжским финнам). Финно-угорские народы края представлены марийцами, мордвой и удмуртами.

Марийцы Башкортостана относительно многочисленны (около 103 тыс. чел. – по переписи 2010 г.) и этнографически своеобразны – они составляют отдельную этнографическую группу в этнической структуре своего народа. Учитывая ареал проживания по отношению к традиционной этнической территории, эта группа получила название: восточные марийцы. Особенностью этнологического изучения восточных марийцев также, как и ряда других народов региона является отсутствие монографических исследований по данной тематике.

Можно также сказать, что в Башкирии нет и исследователей-этнографов, целиком специализировавшихся по изучению национальных процессов в этой довольно оригинальной этнографической группе. В то же время различные сферы материальной и духовной культуры, а также межэтнические связи восточных марийцев нашли своё отражение в работах этнологов Башкортостана. Кроме того, специалистами по социально-экономической истории исследовано положение и статус марийского крестьянства Приуралья и Прикамья на рубеже XIX – XX вв. [9, 22, 23, 51, 80, 96].

Особенностью этнологического изучения восточных марийцев является исследование их специалистами по Отечественной истории, а также этнологами, чья основная исследовательская деятельность посвящена изучению других народов или особых этнографических сюжетов.

Совершенно по-иному складывалось этнографическое изучение удмуртов Башкортостана. Удмуртское население региона не многочисленно (21,4 тыс. чел. – по переписи 2010 г.) и компактно проживает в ряде районов северо-запада Башкирии. Как и марийцы, удмурты Башкортостана до сих пор слабо урбанизированы и в подавляющем большинстве проживают в сельской местности, составляя особую этнографическую группу этого народа. В этнографической литературе она получила название: закамские удмурты (по отношению к основной массе удмуртского народа, проживающего в Прикамье). Этнографическое изучение удмуртов региона началось с конца 1980-х гг. Из этнологов Башкирии впервые к этой теме обратилась Т.Г. Миннихметова [40, 41, 42, 43, 44, 45]. А с конца 1990-х гг. этнография закамских удмуртов стала объектом научных интересов Р.Р. Садикова [65, 66, 67, 68].

Собрав богатый полевой материал, Т.Г. Миннихметова и Р.Р. Садиков подробно изучили традиционную культуру закамских удмуртов, особенности их религиозных верований, историю формирования основных ареалов расселения удмуртского населения региона. Необходимо отметить, что к изучению закамских удмуртов обращались и ученые из Ижевска (Л.Г. Христолюбова). Можно отметить, что удмуртское население Башкирии изучено целостно и всесторонне, причём его изучение продолжается [69, 70, 71, 72, 73, 74].

Еще одним финно-угорским народом, проживающим в Башкирии является мордва. Мордовское население, как и удмурты – не многочисленно (20,3 тыс. чел. – по переписи 2010 г.) и, в отличие от других финно-угорских этносов, расселено дисперсно и не компактно. Кроме того, мордва Башкортостана – один из самых высокоурбанизированных этнических общностей региона (на втором месте, после русских). При этом, она не составляет особой этнографической группы. По отношению к мордовскому населению региона применяется термин «этнотерриториальная группа».

Этнографическое изучение мордвы имеет свои особенности. В 1990-е годы по этой теме была опубликована брошюра М.В. Мурзабулатова [46]. В этой работе содержалось краткое этнодемографическое описание данной этнотерриториальной группы, а также перечень возможных направлений её этнологического исследования. Комплексное же историко-этнологическое изучение мордовского населения региона было проведено А.С. Щербаковым [81, 82, 83, 84]. Им осуществлена целостная реконструкция процесса формирования этнотерриториальной группы мордвы Башкирского Приуралья; введен в научный оборот широкий круг новых источников, среди которых: неопубликованные материалы статистики народонаселения XIX и XX вв., а также данные полевых исследований, основанных на синтезе методов традиционной этнографии и этносоциологии; проведено комплексное исследование современного этнокультурного состояния мордовского населения в полиэтничной среде Приуралья; изучена специфика функционирования и тенденций развития традиционных элементов культуры в зависимости от этнической среды, демосоциальных и культурных факторов.

В начале XXI века новым направлением в изучении этнических общностей региона стало исследование диаспор и диаспоральных групп иностранных мигрантов [12, 75]. Кроме изучения отдельных народов и этнических групп, этнологами Башкортостана на рубеже XX – XXI вв. был подготовлен и издан обобщающий коллективный труд об основных этнических общностях, проживающих в Башкирии: Народы Башкортостана. Историко-этнографические очерки. (Уфа: Гилем, 2002). Руководителем авторского коллектива и главным редактором издания выступил Р.Г. Кузеев, который во Введении изложил комплексную реконструкцию этнической истории Евразии с древнейших времен до Нового времени.

Разделы по отдельным народам были написаны Н.В. Бикбулатовым, Р.И. Якуповым, И.Г. Петровым, В.Я. Бабенко, С.Н. Шитовой, М.В. Мурзабулатовым, Т.Г. Миннихметовой, И.М. Габдрафиковым, С.А. Ковязиным, Э.А. Шкурко.

Общий характер издания был описательным научно-справочным, одни разделы (башкиры, украинцы, чувашаи) представляли собой определенные рубежные итоги изучения данных народов, другие (мордва, русские) содержали в себе постановку проблем для возможных будущих исследований.

Подводя итоги анализу развития этнологических исследований в регионе можно отметить следующее. Во второй половине XX в. в Башкортостане были развернуты исследования этнической истории, языка, материальной и духовной культуры почти всех народов края. Были проведены исследования, посвященные башкирам, а также чувашам, тептярям, этнографическим группам русских, украинцам, мордве, удмуртам, диаспоральным группам иностранных мигрантов. Учеными-этнографами Башкортостана реконструированы этногенетические процессы в рамках всего Урало-Поволжья – Волго-Уральской ИЭО, предложено понимание этноса как динамичной системы – процесса, выделены факторы и условия генезиса этничности в новейшее время, исследовались современные этнические процессы.

Направления и методика исследования малых этнических общностей и этнотерриториальных групп позволяет говорить о формировании в Башкирии региональной научной школы, которая, к тому в 1990-е годы оформилась институционально: в рамках Уфимского научного центра РАН был создан Центр этнологических исследований, получивший ныне статус академического института в составе Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахатова Ф.Г. О межэтнических контактах украинцев Волго-Уральской историко-этнографической области в XVI – XVIII вв. по данным песенного фольклора // Башкортостан в XVI – XVIII вв. Уфа, 1996. С. 13 – 14.
2. Ахатова Ф.Г. Некоторые особенности бытования украинского песенного фольклора в Башкирии // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 2. С. 4 – 11.
3. Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с.
4. Бабенко В.Я. Некоторые традиционные и современные черты системы питания

- украинцев Башкирии: (К вопросу о поведении малых этнических групп) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С. 55 – 65.
5. Бабенко В.Я. Пища украинского населения Башкирии // Советская этнография. 1989. № 2. С. 94 – 104.
 6. Бабенко В.Я. Семья и семейный быт украинцев Башкирской АССР. Уфа, 1990. 44 с.
 7. Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской АССР: История. Этнография. Уфа, 1990. 65 с.
 8. Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. 259 с.
 9. Бабенко В.Я., Гимаев Р.Н., Ковязин С.А. Семейные праздники и обряды маришцев Башкирской. Уфа, 1990. 46 с.
 10. Бикбулатов Н.В. Башкирский аул. Уфа, 1969. 214 с.
 11. Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с.
 12. Валеев А.В. Вьетнамская диаспора в Республике Башкортостан: Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 2008.
 13. Габдрафиков И.М. Хозяйственная жизнь и социально-культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо-западного Башкортостана). Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 1995.
 14. Давлетшина З.М. Татарское население Башкортостана: этнодемографическое исследование. Уфа: Гилем, 2001. 201 с.
 15. Данилко Е.С. Старообрядчество Южного Урала: историографический аспект проблемы // Культурное наследие славянских народов Башкортостана. Уфа, 1996. Ч. 1. С. 32 – 34.
 16. Данилко Е.С. Обряды жизненного цикла у староверов Башкирии (по материалам полевых исследований) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1997. С. 156 – 169.
 17. Данилко Е.С. Семейная обрядность староверов Башкирии // Башкирский край. Уфа, 1997. Вып. 7. С. 58 – 69.
 18. Данилко Е.С. Русское старообрядческое население в Башкирии // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998. Ч. 1. С. 38 – 41.
 19. Данилко Е.С. Экспедиции к южноуральским старообрядцам // Живая старина. М., 2001. № 4. С. 41 – 44;
 20. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002. 218 с.

21. Данилко Е.С. Ранняя история старообрядчества на Южном Урале: особенности распространения и субконфессиональный состав // Вестник Башкирского государственного университета. 2006. № 3. С. 120 – 124.
22. Ибулаев Г.И. Русский язык, культура и марийцы Башкортостана // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Уфа, 28 ноября 2003 г. Уфа, 2003. С. 123 – 125.
23. Исанбаев Н.И. Межэтнические связи восточных марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1988. Вып. 14. С. 87 – 98.
24. Киекбаев М.Дж. Башкиры в городах Башкортостана (опыт историко-этнологического и социологического исследования). Уфа, 1998. 212 с.
25. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957. 184 с.
26. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. 2-е изд. Уфа: ДизанПолиграфСервис, 2010. 560 с.
27. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. 2-е изд. Уфа: Китап, 2009. 291 с.
28. Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития: (По материалам СССР) // Советская этнография. М., 1985. № 4. С. 13 – 22.
29. Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР: Препринт доклада. Уфа, 1989. 26 с.
30. Кузеев Р.Г. Введение: о роли подразделений этноса в этнических процессах // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 3 – 15.
31. Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 17 – 37.
32. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
33. Кучумов И.В. Адаптация русского горнозаводского населения к экосистеме Южного Урала // Культурное наследие славянских народов Башкортостана. Уфа, 1996. Т. 1. С. 39 – 41.
34. Кучумов И.В. Этнография русского горнозаводского населения Южного Урала // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа, 1997. С. 48 – 54.
35. Кучумов И.В. Русское горнозаводское население Южного Урала XIX – начала XX вв. Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 1997.
36. Кучумов И.В. Этнодемографическое развитие русского населения в полиэт-

- ничном регионе в XX в. (на примере Республики Башкортостан). Уфа: «Первая типография», 2016. 80 с.
37. Кучумов И.В., Абрамова С.Р. Численность и расселение русского населения в Башкортостане на рубеже XX – XXI вв. // Вестник ВЭГУ. 2018. № 3 (95). С. 180 – 187.
 38. Кучумов И.В., Абрамова С.Р. Русские в Башкортостане в XIX в.: демографический анализ. Уфа: Первая типография, 2018. 116 с.
 39. Кучумов И.В., Галлямов Р.Р. Русское население Башкортостана: демографические и этноязыковые процессы во второй половине XIX – начале XXI вв. // Вестник БИСТ. 2020. № 9 (49). С. 99 – 108.
 40. Миннихметова Т.Г. Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 128 – 139.
 41. Миннихметова Т.Г., Христолюбова Л.С., Тимирзянова Р.Г. Свадебные обряды удмуртов Башкирии // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 85 – 119.
 42. Миннихметова Т.Г. Христолюбова Л.С. К изучению удмуртов Башкирии // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 2. С. 138 – 148.
 43. Миннихметова Т.Г., Садиков Р.Р. Иноконфессиональный островок или духовный мир закамских удмуртов // Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Саратов, 1999. С. 58 – 62.
 44. Миннихметова Т.Г. Календарные обряды закамских удмуртов / УрО РАН. ИИЯЛ. Ижевск, 2000. 167 с.
 45. Миннихметова Т.Г. О современном состоянии священных мест закамских удмуртов // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 125 – 134.
 46. Мурзабулатов М.В. Мордовское население Башкортостана: исследования и материалы. Уфа, 1995. 61 с.
 47. Нечвалода Е.Е. Материалы по одежде русского населения Мечетлинского района Республики Башкортостан первой половины XX в. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 402 – 403.
 48. Нечвалода Е.Е. Традиционная материальная культура русского населения северо-восточных районов Башкортостана. М.: Старый сад, 2016. 299 с.
 49. Нечвалода Е.Е. Традиционная одежда русских Белокатайского района РБ в

конце XIX – начале XX вв. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2017. № 3 (87). С. 54 – 62.

50. Нечвалода Е.Е., Шангина И.И. и др. Русские Южного Урала. Традиционная культура XIX – XX вв. СПб., 2018. 350 с.
51. Никонорова Е.Е. Одежда уральских марийцев в собрании Музея археологии и этнографии (г. Уфа) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 189 – 199.
52. Петров И.Г. Чуваши в Башкортостане: численность и расселение // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 85 – 89.
53. Петров И.Г. Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей // Чуваши Приуралья: Культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 19 – 25.
54. Петров И.Г. Особенности проявления этнического самосознания у приуральских чувашей // Башкирский край и его народы. Уфа, 1990. С. 11 – 14.
55. Петров И.Г. Чуваши Башкирского Приуралья: Характеристика современных этноязыковых процессов // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа, 1991. С. 185 – 188.
56. Петров И.Г. Опят количественного анализа этнокультурных процессов в материальной культуре приуральских чувашей // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 2. С. 106 – 120.
57. Петров И.Г. Сельское чувашское население Башкирского Приуралья: современные этнокультурные процессы. Диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 1993.
58. Петров И.Г. Чуваши Башкортостана: Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры. Уфа, 1994. 68 с.
59. Петров И.Г. К проблеме изучения знаковой функции одежды народов Волго-Уральского региона в обрядах и обычаях жизненного цикла // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 153 – 157.
60. Петров И.Г. Половозрастные признаки и их отражение в традиционных женских рубахах чувашей // Этнос. Общество. Цивилизация. Уфа, 2006. С. 129 – 132.
61. Петров И.Г. Одежда чувашей Урало-Поволжья в обрядах жизненного цикла. Историография проблемы. / ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2007. 136 с.
62. Петров И.Г. Знаково-символические функции одежды и предметов быта в свадебной обрядности чувашей Урало-Поволжья // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С 145 – 162.
63. Петров И.Г. Одежда в семейных обрядах чувашей (XIX – начало XX вв). Уфа: «Башкирская энциклопедия, 2018. 296 с.

64. Петров И.Г. Одежда покойника в контексте поминально-похоронных обрядов чувашей // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4. С. 86 – 99.
65. Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов // II Международный конгресс этнографов и антропологов России. Резюме докладов и сообщений. Уфа, 1997. Ч. II. С. 57.
66. Садиков Р.Р. Обряды связанные со строительством жилища у закамских удмуртов // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 324.
67. Садиков Р.Р. Строительная жертва «гулбеч така» у закамских удмуртов // Финно-угроведение. 1999. №№ 2 – 3. С. 136 – 138.
68. Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов: (Материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001. 180 с.
69. Садиков Р.Р. Духи – покровители жилища у закамских удмуртов // Финно-угроведение. 2002. № 1. С. 121 – 128.
70. Садиков Р.Р. Святилище куала у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. – С. 45 – 51.
71. Садиков Р.Р. Красноуфимские удмурты: этнодемографическая и этнокультурная характеристика // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2003. С. 261 – 264.
72. Садиков Р.Р. Святилища закамских удмуртов: Общая характеристика и типология // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 119 – 124.
73. Садиков Р.Р. Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 2. С. 116 – 126.
74. Садиков Р.Р. Традиционные верования закамских удмуртов (история и современность). Уфа: «Первая типография», 2019. 330 с.
75. Хуснутдинова Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан: 1992 – 2007 гг.: диссертация ... канд. ист. наук. Уфа, 2008.
76. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М.: Наука, 1984. 252 с.
77. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 248 с.
78. Шитова С.Н. Башкирское народное искусство. Уфа: Демиург, 2002. 357 с.
79. Шитова С.Н. История архитектурного декора башкирских аулов. Уфа: Гилем, 2004. 218 с.
80. Шитова С., Ибулаев Г. Марийцы // Ватандаш. Уфа, 1999. № 11. С. 161 – 182.

81. Щербаков А.С. Мордовское население Башкортостана: Очерк современных этнических процессов. Уфа: «Восточный университет», 2005. 218 с.
82. Щербаков А.С. История формирования этнотерриториальной группы мордвы Башкирского Приуралья // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии: сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 198 – 227.
83. Щербаков А.С. Мордва Башкирского Приуралья: ист.-этнол. очерки: монография / под ред. В. А. Юрчёнкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2016. 280 с.
84. Щербаков А.С. Этнодемографическое развитие мордовского населения Башкортостана в XX в. // Этнографическое обозрение. 2010, № 5. С. 151 – 169.
85. Щербаков А.С. О некоторых тенденциях развития современной этнической культуры русского городского населения Башкортостана // Вестник ВЭГУ. 2011, № 6 (56). С. 104 – 108.
86. Щербаков А.С. Этнонациональное движение русского населения Башкортостана на рубеже XX – XXI веков: основные этапы развития // Научные ведомости Белгородского университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. Т. 19. № 13 (108). С. 201 – 206.
87. Щербаков А.С. Особенности этнической идентичности русского населения Башкортостана и некоторые тенденции её трансформации // Научные ведомости Белгородского университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. Т. 20. № 19 (114). Выпуск 20. С. 251 – 256.
88. Щербаков А.С. Некоторые особенности и тенденции этнических предпочтений и ориентаций русской молодежи в Башкортостане: количественный анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Т. 24. № 19 (138). С. 178 – 182.
89. Якупов Р.И. Тептяри: сословие или этнос? // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 2. С. 165 – 170.
90. Якупов Р.И. Тептяри: к историографии вопроса // Проблемы взаимодействия и единства национальных культур. Тезисы докладов международной научной конференции. Астрахань, 1995. С. 34 – 37.
91. Якупов Р.И. Ещё раз о названии тептяри // Summaria acroasium in sectionibus et symposium factarum. Jyvaskyla, 1996. Pars. VI. P. 113 – 118.
92. Якупов Р.И. Тептяри: Этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа: Гилем, 1998. 118 с.

93. Якупов Р.И. Что такое тептяри? (к вопросу идентификации) // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа: Гилем, 1999. С. 69 – 88.
94. Якупов Р.И. Тептяри: Историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М.: Старый сад, 2001. 270 с.
95. Якупов Р.И. Новые этносы и проблемы их идентификации: опыт исторической реконструкции и осмысления // Расы и народы. М., 2003. Вып. 29. С. 235 – 260.
96. Ялаева Р.К. Формирование экологической и нравственно-этнической культуры на основе возрождения табу (ойро) у марийцев Республики Башкортостан // Этнос. Общество. Цивилизация. Уфа, 2006. С. 207 – 209.
97. Янгузин Р.З. Традиционный хозяйственный уклад башкир прошлого столетия (до 60-гг.). Уфа, 1979. 48 с.
98. Янгузин Р.З. Социальная структура башкирского общества в XVIII – XIX вв. Уфа, 1987. 236 с.
99. Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. 190 с.

Маленький Марат Янборисов. Город Красноярск, 1953 год

На отдыхе с семьей в Сочи, 1964 год

Старший лейтенант Янборисов М.Х.
Служба в Советской Армии, 1973-1975 гг.

В Германской демократической республике – руководитель
студенческого строительного отряда БГПИ.
Рядом - певец и композитор Константин Тарасов, 1977 г.

С долгожданным сыном Тимуром. Август 1999 года

Весна 2001 года, на прогулке

Подарок Тимуру по случаю окончания первого класса. Весна 2007 года

На отдыхе (озеро Талкас), 2012 год

Первое сентября 2017 года,
профессор и студент опаздывают к первой паре

Перед выходом на рыбалку. Лето 2018 года

Кто выше? Лето 2019 года. На отдыхе

Январь 2019 года, новогодние каникулы. В Молодежном театре

Семейное фото. Январь 2020 года

С друзьями и коллегами. Конец 1990-х

Дружный коллектив

Аллея профессоров университета, 2007 год

Первое сентября 2013 года. С другом и коллегой
Мананновым Маратом Арыслановичем

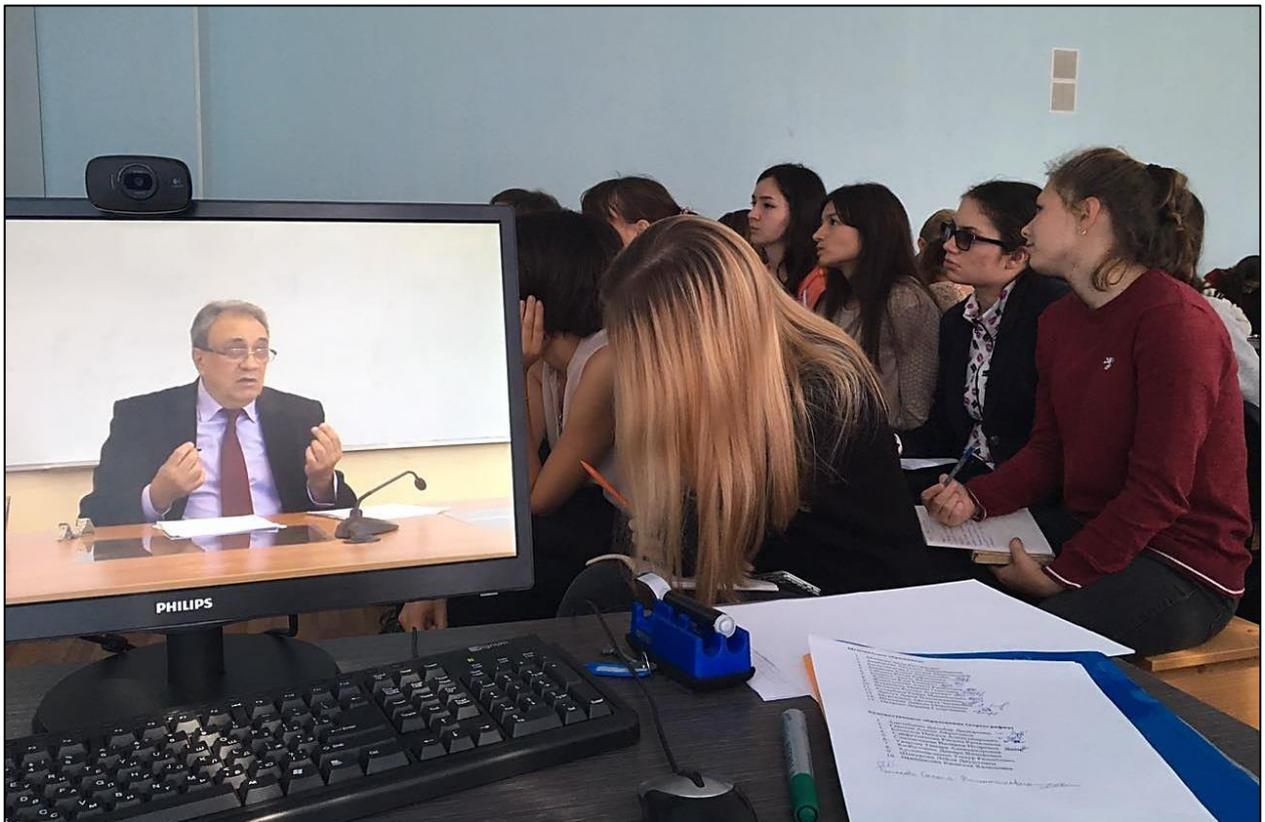
Коллектив кафедры Отечественной истории, 2013 год

На открытии Фестиваля военной истории
«Герои былых времен», 2016 год

День знаний в БГПУ, 2017 год

Первая в университете онлайн лекция.
14 сентября 2017 года

С коллегой, профессором Кудиновой Г.Ф. на Дне студента, 2017 год

С коллегой, профессором Ямаловым М.Б., 2017 год

Уроки мужества. Весна 2018 года

День открытых дверей БГПУ, 2018 год

С коллегой профессором Сытиной Н.С.

Вручение дипломов выпускникам Исторического факультета, 2019 год

В мультимедийном парке
«Россия – моя история», 2020 год

50-летие Исторического факультета

Всегда со студентами!

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ И РОДНЫХ О ПРОФЕССОРЕ М.Х. ЯНБОРИСОВЕ

*А.И. Акманов,
д.и.н., профессор, вице-президент
Академии наук Республики Башкортостан
(г. Уфа)*

ОБРАЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОФЕССОР МАРАТ ХАБИБОВИЧ ЯНБОРИСОВ

Наше общение с профессором Маратом Хабибовичем Янборисовым происходило на заседаниях Диссертационного совета по Отечественной истории при Башкирском государственном университете. С первого момента знакомства он производил впечатление очень вдумчивого и серьезного человека. Данная характеристика подтвердилась при обсуждении диссертаций аспирантов, докторантов, соискателей.

М.Х. Янборисов был наставником и экспертом по ряду диссертаций. Под его руководством на заседаниях нашего Диссертационного совета были успешно защищены две диссертации. В частности, аспирант Т.Р. Хакимов подготовил исследование по истории становления и развития авиамоторостроительного комплекса на территории Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Характеризуя данную диссертацию, М.Х. Янборисов подчеркивал новизну и творческий подход его аспиранта при изложении темы. Он обратил внимание на большой вклад персонала авиамоторостроительного комплекса на территории БАССР в период Великой Отечественной войны для обеспечения двигателями советской авиации. Так, за годы войны завод стал одним из ведущих моторостроительных заводов страны и обеспечил выпуск авиадвигателей для большей части самолетов-истребителей, выпущенных на территории СССР.

В этом исследовании, по мнению М.Х. Янборисова, был представлен ряд архивных источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот. В ходе работы над диссертацией были изучены фонды как центрального, так и регионального архивов, которые позволили раскрыть драматические аспекты советской истории в контексте укрепления оборонной промышленности страны.

При разработке темы были использованы массовые источники относительно производственного потенциала, материалы периодической печати центральных и республиканских изданий, а также воспоминания участников изучаемых событий.

Другой аспирант Марата Хабибовича Таипов Р.Р. представил не менее интересную диссертацию, посвященную региональному уровню сотрудничества СССР и ГДР на примере Башкирской АССР и Округа Галле (ГДР) в 1964-1989 гг. В своем отзыве на данную диссертацию профессор М.Х. Янборисов обратил внимание на актуальность изучения проблемы регионального взаимодействия СССР и ГДР, где в качестве примера анализировались административно-территориальные образования вышеуказанных стран – это БАССР и округ Галле. Важная особенность заключалась в том, что через региональный аспект сотрудничества на местах практически реализовывались идеи высшего партийного и государственного руководства двух государств. К сожалению, именно этот уровень сотрудничества был и остается наименее изученным в отечественной историографии. Именно в регионах сотрудничество приобретало «человеческое измерение», преодолевался стереотип врагов, возникший после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В отношениях между народами СССР и ГДР, по мнению профессора М.Х. Янборисова, провозглашался принцип интернационального братства, устанавливались связи между отдельными коллективами, организациями и индивидуумами. В данной работе соискатель проанализировал достаточно широкий спектр разнообразных архивных и опубликованных источников, исторической литературы. Все это позволило раскрыть реальные выгоды от экономического сотрудничества государств на примере БАССР и округа Галле (ГДР), показать влияние партийно-государственных, культурных контактов для конструктивного взаимодействия народов двух стран, обозначить роль общественных организаций, граждан БАССР и округа Галле (ГДР) в процессе сотрудничества.

По итогам обсуждений и голосований на заседаниях диссовета работы его аспирантов были успешно защищены, а затем утверждены Высшим аттестацион-

ным комитетом РФ. Подготовка и выпуск аспирантов показали способность профессора М.Х. Янборисова быть успешным научным руководителем.

Широкий кругозор и знание основных событий мировой истории, истории России обусловили участие Марата Хабибовича в качестве объективного оппонента по кандидатским и докторским исследованиям, которые обсуждались на нашем диссертационном совете. Его квалифицированные суждения были представлены при рассмотрении докторской диссертации по истории башкирского общественно-политического движения периода гражданской войны, где он обратил внимание на формирование новой культуры народа в переломный период развития страны и региона.

Надо отметить, что М.Х. Янборисов являлся оппонентом диссертаций, посвященных эпохе испытаний нашей страны, в частности по истории социально-политического развития юго-восточного Башкортостана в 1917-1922 гг., социальной политике Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., жизнедеятельности генерала И.А. Ласкина.

Кроме этого, профессор Янборисов анализировал также исследования, связанные с комплексной оценкой социально-экономической и политической истории досоветской России. Так, он выступил в роли оппонента по работам, посвященным функционированию сибирских укрепленных линий XVIII в., регулированию аграрного вопроса и положению населения Башкортостана в начале XX века. Отдельный сюжет его выступлений был связан с оценкой исследований по истории художественной культуры нашего региона, народного музыкального творчества в Башкирской АССР, развития искусства Башкортостана, общеобразовательных городских учебных заведений в советское время.

Кроме того, Марат Хабибович выступил при рассмотрении содержания ряда диссертаций, посвященных современности. Это политическая история Республики Башкортостан в конце XX – начале XXI вв., молодежные общественные объединения РБ в 1999-2010 гг., история информатизации отечественной системы образования во второй половине XIX – начале XX вв.

Таким образом, из защищенных с 1991 года на нашем диссертационном

совете 168 исследований важный вклад в их презентацию внес доктор исторических наук М.Х. Янборисов, который всегда объективно оценивал труды соискателей научных степеней.

Следует отметить, что в ходе общения с Маратом Хабибовичем всегда было понятно, что он предан преподавательской работе, стремится улучшить возможности членов своей кафедры для подъема образовательного процесса и дальнейшего продвижения научных исследований в БГПУ им. М.Акмуллы.

Будучи заведующим кафедрой Отечественной истории БГПУ им. М.Акмуллы, он принимал участие в исследовании истории культурного строительства в Башкирской АССР, являлся автором ряда книг и многих научных публикаций.

Трудно представить, что Марат Хабибович Янборисов ушел из нашего мира. Активный, творчески и глубоко мыслящий ученый, известный педагог высшей школы Башкортостана – вот каким мы помним профессора М.Х. Янборисова.

*А.Н. Алдашов,
к.и.н., доцент кафедры
Всеобщей истории и культурного наследия
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

МАРАТ ХАБИБОВИЧ ЯНБОРИСОВ: КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Никогда не думал, что так трудно писать воспоминания. У меня это первый раз в жизни. Но, действительно, вспоминать о таком человеке, как Марат Хабибович Янборисов, наверное, вдвойне труднее, потому что я с ним работал, может быть и меньше, чем кто-то ещё, но какое-то время мы очень часто общались и хорошо сотрудничали.

С Маратом Хабибовичем я познакомился в начале 2000-х годов.

В 2010 году с назначением меня на должность заместителя директора по учебной работе Института (тогда ещё) исторического и правового образования, мы с ним стали работать достаточно плотно. За два года до этого я вернулся из нефтяного университета и снова оказался в этой должности, а Марат Хабибович

стал заведующим кафедрой Отечественной истории после её объединения с межфакультетской кафедрой.

Полагаю, что, наверное, заместитель директора по учебной работе для заведующего кафедрой не самый приятный человек. Это и понятно в силу целого ряда обстоятельств. Дело в том, что учебный процесс необходимо постоянно организовывать и контролировать. А заведующий кафедрой не всегда бывает согласен с результатами этой работы, что тоже накладывает свой отпечаток на обычные человеческие отношения. Но могу точно сказать о том, что Марат Хабибович когда-либо, даже если и возражал, то делал это в очень тактичной форме. Мы с ним всегда находили общий язык, казалось бы, по самым щепетильным вопросам, например таким, которые касались отчисления студентов, либо проведения комиссии по этому отчислению, либо согласования каких-либо дат по госэкзамену и так далее. Марату Хабибовичу было очень трудно, так как его кафедра была не только выпускающей. Она оставалась межфакультетской, и в этой ситуации нужно было и за другие факультеты отвечать, а также осваивать совершенно новое, чем ранее Марат Хабибович не занимался – это выпуск. Но он с этой задачей успешно справлялся и, между прочим, никогда не считал зазорным посоветоваться с заместителем директора по учебной работе (с директором – само собой). Кстати, в ряде случаев, он мог что-то подсказать, и его суждения направляли руководство Института в нужное русло и ограждали от ошибочных решений.

Очень трудно говорить, что Марат Хабибович БЫЛ, но он останется в моей памяти очень хорошим Человеком и настоящим заведующим. Автор этих строк, работая вместе с ним, очень многому научился. Думается, что многому научились и преподаватели той кафедры, которую он возглавлял с 2009 года.

Надо сказать, что друзьями мы с ним не были, нас связывали чисто служебные взаимоотношения. Для студентов и преподавателей кафедры он всегда умел найти нужные слова для решения той или иной проблемы.

Может быть, я что-то упустил из виду, но память человеческая удивительна. Сейчас, строго говоря, уже сложно вспомнить какие-то детали, которые

придали бы моим словам яркость и неординарность. В целом наши взаимоотношения были очень ровными, тактичными и хорошими. По научной работе мы близко не соприкасались, он занимался вопросами, связанными с историей Великой Отечественной войны, а я – историей политических партий России первой четверти XX века.

В завершении этой статьи хотелось бы отметить, что, наверное, я ему очень многим обязан в плане своего профессионального роста и в плане того, как нужно вести себя с людьми. Марат Хабибович был таким человеком, у которого всегда было чему поучиться как его студентам, так и коллегам. Сейчас особенно сильно ощущается то, что не стало хватать его советов или даже позитивных и успокаивающих слов в наше очень непростое время.

*Р.З. Алмаев,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

ОН ГОРДИЛСЯ СВОЕЙ КАФЕДРОЙ (ПАМЯТИ М.Х. ЯНБОРИСОВА)

Это жестоко, но у жизни всегда есть финиш. Весть о смерти Марата Хабибовича Янборисова в первый январский день 2021 года глубоко потрясла всех нас, его коллег и друзей. Каждый раз невольно вздрагиваешь, когда заходишь в его кабинет, а по спине пробегает неприятный холодок. Невозможно описать все пережитое вместе, длинные беседы, планы на будущее. Трудно себе представить, но обычная хлопотливая, суетливая жизнь Акмуллинского университета идет уже без нашего шефа. И нельзя теперь с ним посоветоваться, что-то спросить, получить поддержку. Но все равно мне иногда кажется, что он придет как обычно после занятий на своем любимом физмате, зайдет на кафедру и спросит: «Как дела Рустам Закирович?». А, далее прозвучит традиционное: «Ничего, ничего, будем царапаться...».

Первое наше знакомство состоялось в феврале 1999 года. Профессор Янбо-

рисов выступил на защите моей кандидатской диссертации, посвященной состоянию школьного образования республики в сложные для страны 30-е годы XX века, в Диссертационном Совете Башкирского государственного университета. Потеря моего научного руководителя профессора Рустема Гумеровича Кузеева, он умер 23 марта 1998 года, заставляла меня волноваться. Именно М.Х. Янборисов, известный специалист в области истории культуры Башкирской АССР предвоенных десятилетий, принял активное участие в дискуссии по моей диссертации. Короткое, но четко аргументированное выступление профессора, во многом определило итоги голосования по диссертации. Все проголосовали «За». Для себя я сразу отметил высокую эрудицию ученого. Чувствовалась «столичная историческая школа». Безусловно, годы в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (после 1990 г. Московский педагогический государственный университет), стали яркой вехой в его биографии. Защиты кандидатской и докторской диссертаций в МГПУ им. В.И. Ленина, определили дальнейшую научную и педагогическую судьбу, успешность Марата Хабибовича Янборисова в его дальнейшей деятельности.

Он лестно отзывался о годах, проведенных в стенах Московского государственного педагогического университета. Особенно тепло и часто вспоминал известного российского ученого-историка, профессора Александра Анатольевича Данилова.

После защиты моей кандидатской диссертации мы редко встречались на протяжении нескольких лет. Марат Хабибович же успешно возглавлял межфакультетскую кафедру истории и экономической теории.

В 2009 году волею судьбы М.Х. Янборисов стал заведовать объединенной кафедрой Отечественной истории. В нулевые годы XXI века в высших учебных заведениях страны начинается процесс объединения, укрупнения кафедр. Не стал исключением и наш вуз. Руководством БГПУ принимается решение о вливании преподавателей реорганизуемой межфаковской кафедры, в соответствии с читаемыми ими курсами, на профильные кафедры нашего университета.

В итоге я проработал с Маратом Хабибовичем на одной кафедре и под его руководством одиннадцать последних лет. Хотелось бы рассказать о нем не столько как об ученом крупного масштаба, а как об энергичном, талантливом руководителе и просто как о человеке, чтобы в фокусе отразился человеческий характер. Но нарисовать полноценный портрет гораздо сложнее, чем собрать «пазл» из полутора тысяч фрагментов.

Работа в Институте исторического и правового образования (с 2020 г. Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования) имела свои особенности и большие различия с межфакультетской кафедрой. Янборисову приходилось ломать сложившийся стереотип, ставивший во главу угла преподавательскую деятельность. Впрочем, ему довольно быстро удалось вписаться в налаженный стиль жизни кафедры Отечественной истории. Он продемонстрировал широту подходов к ее дальнейшему развитию. Впечатляли его научные и общественные связи в республике, характерная ему от природы особая самобытность, ориентированность на собственное видение реальности в решении рабочих вопросов, твердость в принятии этих решений.

В тех случаях, когда приходилось решать сложные проблемы с малознакомыми людьми или инстанциями, он набирал номер телефона и с не вызывающей отказа интонацией говорил: «Вы знаете, моя фамилия Янборисов, и я вот по какому вопросу...». И такая манера ведения разговора сразу настраивала собеседника на деловой лад и быстрое решение вопроса.

М.Х. Янборисова мы всегда видели активным, искрящимся мыслью. Он сам показывал пример того, что современный преподаватель вуза может успевать во многих областях: публиковаться в ведущих рецензируемых отечественных и зарубежных журналах, разрабатывать концепцию патриотического воспитания, возглавлять научно-образовательную лабораторию, проводить крупные методические семинары и т.д.

Марат Хабибович проявил себя умелым руководителем. Он требовал от членов кафедры полной самоотдачи, ценил проявление инициативы, поощряя словом и делом за добросовестную работу. Во многом благодаря его требовательности к

подбору кадров и стратегическому мышлению, все преподаватели кафедры имели ученые степени докторов и кандидатов наук. Наши коллеги – И.Н.Баишев, А.И.Кортунов, А.И.Тимиргазиева, в бытность Янборисова заведующим кафедрой, получили звание «доцента по кафедре Отечественной истории».

Еще одна редкая в наши дни черта. Он ценил каждого человека как личность и сумел создать на кафедре добрую и семейную обстановку. Недаром кафедра и ее преподаватели всегда оставались предметом его особой гордости – от лаборанта до маститого профессора. Каждому из нас, членов его кафедры, было важно осознавать, что за нами стоит сильный человек, умеющий отстаивать наши интересы. И мы безгранично доверяли ему, стараясь не подвести. Вот какие впечатления от работы на кафедре остались у лаборанта Татьяны Жедь:

«Наша кафедра была не похожа на другие. Нашей кафедрой руководил Марат Хабибович. Его отличали интеллект, нестандартный склад ума, необычные твердые решения по пути наименьшего сопротивления. Внешне всегда спокоен – внутри бушует, но никому не скажет об этом». «Это разве проблема? Пустое, пустое... Это может подождать! Я из-за этого переживать не буду и вам не дам», – категорично заявлял профессор М.Х. Янборисов».

В воспоминаниях нашей Танечки чувствуется глубокое чувство невосполнимости утраты близкого человека: «Мне было всего двадцать лет, но мне давали слово, выслушивали мое мнение. Веселили смешными историями, давали поучительные уроки жизни. Тогда я не знала, что в 2021 году я потеряю друга».

Большое значение придавалось организации и проведению инновационных форм аудиторных занятий.

Именно профессор М.Х. Янборисов 14 сентября 2017 г. провёл в БГПУ первую онлайн-лекцию по отечественной истории для всех первокурсников (более тысячи человек), акцентируя внимание студентов на основных этапах изучения дисциплины.

Продуманностью и активностью отличалась работа Марата Хабибовича со студентами. Особое внимание он уделял своим курсовикам и дипломникам, проводя с ними достаточно много времени. «Поймите, мы живем в реальном мире.

Ваша выпускная квалификационная работа – это ваша судьба!», – неоднократно наставлял студентов профессор Янборисов.

Современные студенты порой критически относятся к деятельности преподавателей высшей школы. Профессор Янборисов пользовался среди первокурсников межфака неизменным и непререкаемым авторитетом, во многом благодаря широте кругозора, эрудиции и неповторимому чувству юмора. На лекциях материал преподносился увлекательно, просто, ясно и элегантно. Вот некоторые высказывания студентов, содержащиеся на сайте «ПРО ПРЕПОДА.СОМ». Они свидетельствуют об уникальности методических подходов и особой эстетичности, проводимых им различных форм аудиторных занятий.

Студент первокурсник 2006 года набора: «Марат Хабибович обладает фантастическим чувством юмора. Его «приколы» большинство коллег принимают за чистую монету, что создает множество серьезных и комических событий. Преподаватель старого классического стиля: методичен, эрудирован, целеустремлен, настойчив».

Студент первокурсник 2007 года набора: «Замечательный человек! Это один из немногих, на занятиях которого сидишь и просто погружаешься в предмет. Как он интересно доносит материал. Прекрасно знает свой предмет. Очень его уважаю».

Студент первокурсник 2010 года набора: «Чувство юмора отличное! Умный, знает своё дело. Поможет студентам, когда надо. Его лекция-сказка. Он так ярко и красиво говорит, что сойти с ума можно. Таких как он, больше нет! Супер – во всех отношениях!»¹.

Марат Хабибович, работая со студентами первого курса межфака, имел особый ключ к душам студентов. Этот замечательный педагог сочетал в себе романтику жизни и высокую гражданственность. Он учил этому молодежь, открывая ей все новые и новые грани своего таланта.

¹[Электронный ресурс]: URL: <https://proprepoda.com/profs/3mn> (дата обращения 01.03.2021).

У французского писателя и философа Этьена Бозси есть такое высказывание: «Подлинной основой дружбы является равенство; дружба никогда не допускает иерархии». Небольшая разница в возрасте, а я моложе Марата Хабибовича на десять лет, не помешала переходу в последние 2-3 года наших деловых производственных взаимоотношений в дружеские. Этот родственный по духу человек, как никто другой, понимал меня. Он всегда отмечал, что мы единомышленники. Никто кроме нас двоих, по его мнению, так не принимает близко к сердцу вызовы нашего сурового времени, с которыми сталкивается кафедральная жизнь.

На протяжении последних девяти месяцев до кончины Марата Хабибовича мы в среднем один, два раза в неделю систематически обменивались впечатлениями по вопросам подготовки к аккредитации вуза. В телефонных разговорах чувствовалась озабоченность Марата Хабибовича судьбой Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования, и, конечно, кафедры Отечественной истории. Вопросы преемственности, сохранения устоявшихся традиций в кафедральной работе волновали его больше всего. Уже в марте 2020 г. после прохождения медицинского обследования ему стало известно о коварной болезни. До сих пор помню звонок Марата Хабибовича, его спокойный, твердый голос, убеждающий меня возглавить кафедру. После согласования моей кандидатуры в ректорате, я дал согласие, сохраняя надежду на выздоровление Марата Хабибовича и возвращение его к должности заведующего.

У Марата Хабибовича отсутствовали мысли о роковой последней усталости даже в последние месяцы трудноизлечимой болезни. Он мужественно боролся с обрушившейся на него тяжелой болезнью и, вопреки ей, до самых последних своих дней активно участвовал в жизни кафедры Отечественной истории, Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования БГПУ им. М. Акмуллы. По словам Юлии Викторовны, супруги Марата Хабибовича, ему во многом придавал силы мой рассказ о родственнике, прожившем с диагнозом рак кишечника еще 12 лет после операции. Профессор Янборисов продолжал вместе с сыном Тимуром работать со студентами-дипломниками.

Неизменно доброжелательно общался он со своими друзьями, коллегами и учениками. Будучи руководителем лаборатории «Патриотического воспитания молодежи» участвовал в обсуждении проекта «Технологии и методики гражданско-патриотического воспитания в общеобразовательных учреждениях в условиях цифровой среды». Даже не в самые веселые минуты, когда он спасался болеутоляющими препаратами, в наших телефонных разговорах слышались нотки юмора: «Сейчас у меня столько злости и желания помочь, но остался только бодрый голос...».

Смерть Марата Хабибовича Янборисова – это огромная потеря, до сих пор осознаваемая с большим трудом. От нас ушел замечательнейший, порядочный человек, самобытный исследователь, который, без сомнения, в последние годы был одним из ярчайших представителей российской интеллигенции в научно-педагогическом сообществе Республики Башкортостан. Он навсегда останется в благодарной памяти его коллег, друзей и многочисленных учеников.

***И.Н. Баишев,**
к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

ОН НЕ УМЕЛ БЫТЬ РАВНОДУШНЫМ (ПАМЯТИ МАРАТА ХАБИБОВИЧА ЯНБОРИСОВА)

Начало нового 2021 года омрачилось печальным для всех нас сообщением: ушёл из жизни Марат Хабибович Янборисов. На протяжении более десяти лет он не просто возглавлял кафедру Отечественной истории педагогического университета, но и стал по-настоящему душой нашего коллектива. К нему постоянно тянулись преподаватели и студенты, видя в нём близкого и надёжного человека. Его отличали прекрасное чувство юмора, самоирония, удивительно светлое мироощущение, умение сохранять выдержку в любой ситуации.

По мере своих сил он предоставлял каждому из нас пути и возможности профессионального, творческого и личностного роста. При его поддержке мно-

гие наши преподаватели сумели сделать значительные шаги в своём профессиональном развитии: добиться получения звания доцента ВАК, выиграть крупные научные гранты, получить различные поощрения как республиканского, так и федерального уровней.

Наша кафедра была для него единой семьей, где каждый должен помогать друг другу, поддерживать по мере своих сил. В значительной мере благодаря усилиям Марата Хабибовича наша кафедра долгие годы оставалась дружным, сплоченным и слаженным коллективом. Поддерживалась здоровая конкурентная среда, поощрялись интересные и перспективные научные и социальные проекты; профессора, преподаватели и лаборанты работали с высокой степенью самоотдачи.

Много сил и времени отдал Марат Хабибович становлению лаборатории патриотического воспитания при кафедре Отечественной истории. Вместе с, увы, также безвременно ушедшим от нас доцентом Маратом Арыслановичем Маннановым, он тщательно и глубоко продумывал концепцию лаборатории, организовывал многочисленные мероприятия как со студентами, так и со школьниками. Хорошо помню, как дружно поддержали нас студенты, когда речь зашла о проведении «Уроков мужества» весной 2015 года, когда праздновалось 70-летие Великой Победы. Ни одна из многочисленных школ, куда мы обратились, не отказала нам; уроки проводили не только старшекурсники, но и студенты первых-вторых курсов. Из стен школ эти уроки перешли и в социальные, коррекционные, медицинские учреждения, стали проводиться внутривузовские «Уроки мужества». Таким образом, студенты всех факультетов и институтов вовлеклись в эту интересную и нужную всем работу. При этом сама идея организации «Уроков мужества» исходила от Марата Хабибовича, как и многие другие его замыслы, которые всегда, без исключения, безоговорочно поддерживались всем нашим коллективом.

Тогда же, в 2015 году М.Х. Янборисов организовал студенческую конференцию, посвященную Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Одна из студенток факультета психологии, выступая с докладом, прочитала собственные стихи о войне. Марат Хабибович после конференции подошел к этой студентке и выразил не просто свою благодарность, но и восхищение великолепными стихами. Он хорошо понимал, когда студенты относятся к учебе или поручениям формально, а когда – искренне, от души и всегда радовался, когда находились именно такие студенты, учившиеся с высокой душевной самоотдачей.

Коммуникабельность Марата Хабибовича порой вызывала удивление. На любой кафедре или в другом подразделении вуза у него были свои друзья, приятели или просто люди, близкие ему по духу. Он мог поддержать коллегу в принятии важного жизненного решения, утешить в случае возникновения трудностей, заразить оптимизмом и помочь поверить в свои силы. «Будем царапаться» – одно из любимых выражений Марата Хабибовича, что означало способность преодолеть любые трудности, пережить потери и несчастья, двигаться дальше, несмотря на любые препятствия и невзгоды. Этот настрой, безусловно, помогал Марату Хабибовичу в последние месяцы его жизни, когда тяжелая болезнь непреклонно наступала, безжалостно отнимала у него физические и душевные силы.

Ещё одним из любимых выражений Марата Хабибовича было: «Мы живём в реальном мире». Все мы знали его глубокий смысл: окружающая нас действительность далека от совершенства, но мы должны быть всегда на высоте профессионального и нравственного уровня, избегать необдуманных поступков и сомнительных решений. Мы не в силах изменить окружающий нас мир, но вполне можем и должны поддерживать на должном уровне репутацию своего коллектива и собственную репутацию.

Много лет М.Х. Янборисов проработал в Диссертационном совете при Башгосуниверситете по защите докторских и кандидатских диссертаций по истории. Эта сложная и очень ответственная работа заметно подняла научный авторитет нашего профессора; многим аспирантам и соискателям Марат Хабибович помог не просто формальными положительными отзывами и выступлениями, но и ценными советами, активным участием в исправлении и совершенствовании содержательных сторон диссертаций и авторефератов. При этом тема

научной работы соискателя могла быть совершенно далека от основного круга научных интересов Марата Хабибовича и, тем не менее, последний всегда находил возможность помочь, подсказать, дать мудрый совет и достойно защититься.

Когда вошли в практику онлайн-лекции, Марат Хабибович не просто сам легко вошёл в эту колею, подготовил и прочитал целый ряд интересных и проблемных лекций, но и внимательно следил за содержанием занятий своих коллег, анализировал и сравнивал уровень лекций преподавателей различных кафедр. При этом он всегда с гордостью подчеркивал, что уровень занятий наших преподавателей гораздо выше остальных.

Очень тщательно и придирчиво относился Марат Хабибович к оформлению кафедральной документации. Постоянно сокрушаясь по поводу нарастающего объёма разнообразных документов, он, тем не менее, требовал от всех нас предельно серьезного и внимательного отношения к своим обязанностям по подготовке необходимой документации. Он лично собирал и готовил тексты основных планов и отчётов, требовал, чтобы мы постоянно фиксировали у себя все проведенные мероприятия, зорко следил за тем, чтобы преподаватель смог получить максимально высокий балл по эффективному контракту.

Для него не было мелочей. Бывало, он подолгу беседовал со своими дипломниками и курсовиками, обсуждал каждый раздел работы, вносил исправления буквально на каждой странице курсовой, либо выпускной квалификационной работы, научной статьи, докладов, тезисов... Он был из той категории профессоров, которые могли по-настоящему увлечь студента, помочь ему искренне полюбить историю и сделать так, чтобы эта любовь сохранилась на всю жизнь. Его лекции были наполнены не только глубокими фундаментальными знаниями, но и богатым жизненным опытом, умением сравнивать исторические события с современностью, извлекать уроки из ошибок, проецировать историю на жизнь отдельного человека и собственную судьбу. Сложилось так, что чаще всего его слушателями были студенты не исторических и даже не гуманитарных специальностей. Однако при этом они с огромным интересом слушали лекции Марата Ха-

бибовича, которые всегда были эмоционально насыщенными. Ребята добросовестно готовились к практическим занятиям, спорили и дискутировали на семинарах, активно, а порой и с азартом и юношеским рвением выполняли самые разнообразные формы учебной работы.

О нравственных качествах, вернее сказать, достоинствах Марата Хабибовича можно говорить много и при этом очень сложно уловить и передать несколькими словами его характер и отношение к людям. Ему довелось возглавлять кафедру в очень непростые времена. Переход на пресловутую двухуровневую систему обучения с бакалавриатом и магистратурой привел к резкому сокращению учебной нагрузки преподавателей. За считанные годы кафедра потеряла ни много ни мало половину своего состава. Ситуация усугублялась и в связи с активным внедрением дистанционных форм обучения, которые пришли к нам задолго до наступления пандемии. Значительный объем лекций по основным дисциплинам переводился на онлайн-формат, соответственно, резко сокращалась аудиторная нагрузка преподавателей. Приходилось, таким образом, расставаться с коллегами, с которыми трудились и дружили не одно десятилетие.

Абсурдность сложившейся ситуации, когда возникли условия нарастания санкционного давления западных стран, в системе высшей школы настойчиво внедрялись именно западные образовательные технологии, понимали многие, но ничего не могли изменить. Подверглась серьёзным потрясениям годами сложившаяся модель обучения, высшую школу стало лихорадить, утрачивался фундаментальный характер учебно-воспитательного процесса. Для того, чтобы относительно легко пережить все эти перипетии, нужно было обладать определенным равнодушием, быть прагматично гибким, уметь приспособливаться к переменам сверху и извлекать собственную выгоду, невзирая на судьбы других. Но Марат Хабибович, которого сформировала советская мировоззренческая среда, не мог спокойно и безучастно наблюдать за происходящим. Не мог просто так расстаться с коллегой из-за банальной нехватки нагрузки. Как истинный руководитель старой закалки, он тяжело переживал за судьбу каждого своего подчиненного, осознавал свою ответственность перед каждым преподавателем.

Хорошо известно о том, что М.Х. Янборисов постоянно обращался к ректорам, ректору с просьбами помочь коллегам, оказавшимся на грани увольнения из-за нехватки нагрузки. Далек не каждый руководитель поступает именно таким образом.

Последние месяцы своей жизни Марат Хабибович тяжело болел, но не оставлял работу. Старался постоянно выходить на связь с коллегами и студентами, писал статьи, участвовал в обсуждении курсовых и выпускных квалификационных работ. Он не любил говорить о болезнях и возрасте и не представлял себе жизнь без активной и полноценной работы. Этим самым он показывал нам всем пример светлого и оптимистичного мировосприятия, умения преодолевать трудности и идти вперед, не утрачивая при этом нравственные качества. Мы всегда будем помнить Марата Хабибовича, постараемся сохранить ту особую атмосферу в коллективе, которая сложилась благодаря нашему заведующему и продолжить его начинания, несмотря на самые разные препятствия и перипетии. Много прекрасных преподавателей, профессоров работало в разные годы на нашей кафедре. Мы стараемся не забывать о них и, безусловно, Марат Хабибович Янборисов занимает особое место среди профессоров всего нашего вуза, и ещё долгие годы многие близкие ему по духу люди не забудут его и будут вспоминать лишь с самыми светлыми чувствами.

*Р.К. Гарипов,
д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

AVE, MARAT! MORITŪRI TE SALŪTANT

(с лат. — Славься, Марат! Идущие на смерть приветствуют тебя...)

Мы начинаем думать, что Марат Хабибович оставил нас и ушел в мир иной. Но это может его обидеть, так как его бунтарский дух не соглашается с тем, что именно он находится в мире ином, а не мы. Он блаженствует и, я уверен, чего его благородная натура и нам желает.

Действительно, Марат всегда был добрым, честным, веселым, жизнерадостным и жизнеутверждающим человеком. Ни один мельчайший факт этой

жизни не мог ускользнуть из его поля зрения и не вызвать здоровую улыбку и мягкую критику. Многие годы работы в качестве руководящего лица не повлияли на его свежее, юношеское восприятие окружающей действительности.

Бесчисленное множество мимолетных встреч и продолжительных бесед никогда не сотрутся в моей благодарной товарищеской памяти.

Так, однажды я его встречаю несколько удрученный нескончаемыми кафедральными заботами. Он меня спрашивает: «Равил! Ну что ты приуныл?» Зная его по-хорошему едкий ум, не любящий банальных выражений, я ему ответил: «А чем же мне еще заниматься!». На что Марат мне ответил: «А ты лучше ничем не занимайся!!!» Эта его мудрая предновогодняя реплика очень мне понравилась.

И через несколько дней прямо перед Новым годом мы, как обычно, собрались в нашей университетской столовой. Выступает ректор Раиль Мирваевич Асадуллин. Он говорит о наших успехах и неудачах в проходящем году, о наших планах тактических и стратегических и т.д. Продолжается речь ректора, и вдруг плотно закрытая дверь зала открывается, появляется Марат Хабибович в наряде Деда Мороза и начинает всех громко поздравлять с праздником. Чувствовалось, что он посетил и уже поздравил много хлебосольных кафедр. Осознав, что он прервал торжественную речь ректора, Марат заявил: «На этом я заканчиваю!» и скромно присоединился к остальным довольно внимательно слушающим.

На следующий день я заглянул в кабинет Рустема Гадыльшина, где мы частенько собирались, чтобы выпить чаю и кофею. Через некоторое время появился весь взволнованный Марат Хабибович Янборисов.

Он сказал, что вчера как-то неловко получилось, что он сам не заметил, как прервал выступление ректора.

Я говорю: «Успокойся. Всякое бывает».

Он: «Конечно, бывает. Но это ведь официальное собрание».

Я: «Не собрание, а предновогодний вечер».

Он: «И правда. Веселимся и говорим, что хотим. Все равно, Равиль, на душе как-то нелегко».

Я: «Перестань терзаться. Что, не знаешь, чем больше заняться?».

Он: «Понимаешь, и действительно, не знаю, что делать, чем заняться».

Я: «А ты лучше ничем не занимайся!!!»

Он: «Ты прав. Какая гениальная мысль!».

Я: «Не моя, а твоя мысль».

Он: «Тогда тем более гениальная».

Вот так мы жили и не тужили. Часто друг друга поддерживали и ободряли. Эти минуты и часы никогда не забудутся.

*А.О. Иванов,
к.и.н., главный специалист
Информационно-консультационного центра им. Р.Г. Кузеева
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

«БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ ОТ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА»

«Громом среди ясного неба» новогодним вечером 1 января 2021 года стала для нас всех преподавателей и сотрудников Акмуллинского университета новость о безвременной кончине профессора М.Х. Янборисова. Всего полгода он не дожил до своего 70-летнего юбилея. 29 июня 2021 года ему бы исполнилось 70 лет... Очень жаль, что наш университет потерял такого Человека.

Думается, что старшие коллеги по причине того, что знали Марата Хабибовича и работали значительно дольше вместе с ним, чем автор этих строк, могут и сказать, и написать намного больше. Тем не менее, мне, как выпускнику Института исторического и правового образования, в недавнем прошлом, как аспиранту кафедры Отечественной истории, прошедшему все ступени защиты кандидатской диссертации, вспоминается эпизод, связанный с обсуждением моего диссертационного исследования.

Основные замечания по работе были высказаны на тот момент моим научным руководителем – профессором В.А. Ивановым. Марат Хабибович, по причине своей занятости, к обсуждению присоединился позднее. Тем не менее, при встречах, он живо интересовался моими делами на работе, семьей, дальнейшими планами на будущее и давал дельные советы. С учетом замечаний М.Х. Янборисова и рецензентов кафедры я через некоторое время, представил на кафедру уже существенно скорректированный вариант диссертационного исследования.

Вспоминая те разговоры, хочется от души поблагодарить наших уважаемых профессоров и доцентов за ценные советы и рекомендации, высказанные мне при подготовке работы. Это во многом предопределило и ускорило мою защиту в Диссертационном совете при Оренбургском государственном педагогическом университете.

Вынесенные в заголовок слова «Большая история от большого человека», на мой взгляд, в полной мере относятся к характеру и типу уважаемого профессора М.Х. Янборисова.

Легкая, непринужденная и увлекательная манера подачи материала, высокая степень интеллигентности в сочетании с искрометным юмором на лекциях, именно за это его и любили студенты межфака. А история, которую читал профессор, действительно была «большой» – буквально, «от Рюрика до Путина», т.е., от древности до современности.

Не менее «большой» и объемной была и сфера научных интересов Марата Хабибовича. Она включала в себя изучение различных актуальных проблем отечественной истории и культуры XX века.

Одной из наиболее важных тем для Марата Хабибовича выступала история Великой Отечественной войны. В тексте одного из сборников, посвященного памяти о войне, М.Х. Янборисов отмечает: «Чем дальше уходят от нас события тех дней, тем важнее сохранить их в памяти народа и передать сегодняшнему молодому поколению. Молодежь живо интересуется героическим прошлым нашей Родины и важно не потерять эту живую нить между теми, кто воевал, кто выстрадал Победу, и их теперь уже правнуками. Именно такие народные инициативы, как «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк» уже получили всеобщее признание» [1, с. 5]. Вместе со своими коллегами Марат Хабибович подробно рассматривал вклад ученых и инженерно-технических работников в повышение эффективности переработки руд цветных металлов на промышленных предприятиях БАССР и Урала, анализировались условия работы учёных тех лет [2].

Другим, не менее важным аспектом изучения Великой Отечественной и Второй мировой войн, выступал анализ внешней политики СССР довоенного периода [3, 4].

Ещё одним направлением научной работы Марата Хабибовича стало изучение социальных и личностных факторов формирования нравственности подростков средствами гражданско-патриотического воспитания [5]. Необходимо отметить, что под его руководством был подготовлен проект «Концепции патриотического воспитания в Республике Башкортостан», который прошёл общественные слушания и был одобрен Госсобранием – Курултаем Республики Башкортостан в марте 2019 года.

Приоритетными же направлениями в исследованиях профессора М.Х. Янборисова являлись история отечественной культуры [6-7], отдельные аспекты истории вузовского образования [8, 9], история Башкортостана [10-16]. В этих публикациях читатель может найти массу собранных и систематизированных фактов, охватывающих историю нашей республики и страны в XX веке.

Нам дороги воспоминания о Марате Хабибовиче Янборисове, поистине «большом» Человеке и Ученом. На всю жизнь дорогим воспоминанием останутся его требовательность, бескомпромиссность и справедливость по отношению к коллегам, аспирантам и студентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахитова Г.Г., Тимербулатова Р.М. Память – наша совесть. Уфа: ООО «Издательство Диалог», 2017. 298 с.
2. Каримов К.К., Гайсин У.Б., Янборисов М.Х. Роль науки в привлечении сырьевой базы цветной металлургии Башкирии на нужды войны 1941-1945 гг. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33. № 4 (96). С. 48-53.
3. Янборисов М.Х., Фазуллина Э.Н. Пакт Молотова-Риббентропа: значение и последствия // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. 2018. № 2 (46). С. 100-103.
4. Янборисов М.Х., Фазуллина Э.Н. СССР и Германия накануне Второй миро-

- вой войны // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2018. № 2 (46). С. 104-106.
5. Плеханова Е.А., Мазнева М.Н., Маннанов М.А., Янборисов М.Х. Патриотическое воспитание: формирование нравственности подростков // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 3 (64). С. 33-39.
 6. Янборисов М.Х. В.И. Ленин и культура: концепция классового подхода // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. 2013. № 1 (27). С. 115-123.
 7. Янборисов М.Х. В.И. Ленин и доктринальные основы партийно-государственной политики в области культуры // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1-1. С. 788-791.
 8. Янборисов М.Х. Опережая своё время – к 100-летию со дня рождения М.Я. Янгирова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы IV Международной научно-практической конференции. Уфа, 2009. С. 406-409.
 9. Янборисов М.Х. Проблемы исторического образования в вузе // Ценностные ориентации в подготовке специалистов: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 1997. С. 149-150.
 10. Янборисов М.Х. Военно-патриотическое воспитание школьной молодёжи в Башкирской АССР в 30-е годы XX века: достижения, проблемы уроки // Современные проблемы и перспективы развития естествознания: материалы национальной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 313-315.
 11. Баймухаметова А.А., Янборисов М.Х. Мусульманское духовенство в годы коллективизации сельского хозяйства в Башкирской АССР // Духовный мир мусульманских народов. Гуманистическое наследие просветителей в науке, культуре и образовании (XV Акмуллинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 84-88.
 12. Янборисов М.Х. Усиление идеологической направленности воспитательной работы советской общеобразовательной школы в 1930-е годы XX века (на материалах Республики Башкортостан) // Традиции и инновации в национальных системах образования: материалы Национальной научно-практической конференции 21-22 ноября 2019 г. Уфа, 2019. С. 212-214.

13. Янборисов М.Х. Клубные учреждения в идеологической системе РКП(б) – ВКП(б) в 20-е годы XX века (на материалах Республики Башкортостан) // Традиции и инновации в национальных системах образования: материалы Национальной научно-практической конференции 22 ноября 2018 г. Уфа, 2018. С. 141-143.
14. Янборисов М.Х. Становление советской системы партийно-государственного руководства народным образованием в Уфимской губернии (октябрь 1917 – июнь 1918 г.): первые итоги // Проблемы востоковедения. 2018. № 4 (82). С. 19-24.
15. Янборисов М.Х., Багаутдинов Р.О., Гайсин У.Б., Каримов К.К., Сулейманова Л.Ш. Концептуальные основы партийно-государственной политики в сфере подбора и расстановки управленческих кадров в 20-е годы XX века (на материалах Республики Башкортостан) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-3. С. 84-96.
16. Янборисов М.Х., Советская общеобразовательная школа в конце 20-х – начале 1930-х годов XX века: опыт, проблемы, уроки (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 303-307.

***В.А. Иванов,**
д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

«НИЧЕГО, НИЧЕГО, РЕБЯТА, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО...»

Вынесенные в заголовок слова Марата Хабибовича Янборисова рефреном проходили через все годы нашей с ним совместной работы на кафедре Отечественной истории, которой он руководил с 2009 года до последних своих дней.

Мое знакомство с ним произошло где-то в начале 2000-х годов, когда мы оба заведовали кафедрами: он – межфакультетской кафедрой истории и экономической теории, я – кафедрой Отечественной истории Исторического факультета, а затем Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы. Познакомил нас наш общий друг Марат Арысланович Маннанов

(ныне, увы, тоже покойный). Первоначально это были периодические захождения на кафедру к Марату Хабибовичу после заседаний Ученого Совета БГПУ, которые проходили во 2-м корпусе университета, на 5-м этаже которого находилась кафедра истории и экономической теории.

Там у нас происходили дружеские «посиделки на троих»: пили чай (без бокала с чаем в руках я Марата Хабибовича вообще плохо представляю), иногда не только чай, много разговаривали.

Оба Марата по своей специализации были «историки-советчики», т.е. изучали и преподавали новейшую историю России. И мне, как специалисту по древней истории, было весьма интересно и познавательно слушать, как они обсуждают или спорят по какой-нибудь проблеме истории России XX столетия. Причем, Марат Арысланович был более горяч и импульсивен, Марат Хабибович более сдержан и я сказал бы – вальяжен. Никакого намека на возможную ссору при этом даже не возникало, а заканчивались эти наши «посиделки», как правило, какой-нибудь подходящей теме спора байкой, собственного Марата Хабибовича сочинения.

Главным героем этих баек выступал некий Маркел Иваныч, который каждый раз выступал в разных ипостасях: то сотрудником ЧК – НКВД, то ГРУ, то работником военкомата. Он оказывался в непростых жизненных обстоятельствах, но всегда из них успешно выпутывался, благодаря своим глубоким, чаще всего язвительным афоризмам, ставящим в тупик оппонентов. Мы с Маратом Арыслановичем много раз советовали Марату Хабибовичу составить сборник этих баек. Он вроде обещал, но вот успел ли – не знаю.

Курить ходили в туалет на этаже, от которого у Марата Хабибовича был персональный ключ. Там нас как-то и «застукал» один из наших проректоров. Сам он недавно ещё курил, но к тому времени уже бросил, но, как истый неофит, стремящийся быть «святее Папы Римского» сделал нам строгое внушение. Вот тогда-то, когда мы вернулись в кабинет к Марату, я и услышал от него знаменитое «ничего, ничего, ребята, всё будет хорошо».

2009 год явился в наших судьбах по-своему ключевым. В это время по нашей земле уже всю гуляли «модернизация» с «оптимизацией», под каток которых попала кафедра истории и экономической теории. Экономистов, кажется,

отправили на социально-гуманитарный факультет, а историков в наш ИИПО. У меня к этому времени уже заканчивался второй срок заведования кафедрой Отечественной истории. Если сказать, что любая канцелярско-бумажная работа органически мне чужда и с моей ментальностью никоим образом не сопрягается – это значит сказать очень мало и мягко. И первое, что я почувствовал в той ситуации, это возможность перекинуть этот «хомут» со своей шеи на шею Марата Хабибовича, с которым мы были совершенно равны в нашем статусе.

Так оно и получилось ко всеобщему удовольствию: моему – я свалил со своих плеч груз ответственности за кафедральные дела (наш тогдашний ректор Р.М. Асадуллин, втайне, как он позже сам признался, опасался, что два профессора начнут «бодаться» из-за должности), и Марата Хабибовича, поскольку эта метаморфоза никак не отразилась на его статусе.

Члены нашей кафедры некоторое время настороженно присматривались к новому заведующему, поскольку уже привыкли к моему либерализму и капризной идиосинкразии ко всякого рода административно-бумажной деятельности. Но совсем скоро эта настороженность развеялась, как утренний туман, ибо все увидели, что в лице профессора М.Х. Янборисова мы получили очень организованного, знающего свое дело руководителя с многолетним опытом заведования кафедрой, причем, кафедрой, рассчитанной на передачу исторических знаний аудитории, от истории весьма далекой: биологам, математикам и физикам, физкультурникам. А для этого тоже недюжинные педагогические способности и психологическая выдержка требуются. Так что, я думаю, и для самого Марата Хабибовича переход на заведование специализированной кафедрой был своего рода вдохновением. Хотя свой «межфак» он так и не оставил, и львиную долю именно «межфаковской» нагрузки взял на себя. Меня это удивляло, поскольку, по моему характеру, читать курс Российской истории физкультурникам или географам, путающим Салавата Юлаева с Чапаевым, «удовольствие ниже среднего». Я бы не выдержал точно, а Марат Хабибович делал это даже, я бы сказал, с какой-то отеческой любовью к студентам - не историкам.

Стиль и манеру руководства Марата Хабибовича вверенной ему кафедрой Отечественной истории я охарактеризовал бы так: за всю свою многолетнюю преподавательскую работу для меня это был самый спокойный период. Хотя, в

общем и целом с каждым годом, благодаря перманентному реформаторскому зуду стоящего над нами Министерства образования и науки РФ, работать становилось всё сложнее и сложнее.

За свою многолетнюю работу в сфере науки и высшей школы я убедился в том, что истинный талант руководителя заключается в умении поддерживать у своих сотрудников взвешенное отношение к происходящему, ровные отношения между собой и уверенность в том, что, несмотря ни на какие порывы студеных ветров извне, у нас всё равно «все будет хорошо, все будет нормально».

И у Марата Хабибовича это получалось прекрасно. За все годы совместной с ним работы я не припомню ни одного случая, чтобы на заседании кафедры у него, как у заведующего, произошел взрыв эмоций. А поводов к тому было предостаточно. Особенно, когда на горизонте вставал призрак очередной аккредитации вуза и всевозможные «департаменты», которых за время моей работы в БГПУ развелось чудовищное количество, начинали каждый требовать с кафедр и факультетов различные справки, отчеты, зачастую при этом дублируя друг друга. Да, тут и у Марата Хабибовича нервы не выдерживали, и он по поводу этих требований раздражался эпитетами, ни в каком литературном жанре не воспроизводимыми. Но – делал это в очень узком кругу. И, дав возможность выплеснуться гневу, тут же распределял персонально, кто и что из сотрудников кафедры должен будет сделать, львиную долю проблем взваливая на себя.

Вот тогда-то в очередной раз рефреном звучало его: «ничего, ничего, ребята, всё будет хорошо, всё будет нормально».

И это были не просто слова: сколько раз, уже собираясь домой поздним вечером, я оставлял на кафедре Марата Хабибовича в компании с нашими героическими лаборантами, вначале с Аней Умилиной, а в последний год его жизни с Ильей Мокшанцевым за составлением и оформлением какого-то очередного отчета. Характерно, что, когда этого требовали обстоятельства, наш завкафедрой выходил на работу в выходные дни, как правило, сам. Я даже не могу вспомнить случая, чтобы он кого-то из нас вызывал на кафедру тоже. Практикуют ли другие заведующие кафедрами подобный стиль работы – я не знаю.

Особо хочется вспомнить, как Марат Хабибович руководил работой по подготовке бакалаврами и магистрантами выпускных квалификационных работ –

ВКРов. Сам он продолжал читать курс истории России на «межфаке», где ВКРы по истории не предусмотрены. Но в течение учебного года обсуждения хода работы над ВКРами под руководством преподавателей кафедры обсуждались регулярно. Обладая каким-то утонченным историко-педагогическим чутьем, Марат Хабибович сразу же ухватывал суть обсуждаемой работы и состояние её готовности. Прихлебывая из бокала крепко заваренный чай, Марат Хабибович задавал и автору ВКР, и его руководителю четкие и конкретные вопросы, на которые и отвечать нужно было столь же четко и конкретно. И заканчивались обсуждения всегда одним и тем же посылом: «уважаемые студенты, писать за вас вашу квалификационную работу преподаватель не будет. Рассчитывайте только на себя».

Буквально вскоре после его прихода на кафедру Отечественной истории я имел возможность убедиться в том, что Марат Хабибович великолепный стилист. Я слышал мельком, как он диктует лаборанту какие-то тексты справок или отчетов, составленных коллегами по кафедре, тут же по ходу выправляя их стилистически. Но чужие тексты – это чужие тексты, меня это как-то не особо волновало, поскольку уж за свой стиль я был спокоен всегда. Поэтому, когда нам пришлось несколько лет подряд выступать в качестве ведущей организации при защитах диссертаций по археологии коллегами из других городов, мы были обязаны давать отзывы на их исследования. Тексты этих отзывов от имени кафедры писать приходилось мне, а подписывал их Марат Хабибович. И когда я передавал написанный мною текст отзыва ему на подпись, и он начинал его читать и стилистически править, у меня это вызывало внутреннюю усмешку: ну что может понять историк-специалист по XX веку в проблемах, например, становления и развития земледелия в Прикамье в эпоху раннего средневековья? А вот ведь суть моих рассуждений понимал и ухватывал верно, и вносил свои стилистические правки, которые, в чем я очень скоро убедился, придавали тексту большую академичность и фундаментальность.

На публике Марат Хабибович не был таким «рубашкой-парнем» (да он им вообще не был). Скорее, наоборот, при первом знакомстве он мог показаться человеком жестковатым, пожалуй, даже педантичным. Знакомясь с человеком, вне зависимости от его пола и возраста, он прямо «в лоб» мог задать ему вопрос или

вопросы, ответ на которые сразу же позволял обозначить общий ментальный силуэт собеседника (вообще, в людях Марат Хабибович разбирался неплохо). На первых порах такая прямолинейность меня лично «напрягала». Но на мои потом реплики по этому поводу Марат отвечал: «А как ты хочешь? Я же должен почувствовать, с кем я имею дело». Но и человеком, совершенно свободным от комплексов, его назвать тоже было нельзя. Во всяком случае, близко знавшим его друзьям.

В повседневной рабочей жизни Марат Хабибович внешне был сдержан на эмоции, хотя иногда под настроение мог вставить в разговор какую-нибудь забавную реплику. Но в целом он всегда был ровен в общении, что с коллегами, что со студентами.

Но зато когда случались общие торжества, кафедральные, институтские или университетские, здесь мнение присутствующих было единодушным – вести их должен профессор Янборисов. И он вел, и получалось это у него замечательно.

Будучи человеком очень коммуникабельным и добрым к людям, он в натуре каждого из нас выделял и подчеркивал положительные черты (это, кстати, касалось и студентов, которых Марат Хабибович неизменно брал под защиту после очередных суровых «разборок их успехов» на заседании кафедры конечно, делая это исключительно в преподавательском кругу). Поэтому во время праздничных застолий, как «тамада», приглашая кого-то произнести тост, он всегда начинал с перечня достоинств тостующего. И это всегда получалось у него и выглядело очень мило и по-профессорски элегантно.

Правда, потом, уже после мероприятия, он все время спрашивал у нас с Маратом Арыслановичем, не обидел ли он ненароком кого из присутствующих своими репликами или шутками.

И конечно же, как тут не вспомнить его блистательное выступление в роли ведущего на моем 60-летнем юбилее в 2010 году. Многие мои гости потом еще долго вспоминали его блистательные речи, которыми он предварял каждый очередной тост. А один из них потом даже признался мне, что он вызвался на свой второй тост именно для того, чтобы ещё раз услышать от профессора Янборисова комплимент в свой адрес.

И ещё одна черта Марата Хабибовича на первых порах нашего знакомства с

ним вызывавшая у меня некоторую иронию – это его исключительное домоседство. Сколько я его ни пытал на предмет, почему он никуда не ездит, кроме сада и турбазы на оз. Талкас, куда он ежегодно вывозил своего сына Тимура, он отвечал, что любые перемещения за пределами дома для него просто некомфортны.

И только однажды, когда, вернувшись из очередной заграничной поездки, я все-таки допек его своим подтруниванием, Марат Хабибович признался мне, что за границу он однажды выезжал (в ГДР в советские времена в качестве руководителя студенческого строительного отряда), но впечатления и от «братских немцев», и от наших «стройотрядовцев-интернационалистов» он вывез самые ужасные. В подробности, правда, особо не посвящал, но кое-что рассказывал. И поэтому, по его словам, любая мысль о заграничной поездке вызывала у него весьма неприятные ассоциации.

В общественном мнении существуют два взгляда на «роль личности в истории»: одни считают, что незаменимых людей нет, другие – наоборот. С этих позиций роль профессора Марата Хабибовича Янборисова в десятилетней истории нашего Института исторического и правового образования (а сейчас – Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования), в котором он проработал чуть более 10 лет, я оценивать не хочу. На мой взгляд, достаточно сказать, что все коллизии и нюансы институтской жизни он пропускал через свое сердце и всегда старался выработать в себе и внушить нам положительную реакцию на те или иные события через свое неизменное «ничего, ничего, ребята, все будет хорошо...». Наверное, он был прав. Жаль только, что его мнения на сей счет мы теперь уже не услышим и не узнаем.

*Ю.В. Кременская,
супруга М.Х. Янборисова, директор
Уфимского социально-правового техникума
(г. Уфа)*

«НАВСЕГДА С НАМИ...»

Взаимоотношения в семье занимают особое место в жизни любого человека. Мы – семья Янборисова Марата Хабибовича. Я – жена Юлия Викторовна и сын Тимур. Когда нам было предложено принять участие в составлении сборника, посвященного памяти нашего дорогого папы и мужа, решили, что каждый из нас опубликует свои воспоминания. То, что здесь изложено – краткая история нашей совместной жизни, история нашей семьи. Мне трудно было ее написать – слишком мало времени прошло после ухода Марата Хабибовича, а боль утраты не просто не утихла, она с каждым днем становится сильнее. Практически каждая строчка далась сквозь слезы. Тридцать лет мы были вместе. И это были тридцать лет счастья!

Как-то в одном документальном фильме о советском певце и композиторе (не буду называть фамилию) я услышала голос за кадром – воспоминания его жены. Рассказ велся от первого лица. О себе она говорила «я», а про своего супруга – «ты», как бы обращаясь непосредственно к нему. Эта форма повествования о близком человеке, давно ушедшем из жизни, показалась мне удачной, более мягкой, что ли. Поэтому, для своего воспоминания, я выбрала именно ее – эту, более приемлемую, на мой взгляд, форму – нет никакого «он», «его», есть «ты» и наше счастье...

«Добрый день, уважаемые студенты! Прежде всего, я хотел бы представиться. Моя фамилия Янборисов, зовут меня Марат Хабибович, я доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории нашего университета». Так ты ежегодно в сентябрьские дни начинал свои лекции для первокурсников. За этих ребят можно было только порадоваться – перед ними замечательный преподаватель, известный ученый, Отличник образования

Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В твоей трудовой книжке указано единственное место работы. Сначала запись под номером один: 04.08.1973-04.08.1975. «Служба в рядах Советской Армии». Далее следует: «Башгоспединститут. Зачислен на должность ассистента кафедры истории КПСС». А все последующие записи – только свидетельства твоего профессионального и карьерного роста: «Зачислен в очную аспирантуру...», «Отчислен из аспирантуры в связи с окончанием срока и завершением диссертации...», «Избран на должность старшего преподавателя...», «Избран на должность доцента...», «Присвоено ученое звание доцента...». И далее – докторантура, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой.

Конечно, для студентов, для коллег Янборисов Марат Хабибович – талантливый и авторитетный преподаватель, профессор, деятель науки, а для нас – просто самый дорогой, любимый, близкий человек, защитник, прекрасный муж и отец.

В понятие «счастье» каждый вкладывает свой смысл. Но, думаю, трудно не согласиться с тем, что любой человек должен чувствовать себя счастливым, прежде всего, в своей семье. Наша с тобой семья – это семья, где все любят друг друга сильно и неподдельно, спешат домой, чтобы скорее оказаться в кругу своих близких! Семья, где ощущают дискомфорт, когда кого-то нет дома, ждут его, а если время позднее – обязательно встречают. И, несмотря на все профессиональные достижения и высоты, именно семья была для тебя и для всех нас самым главным в нашей жизни.

Впервые я увидела тебя 3 сентября 1984 года в педагогическом институте (так раньше назывался наш университет), будучи студенткой 1 курса факультета педагогики и методики начального обучения. Ты вел лекцию по истории Коммунистической партии Советского Союза. Вел эмоционально, красиво, интересно. При этом что-то давал под запись, что-то комментировал или произносил: «А теперь не пишите, просто послушайте». Это «просто послушайте» мы, 17-18-летние девчонки, очень любили, так как знали, что сейчас последует увлекательнейший

рассказ из истории нашего Отечества, а потом мы должны будем отвечать на вопрос: «Как вы думаете, почему...?». И далее начиналась наша настоящая интеллектуальная работа – нужно было не только думать, но и анализировать ту или иную историческую ситуацию, рассуждать, выделять главное, аргументировано отвечать на вопросы. Благодаря тебе мы научились выступать перед аудиторией, поняли, как вообще нужно учиться, что читать (классическая литература стала составляющей нашей жизни), началось формирование нашего мировоззрения. Можно не сомневаться – повезло тем студентам, которые на протяжении всех этих лет учились у тебя, слушали твои лекции. И не только. Ты им говорил: «Мы с вами живем в реальном мире. В мире очень сложном, противоречивом. Но это ваша жизнь. И кроме вас самих никто вам не поможет. Так что царапайтесь, бейтесь, старайтесь!». Уверена, что сейчас многого достигли те люди (твои бывшие студенты), кто в свое время услышал эти слова, понял их смысл и принял для себя в качестве жизненного принципа.

Конечно, в том далеком 1984-м, я даже и предположить не могла, что мы станем самыми родными людьми. Но прошло время, и весной 1991 года судьба подарила нам совершенно случайную, однако, как оказалось, судьбоносную встречу на борту самолета ТУ-134, следующего рейсом Москва-Уфа. У каждого из нас были в столице свои дела. Ты работал в архивах, собирал материал для докторской диссертации. Мне нужно было подать документы для прохождения переподготовки и пройти вступительные испытания. Впоследствии этот день мы воспринимали как точку отсчета в возникновении настоящего глубокого взаимного чувства и образования счастливой крепкой семьи.

Недавно я осознала, что делю нашу жизнь на три периода.

Первый из них длился всего два с половиной года (с весны 1991 по декабрь 1993 года). Ты находился тогда в докторантуре Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина, а я проходила в этом же университете переподготовку по специальности «практический психолог» на очном отделении. Мы жили в аспирантском общежитии, которое располагалось на

Юго-Западе столицы, на проспекте Вернадского. Представители старшего поколения, конечно же, помнят художественный фильм «Ирония судьбы или с легким паром». Там есть эпизод, где главный герой, возвращаясь из «случайной» поездки в Ленинград домой, в Москву, выходит из автобуса и по пути к своему дому проходит мимо храма. Так вот, наши окна выходили прямо на этот храм. Он и сегодня, несмотря на свою скромность, также величественен и прекрасен, как и в те времена.

Ты работал над диссертацией. А я помогала тебе, чем только могла – обустройство быта, питание. В голодной Москве начала 90-х до, так называемого, гайдаровского повышения цен, на прилавках продуктовых магазинов были только соль, спички и бычки в томате. Слава Богу, все-таки, можно было купить хлеб, а вот очередь за молоком тянулась из магазина на улицу! Нам помогали наши родители, передавая продукты из Уфы через знакомого проводника фирменного скорого поезда №39.

Весь 1992 год мы практически полностью провели в читальных залах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, так называемой «Ленинки», ныне – ФГБУ РГБ «Российская государственная библиотека».

3 января 2021 года на церемонии прощания твой коллега Сафин Фаиль Габдуллович сказал, что в читальном зале отдела диссертаций библиотеки, в подмосковном городе Химки (мы называли его «зал диссертаций»), ему попала в руки «новенькая, совсем свежая» диссертационная работа «молодого докторанта Янборисова М.Х.». А уже через полгода там же, в зале диссертаций, Фаиль Габдуллович увидел ее «в очень потрепанном виде» (т.е. она была востребована, с ней много, кто работал). Господи, а ведь прежде чем она (твоя докторская диссертация) появилась в этом зале, сколько раз мы были там вместе, работали, собирали материал, конспектировали... Приезжали туда рано утром, брали с собой бутерброды с отварным мясом, картофелем, соленым огурчиком – все из дома, из Уфы, и чай в маленьком термосе. Цены в буфете «кусались», а размеры докторантской стипендии, как и моей учительской зарплаты, в 90-е годы были более чем скромными.

Весь 1993 год был посвящен непосредственно написанию твоей научной работы (диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук). Вскоре ты закончил рукопись. Я хорошо умела печатать. Мне посчастливилось «набрать» первый вариант диссертации на пишущей машинке.

Впоследствии по материалам твоего исследования вышла монография. Организация ее издания полностью легла на мои плечи, ты был в Москве, готовился к защите. Без ложной скромности скажу – справилась с этой задачей на «отлично». Сейчас трудно даже вообразить, но тогда о компьютерах мы имели очень отдаленное представление, они появились «для массового употребления» лишь в конце 1990-х.

Пришлось искать типографию, где можно было бы изменить формат машинописных страниц, оформить обложку (это оказалось самым сложным; дошло до того, что первый вариант обложки писала пером и тушью знакомая художница, моя коллега, учительница рисования). Монография была издана в Башкирском книжном издательстве «Китап».

Хочу прокомментировать свою фразу «Мне посчастливилось напечатать рукопись». Почему? Потому что большим удовольствием было печатать и одновременно читать, познавать этот труд – написано умно, логично, простым языком (не то что некоторые современные авторы – одно предложение растянуто на несколько строк, пока дочитаешь его до конца, забудешь, что было в начале). Для меня твоя докторская диссертация – это не просто исследование. Это сказка! Сказка, или научный рассказ о том тяжелом для нашей Родины времени, когда в результате революционных событий 1917 года в России изменилась формация. Пришедшие в тот период к власти люди и партия просто обязаны были не только ликвидировать в стране голод, перестроить всю систему общественных отношений, наладить экономику, но и найти пути выработки и претворения в жизнь «...самых кардинальных изменений в сфере культуры, сутью которых должно было стать утверждение в обществе гуманизма и знания в самом широком их понимании». Это – цитата из твоей докторской диссертации, в которой освещались вопросы партийно-государственной политики в области культуры в нашей

республике с 1917 по 1941 годы, и которую ты с блеском защитил 29 декабря 1993 года. Какой это был замечательный день! Даже я не так часто видела тебя столь счастливым и просветленным. В маленьком банкетном зале нашего общежития было организовано праздничное застолье, куда пришли все члены диссертационного совета (благо здание университета, где проходила защита, находилось в двух минутах ходьбы до общежития). И блюда на столе были самые простые и вкусные, не хуже любого московского ресторана. Меню я продумала заранее. Привезла из дома (из Уфы) нашу картошечку, квашеную капустку, настоящее деревенское мясо, сало, маринованные болгарские перчики, огурчики, помидорчики, соленые грибочки. Все натуральное, вкусное. Москвичам такие деликатесы не часто удавалось попробовать.

После оформления всех необходимых документов, касающихся защиты диссертации, ты вернулся домой.

Второй период длился с 1994 по 1999 год. Мы оба много работали. Это был плодотворный, интересный и, в то же время, сложный период.

В 1995 году не стало твоего папы – Янборисова Хабиба Хисамутдиновича. Не могу сейчас не рассказать о нем, хотя бы кратко. Это был героический человек. Он прошел всю Великую Отечественную войну.

Годы жизни: 25.08.1917 г. – 11.03.1995 г. В 1925-1932 гг. учился в Чишминской ШКМ, в 1932-1935 гг. – в Башкирском педагогическом техникуме. После его окончания работал учителем в Чишминской неполной средней школе, а затем школьным инспектором Чишминского РайОно.

В 1938-1940 гг. проходил действительную военную службу на Дальнем Востоке. С августа 1941 года по 9 мая 1945 года находился в действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны в должности военкома отдельной роты противотанковых ружей, заместителя командира батальона (Калининский фронт, Степной, Юго-Западный фронт, 1-й Украинский фронт). Принимал участие в обороне Москвы. Войну закончил в Праге в звании майора. Четыре раза был ранен.

После окончания войны закончил Ленинградский высший военно-педагогический институт, занимал различные должности в Вооруженных силах СССР. В 1960 году был уволен в запас в звании полковника. Более 20 лет проработал преподавателем истории в вузах г. Уфы.

Награды – Орден «Боевого Красного Знамени», два Ордена «Отечественной войны» II степени, два Ордена «Красной Звезды»; медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» и другие (более 20 медалей).

Когда наш сын Тимур учился в первом классе гимназии № 39 города Уфы, мы организовали классный час, посвященный Янборисову Хабибу Хисамутдиновичу. Он назывался «Мой героический дедушка». Здесь я приведу полный текст выступления нашего 7-летнего первоклашки, который мы составили, к сожалению, без тебя. Насколько я помню, ты был так занят на работе (очередная проверка Обрнадзора или аккредитация, или что-то в этом роде – не помню), что тебе просто не хватило времени и сил принять участие в мероприятии. Вот текст выступления Тимура:

«МОЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ДЕДУШКА»

Мой дедушка Янборисов Хабиб Хисамутдинович – участник Великой Отечественной войны. Все четыре года он находился на передовой и рисковал жизнью во имя Родины. Он прошел все испытания и победил со всем советским народом.

В декабре 1941 года в битве под Москвой дедушка Хабиб был тяжело ранен. От боли он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что «своих» вокруг никого нет. Зато в ста метрах от него появились немцы. Дедушка достал пистолет и решил отстреливаться до последнего патрона и погибнуть, но не сдаться в плен. Но, к счастью, фашисты двинулись в противоположном направлении и не заметили его. Вскоре появились наши санитары и отправили дедушку в госпиталь.

За всю войну дедушка был четыре раза ранен, награжден пятью орденами и почти тридцатью медалями. Все эти награды сейчас находятся в Музее боевой славы в поселке Чишмы, откуда дедушка родом.

Хабиб Хисамутдинович начал войну в звании лейтенанта, а закончил ее майором 9 мая 1945 года в Праге. После войны он продолжал служить в армии и вышел в отставку в звании полковника.

Дедушка умер еще до моего рождения от последствий ранений. О нем я знаю от папы, мамы, бабули Янбарисовой Мастуры Исламовны. И, конечно же, я горжусь своим дедушкой Хабибом, он настоящий герой. Такие люди, как он, спасли нашу страну, спасли всех нас».

В этот период (с 1993 года и далее) продолжился рост твоей карьеры. Ты был принят (после окончания докторантуры) 3 января 1994 года на должность доцента кафедры политической истории БГПИ, а 20 июня этого же года переведен на должность профессора кафедры в связи с избранием по конкурсу на условиях заключенного контракта на 5 лет. В 1997 году на тебя было возложено исполнение обязанностей заведующего кафедрой истории, а в декабре этого года ты был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой. Я в это время работала в школе. Сначала – школьным психологом, затем была назначена на должность заместителя директора по учебной работе в начальном звене.

Мы с тобой жили отдельно от родителей. Иногда в связи с большой нагрузкой на работе у меня не хватало времени приготовить обед или ужин. И этот факт никогда не являлся «яблоком раздора» в нашей семье. Если в холодильнике пусто, ты, придя с работы, просто намазывал на кусочек хлеба обычный майонез и ел этот «бутерброд», запивая сладким чаем с молоком. Но такое происходило редко. В целом, наш быт был налажен. Всё дома, включая вопросы питания, было нормально. Часто случалось, что когда тебе приходилось подолгу задерживаться на работе, я с удовольствием приносила на кафедру еду и для тебя и для твоих коллег.

В эти годы мы много работали, активно отдыхали, заботились о родителях, общались с друзьями, но при этом, все время жили мыслью о ребенке.

И вот, 9 июня 1999 года у нас родился сын! И начался третий, самый длинный и прекрасный период в нашей жизни. Так сложилось, что мы довольно долго ждали ребенка. В течение всей жизни ты не любил отмечать ни дни рождения, ни юбилеи, но, когда на следующий день, 10 июня, ты пришел с работы ко мне в

родильный дом, я услышала от тебя: «Мне почему-то казалось, что я войду в фойе главного корпуса института, а там будет висеть огромный плакат: «У профессора Янборисова родился сын!!!». Но плаката не было... Ничего страшного, не это главное... Через некоторое время ты организовал праздничное мероприятие в честь рождения Тимура, куда пришли твои друзья и коллеги.

В двадцатых числах июля 1999 года, когда ты вышел в отпуск, мы наконец-то купили детскую коляску и переехали жить на лето в сад (до этого на покупку коляски у тебя просто не было времени, всё работа, проходил очередной конкурс на должность профессора кафедры истории).

И вот мы собрались прогуляться до речки с новой коляской (до этого носили ребенка только на руках). Ты вынес ее с нашего участка на проселочную дорогу, а я вышла следом с маленьким Тимуриком на руках, положили его в эту коляску. И тут мы с тобой!!!, как сейчас помню!!!, стали подталкивать друг друга за первенство на предмет того, кто эту коляску покатит! Ты победил! Впоследствии мы часто вспоминали этот момент, смеялись – так оба ждали ребенка, так хотелось обоим стать родителями...

Однажды классный руководитель Тимура (примерно в 9 классе) в беседе со мной похвалила его за что-то и при этом спросила: «Как вы его воспитываете? В чем секрет?». А мы специально и не воспитывали его. Мы просто оба жили по принципу: «Не ребенок есть в моей жизни, а мой ребенок, моя семья, и есть моя жизнь». Воспитание сына – это наша общая заслуга. Но, отец есть отец. Ты – замечательный отец! Заботливый, мудрый, любящий!

Конечно, как и в каждой семье, у нас были разногласия, споры. В основном это касалось работы. В начале 2000-х появились компьютеры, мы тоже купили компьютер и принтер. Это была необходимость. Довольно большую часть работы приходилось выполнять дома, порой в позднее время. Я садилась за компьютерный стол, ты размещался рядом. И, начиналось..! Планы, отчеты, протоколы заседания кафедры, отзывы и рецензии на курсовые и дипломные работы, на статьи и диссертации студентов, магистрантов, дипломников, соискателей, собственные научные труды, тексты твоих многочисленных выступлений, рабочие

программы учебных дисциплин, тесты, аналитические справки и многое другое – над всем этим мы с тобой часто работали дома вместе (я, конечно, в основном, как «делопроизводитель» – печатала), но, при необходимости, старалась помочь, подсказать, подобрать нужное слово, сформулировать предложение.

Так продолжалось до 2016 года, пока не подрос Тимур. Примерно с этого времени он вместо меня «занял должность делопроизводителя» и работал с тобой над всеми документами. Когда Тимке не хотелось работать, ты произносил фразу «Это наше общее дело!». Работу продолжали и заканчивали. И сейчас Тимур очень признателен тебе за нее. В процессе составления, редактирования, оформления документов у него начал формироваться опыт работы с ними, что является важным фактором для профессионального становления любого человека. А фраза «общее дело» имела и имеет колоссальное значение и для воспитания ребенка и для его развития.

В последнее время Тимур был для тебя не просто помощником или ассистентом, а полноправным соавтором. В ходе работы он часто «генерировал» свежие и интересные идеи, которые ты одобрял. В эти моменты ты был счастлив и радовался успехам сына, восклицал: «Молодец!».

Часто в семьях возникают так называемые бытовые проблемы, ссоры. Из-за денег, из-за еды, из-за хозяйственных вопросов и многого другого. Слава Богу, никогда у нас никто не прятал друг от друга деньги (слышала, что во многих семьях этот факт имеет место). Более того, ты никогда не был скаредным, жадным. Если нужно что-то купить (не только для себя – для меня и Тимура) – покупали.

Недавно меня спросили, дарил ли ты мне цветы? Нет, никогда не дарил. Ни на день рождения, ни на 8-е Марта, ни в любые другие дни.

Только один раз, помню, появилась на мой юбилей дома роза, и то, инициатором ее покупки был Тимур. Но было другое. Ты всегда заботился о нас обоих и, когда возникала необходимость (или даже не было этой необходимости – на запас!), находил для нас в магазинах замечательные вещи, которые после примерки приобретались тут же. В связи с этим припоминаю случай, когда мне стала нужна зимняя шапка. У меня в тот момент была черная шуба и зимнее пальто

другого цвета с шикарным песцовым воротником. Мы пришли выбирать шапку в магазин «Тахир и Зухра» на улице Революционной, там был отдел меховой фабрики «Отрада». Так получилось, что мне оказались «к лицу» сразу две элегантные песцовые шапки, подходящие по цвету – одна – шубе, другая – пальто. Нужно было выбирать. И тут ты говоришь: «Давай купим обе шапки, будешь их носить по очереди». Помню удивленно-восхищенные глаза женщин, которые в тот момент что-то подбирали для себя в этом отделе и слышали эти слова. Но главное – помню чувство моей благодарности и признательности тебе. Не за шапки, конечно. За то, что ты есть!

Говорят, «ученые мужи» не могут дома вбить гвоздь. К тебе это вообще никак не относится! И дома, и с машиной, и в саду – везде ты прекрасно справлялся со всеми техническими, бытовыми и хозяйственными вопросами. Об этом можно написать не только воспоминания – целую книгу.

Ты был очень умным человеком. Все, что ты делал, было сделано основательно, с умом. Если ты что-то утверждал, значит, так оно и есть. Можно не сомневаться. Не могу не отметить – ты прекрасно разбирался в людях. А еще ты не мог равнодушно относиться к тому, что происходило и происходит сейчас в стране. Особенно это были вопросы современной идеологии, нравственных ценностей, политики, гражданско-патриотического воспитания молодежи, подрастающего поколения, будущего нашей страны.

Прошло больше года с того мартовского дня 2020-го, когда тебе был поставлен страшный диагноз. Мы с Тимуром очень боялись не только за твое физическое, но и психологическое состояние. Но с твоей стороны не было никаких истерик, капризов. Наоборот, было желание бороться, выздороветь. Началось интенсивное лечение. Ты ни разу не сказал, что не хочешь ложиться в больницу, мужественно переносил все, порой очень болезненные процедуры и обследования. При этом ты продолжал работать, не был оторван от коллектива. Спасибо всем твоим друзьям и коллегам, которые постоянно звонили тебе, справлялись о

здоровье, поддерживали. Но не только. Часто звонили по вопросам работы кафедры. И это обстоятельство тоже позволяло не раскисать, чувствовать себя нужным, востребованным.

В тот период началось распространение коронавируса, был объявлен карантин, все должны были находиться на самоизоляции – тяжелое время. А для нас троих появилась возможность стать еще ближе друг к другу, практически круглосуточно находиться вместе. Мы как бы вытянулись в единую струну, делали все, чтобы победить твою болезнь. Ты все время (и раньше, до болезни) говорил: «Как хорошо дома!» Да, всем нам дома, действительно, было очень хорошо!

Говорят, что незаменимых людей не бывает. Это не так. Твой уход – не просто утрата. Это невозполнимая утрата для всех – для студентов, для коллег, для кафедры, для университета в целом. Но, прежде всего, для нас – твоих родных, твоей семьи. И мы, сколько будем жить, будем тебя любить! Любить искренне, беззаветно и уже, к сожалению, безответно.

От всей души хочу поблагодарить всех, кто принял участие в составлении этого сборника, кто написал и разместил здесь научную статью или очерк в память о тебе.

И тем, кто собирался написать, но по каким-либо причинам не сделал этого, тоже спасибо, хотя бы за то, что под воздействием эмоций, связанных с твоей смертью, дали на это согласие, но потом под разными предлогами отступились. Я знаю, ты их простил бы. И даже, скорее всего, не обратил бы внимания. Понятно, нет времени, либо еще какие-то причины. В любом случае, твое отношение ко всем, с кем ты работал, кого учил, останется неизменным – уважение, симпатия, любовь.

Уверена, у каждого, кто знал тебя, ты останешься в памяти необыкновенным человеком – умным, авторитетным, обладающим чувством юмора, уважаемым, а главное – всегда думающим и переживающим не о себе, а о других!

*Твой любимый и любящий тебя человек, друг, жена, мама твоего сына,
Юлия Викторовна.*

*Ф.Ш. Терезулов,
д.п.н., профессор
(г. Уфа)*

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ

Прошло несколько месяцев со дня смерти профессора Марата Хабибовича Янборисова, а чувство потери всё не притупляется. В памяти коллег он стоит особняком. Есть люди, к которым тянутся, как к источнику мудрости, их словами дорожат, общение с ними считают праздником души, сотрудничество – редкой удачей в жизни. Он как раз из этой когорты.

Говорить о Марате Хабибовиче – это вспоминать о разных сторонах его многогранной деятельности, примечательных моментах его жизненного пути, в которых проявлялся его характер, отношение к профессии, к коллегам, к студентам и аспирантам. Особо можно отметить ироничность его речи и неиссякаемое чувство юмора. Эти его качества проявлялись во время заседаний Учёного совета университета, слушать его выступления было большим удовольствием.

Вне всякого сомнения, можно с уверенностью утверждать, что он был Личностью масштабной, развивающейся, постоянно ставящей перед собой смелые цели и их достигающей. Можно даже говорить о феномене Янборисова! Марат Хабибович обладал внутренним стержнем, вкладывая душу во всё, что делал. Оказывать поддержку коллегам было для него совершенно естественно, поэтому каждый из нас, я думаю, сохранил в памяти его облик. Скромность, деликатность, корректность были ему присущи в любых ситуациях, выдавая его подлинную интеллигентность, рыцарство духа и аристократизм. В этом, видимо, сказывались княжеские корни его предков.

Марат Хабибович Янборисов – уникальный человек, благородный во всех смыслах – и внешне, и внутренне. В моей памяти он останется, как удивительный человек, о котором, чем больше говоришь, тем еще больше остается, что сказать.

*А.И. Тимиргазиева,
к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

НАСТАВНИК В НАУКЕ И ЖИЗНИ

*«Хотя мы и смертны, мы не должны подчиняться тленным вещам,
но, насколько возможно, подниматься до бессмертия
и жить согласно с тем, что в нас есть лучшего»
Аристотель*

С Маратом Хабибовичем Янборисовым я познакомилась летом 2008 года на кафедре истории и экономической теории, куда я подошла с авторефератом диссертации. У меня было несколько адресов ученых, членов Диссертационного Совета, которых мне нужно было посетить и представить автореферат перед своей защитой. В числе этих ученых был профессор, доктор исторических наук М.Х. Янборисов. Помню деловую обстановку кабинета, обилие книг и стол, где размещались многочисленные пособия, учебные программы, методические разработки. Марат Хабибович встретил меня очень радушно, расспросив про тему научного исследования, сопутствующие сложности и месте работы. С первых же минут общения угадывался профессионал своего дела, энергичный, общительный, целеустремленный человек с отменным чувством юмора.

У него была какая-то особенная манера говорить – четко, лаконично, как и подобает настоящему педагогу. Сразу представлялось: вот он встает за кафедру, обозначает тему лекционного занятия, последовательно и методично раскрывает тему. И на преподавателя смотрят десятки внимательных глаз студентов. Расстались мы дружески. А после моей защиты в БГУ Марат Хабибович предложил войти в состав кафедры истории и экономической теории педагогического университета в качестве старшего преподавателя. Так начался новый этап в моей жизни – университетский, неразрывно связанный с заведующим кафедрой Янборисовым Маратом Хабибовичем.

Поддержка заведующего кафедрой и коллег благоприятно сказалась на

начале моих трудовых будней. Вообще, преподавательский труд является сложным, требующим большой физической отдачи и нервной энергии, высокой квалификации. Работа в вузе включает в себя и преподавание, и научно-исследовательскую деятельность, и проведение воспитательных мероприятий. Марат Хабибович неизменно подчеркивал, что роль преподавателя-обществоведа высшей школы, целью которого является не просто передача знаний, исключительно велика и многогранна. Он отмечал, что преподаватель общественных дисциплин должен быть личностью, уметь преподнести учебный материал слушателям не только складно, логично, но и интересно, доходчиво. Марат Хабибович сам не был сухим книжником, всецело замкнутым в науке, он любил жизнь, живое общение. Он был прямой человек, говоря с коллегами и студентами обыкновенным своим языком, очень ярким и образным. При публичном выступлении или проведении лекционных занятий, он овладевал слушателями всецело.

Забота о членах кафедры была его характерной чертой. Успехи кафедры глубоко радовали Марата Хабибовича, дела кафедры – это было то, чем он жил, что он любил, что его увлекало. При поддержке Марата Хабибовича мной были получены должность, а затем и звание доцента кафедры Отечественной истории. К тому времени кафедра истории и экономической теории была объединена с кафедрой Отечественной истории. Заведующим объединенной кафедры Отечественной истории стал профессор Марат Хабибович Янборисов. Труд коллектива кафедры никогда не оставался незамеченным Маратом Хабибовичем – каждого он старался выдвинуть, повысить, подтолкнуть вперед. Предметом его особой гордости было то, что все члены кафедры имели ученые звания профессоров и доцентов ВАК.

В деятельности кафедры регулярно случались периоды, которые требовали от ее сотрудников величайшего напряжения сил. Меня, помню, страшно изумляла необычайная работоспособность Марата Хабибовича. Он мог задерживаться за работой на кафедре до глубокого вечера, параллельно намечая дальнейшие пути решения той или иной проблемы. Громадная увлеченность работой была соединена у него с весьма трезвой оценкой ее практических результатов.

Говоря о затрате сил при разрешении каждого вопроса, он прибавлял: «Мы живем в реальном мире». Важным для него было не дать текущим делам захлестнуть нас подобно тому, как захлестывают волны неуправляемую лодку на быстром течении. Иначе снесет в сторону от главных вопросов обучения студентов-будущих учителей. А ведь в памяти всегда остается именно главное – интересные лекции, взаимодействие со студентом при подготовке им научной работы, живое общение со студентами или коллегами, слова поддержки, сказанные в нужный момент, общая атмосфера дружного, спаянного, творчески мыслящего коллектива, а не просто исполнителей учебной программы. Заваленный массой работы, Марат Хабибович находил время ободрить каждого коллегу, поинтересоваться его здоровьем и не нужно ли ему чего.

Особое внимание Марат Хабибович уделял подготовке выпускных квалификационных работ. Во время предзащиты, слушая выступающего, он схватывал самую суть, сразу же внося определенные коррективы. В своем заключительном слове он великолепно резюмировал все выступления, все существенное, что было в них сказано, и предлагал обдуманное и обоснованное решение. Нечего и говорить, что прежде всего он требовал от дипломников основательного знакомства с освещаемым вопросом. Второе его требование: соответствие текста нормам русского языка, отсутствие стилистических, грамматических и пунктуационных ошибок. Можно сказать, что Марат Хабибович был строгим редактором, но отнюдь не придирчивым, ограничиваясь безусловным минимумом исправлений. Однако, если это было необходимо, он требовал и многократной переделки научного исследования.

Конфуций когда-то сказал: «Кто постигает новое, лелея старое, тот может быть учителем». Думается, в немалой степени это применимо к принципам Марата Хабибовича. Обладая хорошим логическим мышлением и умением анализировать причинно-следственные связи, он старался сохранить то лучшее, что было создано предыдущим поколением деятелей науки, хорошо подумать перед тем, как предпринять что-то кардинально новое и ранее неизвестное. При этом

он постоянно осваивал новые методы и технологии, обусловленные реалиями быстро меняющегося современного общества.

Подобный взвешенный и рациональный подход к организации работы всегда давал свои положительные плоды. Как сейчас помню, насколько обстоятельно Марат Хабибович объяснял характер того или иного нового вопроса на заседаниях кафедры, четко формулировал цели и задачи, определял фронт работ.

Вспоминая о таком удивительном человеке, как Марат Хабибович Янборисов, нельзя, конечно, охватить полностью всю многогранность его личности, исключительную человечность, сочетающуюся со смелостью, требовательностью, целеустремленностью и трудолюбием. В голове проносится вереница воспоминаний – проведение Уроков мужества, когда еще на этапе организации Марат Хабибович старался, чтобы они прошли на максимально высоком уровне; совместные с коллективом праздники, где у него всегда была роль ведущего; посещение музеев и торжественных мероприятий; первые записи видеолекций, при которых Марат Хабибович всей душой болел за членов своей кафедры. Он умел находить выход в сложных ситуациях и не терял при этом бодрости духа, позитивного настроения. «Будем царапаться!» – так он обычно говорил нам, членам кафедры, при непростых обстоятельствах. И мы, вооружившись терпением, изрядной долей юмора, продолжали работать и преодолевать трудности.

Думаю, Марат Хабибович был на редкость счастливым человеком. Его трудно представить вне семьи, которая была его надежным тылом и опорой. Он очень гордился успехами своего сына Тимура и, безусловно, возлагал на него большие надежды и желал дальнейших успехов. Вот таким для меня и оставался Марат Хабибович – педагогом, тружеником, правдолюбом, семьянином, гуманистом, увлеченным историком.

Марат Хабибович не любил жаловаться на здоровье. Когда он неожиданно снизил свою учебную нагрузку на кафедре в связи с болезнью, казалось, это временный шаг, еще немного и все вернется на круги своя... Оставались телефонные звонки, обсуждение текущих дел на кафедре и предстоящих защит, надежды

на скорейшее выздоровление. Мы все знали, что Марат Хабибович борется за жизнь и уповали на лучшее.

В то январское утро Рустам Закирович Алмаев известил нас о том, что сегодня в 4.30 ушел из жизни Марат Хабибович Янборисов. Помню то мучительное ощущение внезапной утраты, которое я испытала в тот момент. И это странное чувство, что Марата Хабибовича нет среди нас. Принять уход и осознать конечность времени невыносимо тяжело. Однако у меня постоянно такое впечатление, как будто он жив, но в долгосрочном отъезде. Вот-вот сейчас вернется, деловито поздоровается, энергично подаст руку для рукопожатия коллегам-мужчинам, задаст мне вопрос: «Как дела?» и расскажет всем о предстоящих делах, новостях, событиях.

Древняя мудрость гласит, что человек живет до тех пор, пока о нем помнят другие. Я благодарна судьбе за то, что мне в течение тринадцати лет посчастливилось трудиться и общаться с Маратом Хабибовичем. Он был моим неизменным наставником в науке и в жизни, а это никогда не забудется – он оставил о себе самую долгую и добрую память...

*А.О. Умилиная,
лаборант кафедры Отечественной истории Башкирского
государственного педагогического университета им. М.Акумлы
в 2014-2018 гг., магистр истории
(г. Уфа)*

О МАРАТЕ ХАБИБОВИЧЕ

*«Счастье – это когда утром
хочется на работу, а вечером – домой»*

Советский актер Е.П. Леонов

Мне кажется, такое понимание человеческого счастья напрямую подходит к жизни и деятельности безвременно покинувшего нас профессора Марата Хабибовича Янборисова.

Мое довольно-таки продолжительное общение с профессором М.Х. Янборисовым связано с обучением (2012-2014 гг.) и работой лаборантом кафедры Отечественной истории Института исторического и правового образования

(2014-2018 гг.). Тогда, в далеком 2012 году, мне, выпускнице специалитета художественно-графического факультета БГПУ им. М. Акмуллы, предстояло определиться с выбором магистратуры. К тому времени у меня отсутствовало четкое понимание дальнейших перспектив обучения. Это был рискованный, но как оказалось, успешный «эксперимент» с моей стороны, когда молодой человек или девушка резко меняют профиль обучения.

Принято считать, что первое впечатление играет решающую роль в отношениях людей друг к другу в дальнейшем. Марат Хабибович оказался человеком чрезвычайно простым, общительным, любящим пошутить и хорошо понимающим юмор. Но одновременно в нем чувствовалась и какая-то внутренняя сила, огромная целенаправленность, способность полностью концентрироваться на поставленной цели. Уже при первом знакомстве Янборисов меня поддержал, одобрил выбор профессии, за что я бесконечно благодарна ему и всем его коллегам, с которыми я познакомилась позже, и которые также поддержали меня – художника по первой специальности. И тогда, и сейчас я прекрасно понимаю, как тяжело подготовить знающего и грамотного специалиста, а тем более человека, у которого совершенно другое образование и базовая подготовка. Но совместными усилиями всего коллектива профессорско-преподавательского состава всё получилось.

Я не только с большим удовольствием училась в магистратуре, но ещё и просто влюбилась в Институт и во всех его преподавателей и сотрудников. Хочется выразить особую благодарность моему научному руководителю (к сожалению, уже покойному) Марату Арыслановичу Маннанову. С его помощью я защитила магистерскую диссертацию на тему «Вклад художественно-графического факультета БГПУ им. М. Акмуллы в развитие художественного образования в Республике Башкортостан».

Ближе к окончанию обучения я поняла, что мне не хочется расставаться с преподавателями, к тому же на кафедре Отечественной истории освободилось

место лаборанта. Так я из магистранта стала сотрудником Института, а Марат Хабибович моим непосредственным руководителем.

Первые месяцы работы выпали на подготовку к аккредитации вуза по программам бакалавриата и магистратуры (через год мы готовились уже к аккредитации аспирантуры). Несмотря на то, что работы, в связи с этим, было очень много, мы все работали очень четко и слаженно, и естественно, что мы все успешно аккредитовали свои программы. И в этом, конечно же, большая заслуга как всех преподавателей нашей кафедры, так и самого Марата Хабибовича, который всегда вникал во все тонкости (он никогда не подписывал ни одну бумагу без того, чтобы не прочитать и не проверить смысл текста), советовался со своими коллегами и подчиненными, анализировал, находил решения как лучше, эффективнее и быстрее решить вопросы с наименьшими потерями.

Марат Хабибович прекрасно использовал потенциальные возможности преподавателей кафедры и в связи с этим ставил перед ними те задачи, которые они могли успешно решить. Например, ответственность, дотошность и принципиальность – это наиболее сильные стороны Р.З. Алмаева. Поэтому именно он, по сути исполняя обязанности заместителя заведующего кафедрой, отвечал за сбор учебно-методических комплексов (УМК). Другой не менее ответственный и опытный преподаватель – М.А. Маннанов, кстати бывший проректор, составлял учебные планы, обеспечивая будущую нагрузку кафедры.

В эти годы на базе кафедры создается научно-образовательная лаборатория патриотического воспитания молодёжи. Первым проектом стало проведение большой республиканской конференции по патриотическому воспитанию. В ней приняли участие не только преподаватели и сотрудники Университета (в первую очередь Института исторического и правового образования), но и руководители различных ветеранских организаций, патриотических, детско-юношеских клубов, представители Управления образования г. Уфы, министерства образования Рес-

публики Башкортостан и т.д. Работали над этим проектом мы вместе всей кафедрой. Итогом стала разработка проекта Концепции патриотического воспитания РБ – совместный труд профессора М.Х. Янборисова и доцента М.А. Маннанова.

Хотелось бы отдельно отметить высочайший уровень взаимопонимания между этими людьми. Когда они вместе работали, стояла абсолютная тишина, такая тишина, что мы заглядывали в кабинет, чтобы посмотреть там ли они. В шутку, а в каждой шутке есть доля правды, я называла их братья-телепаты. Мне казалось, что они понимали друг друга не то, что с полуслова, а с полувзгляда. Очень часто, когда я заглядывала в кабинет, я видела, как Марат Арысланович сидел и печатал на компьютере, а Марат Хабибович писал на бумаге. Между собой они не разговаривали в такие моменты (это было крайне редко во время работы), а просто переглядывались. Посмотрят друг на друга и снова уткнутся – один в компьютер, а другой в свой лист. Позже я как-то спросила у Марата Хабибовича, как им это удавалось, он помолчал немного и сказал, что просто они хорошо понимают друг друга.

Потеря Марата Арыслановича стала ударом для нас всех, его семьи, преподавателей и конечно же для студентов. Тяжелее всего эту потерю переживал Марат Хабибович (мне кажется он до конца жизни не оправился от потери ближайшего друга), хотя он старался этого не показывать. Отличительная черта моего заведующего, он никогда не показывал своих переживаний, как бы тяжело ему не было. Всегда старался поддержать всех в любой ситуации, старался отвлечь как мог от тяжелых мыслей.

Портрет профессора М.Х. Янборисова можно охарактеризовать двумя фразами: «он защищал» и «он заботился». На моей памяти был случай, когда на одном из новых факультетов у преподавателей нашей кафедры (не помню точно, то ли у Алины Ирнисовны, то ли у Айгуль Борисовны) возникли проблемы со студентами. Начиная от соблюдения дисциплины на занятиях и вплоть до конфликтных ситуаций в плане межличностного общения студентов. Тогда Марат

Хабибович, дабы защитить свою коллегу, сам пошел работать на этот факультет, наведя необходимый порядок.

Вспоминается его доброта и либеральное отношение к студентам во время экзаменов. Были случаи во время пересдач, когда ответы ребят явно не тянули на положительную оценку. Однако Марат Хабибович, как председатель комиссии, всегда предлагал дать студентам шанс. Члены комиссии не могли отказать ему в этом решении.

Во время совместной работы на кафедре мы очень подружились. У нас с Маратом Хабибовичем был схожий взгляд на многие вещи. Когда у меня возникали сложные вопросы во время работы, Марат Хабибович всегда давал мне полезные советы. В каких-то случаях просто успокаивал, в каких-то начинал смеяться. Этот приём он использовал очень часто, особенно когда замечал, что я переживаю или на кого-то сержусь. На мой взгляд, он был очень демократичным, справедливым человеком и руководителем. Никогда не давил своим авторитетом, старался выслушать точку зрения каждого прежде, чем принять решение, даже мою. Это говорит о его врожденном таланте психолога.

По сей день я общаюсь с лаборантами кафедры, работавшими до и после меня (с одной из них – Женей Кузнецовой, мы дружим уже несколько лет) и всегда вспоминаем Марата Хабибовича, как большого гуманиста и приятного человека. Он вообще был как солнышко, к которому одинаково тянулись все независимо от возраста. Его глаза излучали тепло!

За годы работы на кафедре Марат Хабибович сумел создать особую семейную атмосферу, что располагало к плодотворной работе. В нем была заложена потребность передавать людям свежие мысли, интересные идеи, позитивное отношение. Он старался не только ради себя, а для всех. Таким профессор М.Х. Янборисов и останется в моей памяти.

В.С. Хазиев,
*д. филос. н., профессор кафедры права и обществознания
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

**«НЕТ ЧЕЛОВЕКА – НЕТ ИСТОРИИ».
О ДРУЖЕСКИХ БЕСЕДАХ -СПОРАХ
С ПРОФЕССОРОМ М.Х. ЯНБОРИСОВЫМ**

«Нет человека – нет истории», так можно назвать суть наших долгих (более двух десятков лет) бесед-споров с Янборисовым Марат Хабибовичем. Эта статья и не научная, и не биографическая. Или наоборот: и та, и другая. Но предварительно необходимо сказать несколько слов *pro domo sua*. Не только старые социальные нормы подверглись в последние десятилетия безобразному опустошению, но и вся духовная жизнь как общества, так и отдельных людей. Но тщетно осаждают вектор времени, возврата в прошлое нет. Это уже прошлое и страны, и индивидуальных судеб. Боль затухает, но жизнь людей, кому сейчас за шестьдесят, в большинстве это уже атавизмы, реликты и рудименты. Темнота прошлого превращает в бесконечное далекое все, что нам казалось вечным, абсолютно истинным и бесценным.

Я специально несколько драматизирую, чтобы была понятной суть тезиса, вынесенного в заглавие. Наши кафедры (истории Отечества и Философии) соседствовали. У заведующих были отдельные кабинеты, где и проходили наши беседы за чашкой чая в перерывах между занятиями. С этой чашки чая (и не только чая) и начались наши беседы-споры.

В конце девяностых годов прошлого столетия в нашем, тогда еще педагогическом институте, сложилась «могучая кучка» профессоров из двух межфакультетских, двух «физматовских», и двух «егфских» кафедр. Симпатии возникают не от ума, а от чего-то, о чем не знают ни психологи, ни теологи. Созванивались, собирались в перерывах или после занятий, играли в шахматы, пили чай, кофе. Что крепче, приносили, кто что мог. Эта бутылка оставалась не раскупоренной порой неделями. Она и стала первым «суперкамнем» в фундаменте нашего общения с Марат Хабибовичем на долгие годы. Когда я заметил, что со-

держание этой бутылки в ходе наших профессорских посиделок стало прогрессирующе аккумулироваться в одном из наших коллег (в человеке очень талантливым, трудолюбивом, жизнерадостном, добром, дружелюбном, веселом...), я обратился к Марату Хабибовичу с разговором о том, что у нас на глазах талантливый человек «пропадает», и нам, вроде, как бы друзьям, надо бы помочь остановить этот разбег в никуда.

Тогда я впервые обратил внимание на взгляд: молчаливый, долгий, задумчивый, как бы недоумевающий, удивленный и с иронией... Оба разговора меня огорчили, и я пожалел, что их затеял. Убивает не труд, а пустой результат. Хотя нет... Результаты были. Я стал реже появляться на посиделках, хотя никто не демонстрировал бойкот. Встречи эти сами собой закончились, когда скоропостижно ушел из жизни «душа» этих посиделок. Не только талантливый математик, но и талантливый коммуникатор, т.е. человек, способный собрать около себя таких очень разных людей по характеру, специальности, увлечениям, ценностям, идеалам и т.д. А отношения с коллегой, о ком была речь, после разговора с ним (который «по душам» не получился) оставались вежливыми, уважительными, безвредными, но всегда в остатки с малюсенькой льдинкой на доньшке... И еще один для меня в какой-то степени неожиданный результат.

Примерно через неделю, зашел ко мне Марат Хабибович и сказал: «Я тоже поговорил...». Это «тоже» и тон, мне сказали, что коллега, вероятно, с обидой ответил, «чего вы все лезете ко мне со своими нравоучениями» или что-то в этом роде. После этого дня мы, не сговариваясь, перешли с Маратом на «ты». И последнее из этой биографической части статьи. После смерти (не от алкоголизма) двух наших коллег из «могучий кучки» из моего сейфа навсегда исчезла бутылка «дежурного» для неожиданных гостей коньяка, думаю, у Марата, если она была, – тоже.

Деликатность, порядочность, искренность, серьезное отношение к людям, близким и чужим, к себе, к событиям, к профессии – все это и многие другие достоинства профессора Янборисова М.Х. известны всем, с кем он жил, работал, общался. А его ирония – останется легендой! Жаль, что не нашелся специалист по этой области, который не изучил, не подверг специальному анализу, не раз-

работал методику, не сделал учебной дисциплиной «ЯНБОРИСОВОИРОНОЛОГИЮ». За свои 70 лет я не видел и не слышал такой тонкой, умной, ДЕЛИКАТНОЙ иронии. На грани фола! Никто не обижался, не сердился, хотя подтекст, кто мог это понимать, мог колоть весьма остро, сильно и больно!.. Это был дар божий и надо было уметь еще им пользоваться!..

Когда не стало посиделок, мы «умничали» только вдвоем. Предметов «умничания» было много, но остановлюсь лишь на двух: что такое история и что такое человек?

Первая. Долго и горячо спорили о том, что такое ИСТОРИЯ?

Напоминаю, эта статья не специально научная. Ссылки, доказательства, да и многие логические аргументы – все я пропускаю. И не помню уже в деталях, кто и как отстаивал свою точку зрения, да и не так уж это в данном случае важно. Радость была в другом: никто и ничто нас не лимитировало ни по теме, ни по содержанию бесед. Свобода от дискомфорта идеологии, стандартов научности, мнения «важных» и «умных» коллег, даже от критического мнения друг друга. Возможность быть самим собой без ограничений (божественных, социальных и индивидуальных) и предельно честно перед самим собой рассуждать, хотя бы раз в жизни и в волнующей душу области, – это нас сближало.

Долго спорили по поводу моего утверждения, что не все, что мы располагаем по хронологии можно назвать «историей» в точном смысле. Иначе смена времен года или дня и ночи – это тоже история. Посадка и сбор урожая в огороде – тоже история. Ну и так далее. «История» не все время существования гомо сапиенс на Земле. Не 60 или 40 тысяч лет, а в лучшем случае лишь последние 5-10 тысяч лет. Историей можно и нужно назвать лишь период цивилизованного бытия людей на планете. То есть история возникла с того момента, когда появились разделение труда на умственный и физический, эксплуатация, государство, политика, мораль, религия, познание, письменность, когда доисторическое бытие людей породило нечто противоположное тому, что до этого было и происходило с людьми. До этого: люди были, а их истории нет. Точка «исторического нуля». Для этого периода нужно придумать новый термин. «Преистория» – понятие, адекватно передающее смысл, но не выражающее специфики этого сегмента су-

ществования гомо сапиенс на Земле. История – это самостоятельный социальный субстрат бытия людей, а не размазанное по времени существование и расположенная вагончик к вагончику (кумулятивно) цепь событий.

Засиживались за спорами иногда подолгу. Как оправдывался и оправдывался ли Марат перед женой, я не знаю, а я все спихивал на «множество документов», которые заведующему обязательно нужно заполнять.

Мне приходилось слышать упреки «в пустом оригинальничании». Я и перестал быть искренним среди «умных и нормальных». Писал диссертации, монографии, статьи в научные журналы, а для души наука была только в наших дискуссиях. Горячились и, переходя на личности, начинали эмоционально и громко уже не беседовать, а кричать друг на друга примерно в таких выражениях и формах: «только историки, больные от рождения микроцефалией», могут не замечать простой вещи, лежащей у них под носом: история человечества УСКОРЯЕТСЯ. Древние века длиннее Средних, Средние – Новых веков, а Новейшие века короче периода Нового времени. В рамках стандартизованного темпа и ритма физического времени река истории убыстряет свой бег. Материальные тела и события остаются прежними, что же тогда ускоряется! Социальное время (история) не константна.

И все начиналось сначала... В чем-то мнения сходились, чаще расходились, чтобы опять нащупать новые точки конвергенции взглядов. В одном единодушно сходились оба: не только в исторических науках, но и в суждении о том, как много повсеместно наплодилось «быдла», которое диктует «моду», как правильно мыслить и понимать историю. Вероятно, в этом сквозила обида, что нас только двое, а хотелось, чтобы размышляющих так, как мы, было бы больше. Дело не в славе великих оригиналов, даже не в научной истине, а в чем-то глубинном и искреннем, что деятельность ученого и жизнь любого человека имеет... особый смысл, а не есть повседневные мучения за кусок хлеба насущного для себя и семьи.

Эта статья не мемуары и не монография, а просто фрагмент из общения двух коллег, который, может быть, у кого-то вызовет интерес или подтолкнет к каким-либо своим раздумьям...

Итак, первый предмет наших споров был вопрос – что такое ИСТОРИЯ?

Классически сформулированного ответа мы не получили, каждый остался во многом при своих представлениях, но некий общий контур все-таки сложился. История – изменяющийся процесс развития человеческого общества. Акцент при этом не на трансформациях общества, а на характере, сути, особенностях самого «развития». Вместе с кумуляцией предметного содержания социума, эволюционирует и характер самой эволюции.

История – учение не о содержании суеты земного странствия человечества, а об этой самой суете. Марат Хабибовичу принадлежат мысли-реплики: «пока есть активная жизнь общества – истории нет. История – это умершая жизнь, остановившееся время». И образные примеры. «Пока река течет, у нее нет истории. Если она промерзнет до дна, и все в ней остановится, тогда можно говорить об ее истории». То есть о том, что и как происходило: история есть остановившийся процесс бытия людей и социума.

Я пытаюсь упорядочить материал, чтобы логика изложения отражала логику предмета наших дискуссий. Реальные наши беседы-споры начинались с любого фрагмента и часто заканчивались также на вопросах. Если ИСТОРИЯ – это какой-то сегмент, момент, слой, уровень, элемент бытия людей на Земле, то, что такое ЧЕЛОВЕК? Я даже сейчас боюсь выйти «на люди» с этим дискурсом из нашего с Маратом кабинета. Вот, скажут, дожилась профессор философии... свихнувшись на старости лет. Нет коллеги, это – не старческий маразм. Это тогда была смелость молодого ума задавать вопросы о том, что для здравого смысла (обыденного, профанного, тварного сознания) было очевидным и истинным. Но озвучивать их официально, как я теперь понимаю, не хватило смелости ни у Марата, ни у меня...

Вопрос второй, «что есть ЧЕЛОВЕК» прямым приводит к другой загадке: откуда гомо сапиенс взялся? Характер общения предполагал, что мы задавали друг другу вопросы, не боясь показаться невежественными или глупыми. О чем захотелось, то и спросил. Много интересного из области неофициальных исторических источников я почерпнул из рассказов Марата Хабибовича. К его информации у меня доверия больше, чем к массе официальных источников. Например, для меня Аркаим с его подачи – это талантливая фальсификация, а не пра-родина ариев. Я знаю по Янборисову, почему медный век в классификации

раньше, чем железный. Хотя у каких-то народов железные орудия могли быть на столетия раньше бронзовых вещей. Железо, оказывается, бывает в открытом виде на поверхности, а бронза требует сложной металлургической и химической процедуры. Ну и многое другое, что вкрявь и вкось не совпадает с устоявшимися официальными взглядами на прошлое человечества.

Кто захочет получить более детальную информацию, рекомендуем замечательную книгу Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Многие наши позиции синхронны идеям этого великого исследователя или даже заимствованы у этого талантливейшего и энциклопедично образованного ученого. Например, мы полностью принимаем его видовую классификацию рода неандертальцев: южный, классический, пресапиементный, переходной. Мы также считаем, что все они ЖИВОТНЫЕ, но не обезьяны.

Когда речь шла о человеке, Марат чаще слушал, но не молчал. Он умел молчать так, что помогало и стимулировало мышление больше, чем долгие и длинные речи.

Палеоантропы (неандертальцы) были: стадными, прямоходящими, использующими костные, деревянные, каменные орудия, в более позднее время использовали, возможно, и огонь для вытапливания из костей животных костный мозг (доходит у травоядных до 6% собственного веса), в трудные периоды природных кризисов не исключена была и адельфофагия (отсюда и растут ноги потом имевшегося уже у людей каннибализма), более частыми, чем у других животных, возможно, были и звуковые контакты.

Краеугольным камнем, отделившим людей от палеоантропов, считает Б.Ф. Поршнева (у него много сторонников) была РЕЧЬ.

Мы с Маратом долго спорили, но хочу верить, что я немного склонил его к своей позиции. Рубикон был пройден намного раньше до появления речи, пусть даже без суггестивного уровня, чисто интердиктивной речи. Оставляю за скобками теории о том, как проявилось семейство с одним единственным родом и видом *Homo sapiens*. Интереснейшие концепции о том, как изменился мозг, и откуда появились передние лобные доли, ставшие диспетчерским пунктом для трансформации раздражений нейронов головного мозга, мыслей, слов, повелений и т.д.

Естественное появление Человека на Земле – загадка, тайна, которую еще

предстоит решать в области рационального и иррационального (эзотерического) мышления. Поэтому не будет особым нахальством предлагать, хотя бы в некоторых деталях, свое видение этой проблемы. Такая позиция нас и сблизила. Благодаря судьбу, соединившую на некоторое время наши жизни как коллег и соседей. Это была не дружба, а нечто иное и для меня значимее. Без дружбы, оказывается, можно жить. Вчерашние друзья не обязательно стали врагами, они ушли своей дорогой и идут. Они без меня, и я без них. Живем. А Марат стал частью моего сознания (если хотите, души), с которым я продолжаю общаться, спорить, радоваться, иронизировать над собой и другими, ругаться, смеяться – одним словом, жить.

Земная жизнь человека коротка. Мы об этом не так часто, но говорили с Маратом. Сожалели, что «бытность» нашего существования не позволила нам общаться со всеми коллегами, как хотелось. Может, докопались бы до более конкретных истин. С иронией Марат говорил: «Ладно, оставим и ученикам нашим что-то... Пусть тоже думают».

*Э.Ш. Хамитов,
д.п.н, профессор, советник ректора
Башкирского государственного
педагогического университета
им. М. Акмуллы
(г. Уфа)*

«ОТ ТОЛКОВОГО АССИСТЕНТА ДО МАСТИТОГО ПРОФЕССОРА»

Марат Хабибович Янборисов – один из самых заслуженных и авторитетных преподавателей Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, человек, к которому, несомненно, всегда с большим уважением относились и коллеги, и студенты. Его вклад в становление и развитие Акмуллинского университета был и остается исключительно весомым. Здесь он проработал более 45 лет. Очень больно говорить об уходе одного из ведущих педагогов, активного и талантливом исследователя, достойного уважения гражданина, патриота своей страны.

Марат Хабибович – носитель высокого педагогического таланта и фундаментальных знаний. Он один из самых ярких представителей исторической науки в нашей республике. Поэтому необходим анализ его опыта и достижений. Это долг тех, кто общался, трудился рядом с ним.

Хотелось бы поделиться впечатлениями о нем, которые сложились за десятилетия совместного труда, человеческого общения. М.Х. Янборисов всегда активно участвовал в жизни вуза, в работе Ученого совета университета. Вспоминаю, как довольно часто по ходу обсуждения сложных вузовских проблем он высказывал короткие реплики, по сути емкие, острые. Многие из этих ремарок по учебной, научной или воспитательной работе оказывались ценнее самих выступлений, как правило, всегда поддерживались коллегами. Выступал Марат Хабибович нечасто, но, когда обсуждались важные и сложные проблемы, он никогда не оставался в стороне, принимая активное участие.

Не так давно, при обсуждении проблем развития образования, его выступление о введении новых образовательных технологий, о стандартах профессионально-педагогического образования имело очень большое значение для принятия Ученым советом университета соответствующей резолюции. Позже выяснилось, что тезисы его выступления опередили подходы управленческих решений в области образования в стране. Эта способность правильно оценивать ситуацию в профессиональной сфере связана с тем, как складывалась биография профессора М.Х. Янборисова, его становлением.

Профессорско-преподавательский состав университета имеет ряд особенностей (высокая образованность, стремление к профессиональному саморазвитию, ответственность). Здесь особенное значение имеет процесс формирования профессиональных качеств начинающих преподавателей. У Марата Хабибовича этот процесс был очень стремительным – от толкового ассистента до маститого профессора он вырос очень быстро и уверенно, хотя на такое становление, как правило, уходит очень много времени и сил. Эта его особенность связана с его исследовательскими и педагогическими талантами и на практике встречается не так уж часто.

После открытия педагогического института самым сложным было решение проблем организации образовательного процесса и формирования кадрового состава. Научно-исследовательский потенциал вуза формировался очень тяжело, специалистов насчитывалось очень мало. Конечно, приглашались специалисты из других вузов, но их было недостаточно. Поэтому ставилась задача отбора кадров из выпускников разных вузов и направления их в аспирантуру. Одним из самых ярких в группе этих преподавателей являлся выпускник исторического факультета БГУ Марат Хабибович Янборисов. Успешно защитив сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию в МГПУ им. В.И. Ленина, он стал одним из самых авторитетных и любимых студентами преподавателей, сочетающих высокий профессионализм как педагога, так и исследователя с прекрасным чувством юмора, что позволяло ему читать один из лучших в университете курсов лекций по отечественной истории.

Марат Хабибович долгие годы был заведующим кафедрой истории и экономической теории, кафедрой Отечественной истории Института исторического и правового образования БГПУ им. М.Акмуллы, определяя пути развития исторического образования студентов в университете. Марат Хабибович был членом Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по Отечественной истории при Башкирском государственном университете, в котором защищали свои диссертации многие известные в республике историки Башкортостана.

За время работы в университете Марат Хабибович много сделал для подготовки кадров для системы образования республики, делая это, как и все, чем он занимался, очень талантливо, неспешно и профессионально.

Память о М.Х. Янборисове, как о прекрасном человеке, ученом и организаторе образования сохранится навсегда в сердцах коллег и студентов, всех, кто его знал и имел счастье общаться с ним.

Т.М. Янборисов
*студент 4 курса Института исторического,
правового и социально-гуманитарного образования
Башкирского государственного педагогического университета им.
М. Акмуллы
(г. Уфа)*

«ПРОФЕССОР ЯНБОРИСОВ МАРАТ ХАБИБОВИЧ – МОЙ ПАПА, ДРУГ И УЧИТЕЛЬ»

Начиная писать свою статью о Папе, я не подозревал, что это будет столь сложное психологическое испытание, ибо каждое слово, каждое предложение погружают меня в бесконечно теплые, счастливые воспоминания о прекрасных моментах жизни нашей семьи. Но затем возвращается осознание того, что таких моментов больше уже никогда не будет...

Я решил написать о Марате Хабибовиче как бы с двух точек зрения: как студент о профессоре и как сын об отце. Однако эти две реальности столь близки друг к другу, что я не стал делать четкого разграничения между ними, они плотно переплетены – дома не только Папа, но и профессор, в университете – не только профессор, но и Папа.

Данная статья не содержит описания каких-то фактов и событий, разбитых по определенной тематике, либо в хронологическом порядке. В какой последовательности вспоминалось, так и писал.

Наша семья очень маленькая – Папа, Мама и я. Так сложилось, что мое детство и юность были связаны с работой Марата Хабибовича. Даже когда я был еще совсем малышом (3-4 годика), мне всегда были интересны папины дела. Хорошо помню, как дома он что-то писал, готовил различные документы, как, доставая черную записную книжку, поднимал трубку домашнего телефона (в начале 2000-х годов сотовые телефоны еще не были массовым явлением) и звонил коллегам по рабочим вопросам. Тональность этих разговоров далеко не часто была мягкой и доброй, как правило – наоборот. Все зависело от обстоятельств. Но, как я понял, чтобы чем-то управлять, даже небольшим коллективом, не всегда получается быть добрым и деликатным, нужно порой быть жестким и требовательным.

В этом же ключе Марату Хабибовичу приходилось иногда вести деловые переговоры не только с подчиненными, но и с руководством университета. Такие способы решения вопросов, когда следовало быть твердым и непреклонным (либо по телефону или непосредственно во время визитов к «начальству»), мы обозначали выражением «биться за кафедру», а значит, и за каждого из ее членов. Здесь хотелось бы выделить одно из главных личностных качеств Марата Хабибовича – ответственность. Нести ответственность за все и за всех – это для него некий жизненный принцип. Находясь на должности заведующего кафедрой, Марат Хабибович прекрасно понимал – он не может никого подставить, подвести, не выполнить обязательств, а при необходимости – не защитить.

Мне повезло, часть моего детства прошла достаточно необычно и очень интересно – в стенах педагогического университета. Меня по какой-то причине не отводили в детский сад, и, если мама была занята, то тогда Папа брал меня на работу, где в круг моего общения «входили» профессора, кандидаты наук, известные ученые и педагоги – папины коллеги и друзья. Для меня было счастьем общаться с этими умными, образованнейшими людьми, которые замечательно относились к Марату Хабибовичу, а, следовательно, и к «сыну Янборисова». Наверное, картина, когда идет по коридору доктор наук, профессор, а за ним плетется трехлетний ребенок, вызывала умиление и симпатию. До сих пор я прекрасно помню то время (примерно 2002-2003 годы), когда перед работой мы заходили с папой в первый (административный) корпус, в кабинет ректора университета Эдуарда Шайхулловича Хамитова, где я иногда в качестве приветствия шутливо и достаточно театрально снимал шапку и с глубоким уважением произносил: «Здравствуйте, Эдуард Шайхуллович», что всегда вызывало у него улыбку. Как-то раз он мне даже подарил небольшое украшение в виде стеклянного домика, которое у меня до сих пор сохранилось. После визита к ректору мы непременно заходили и к проректору Раилю Мирваевичу Асадуллинину, который всегда говорил Папе «О, Марат Хабибович, ты сегодня с маленьким Янборисовым?».

Далее мы шли во второй, родной для Папы корпус. Тогда еще не было никаких турникетов и множества сотрудников охраны, без запинки повторяющих

лишь фразу: «Без пропуска нельзя». Вся охрана – это тетя Роза, сидевшая у дверей лифта и контролировавшая, чтобы им пользовались только преподаватели, а студенты должны были подниматься наверх пешком. И, если я видел тетю Розу, то знал, что сейчас будет увлекательнейшее для ребенка развлечение – подъем на лифте.

Шагая по коридору пятого этажа, первое, что неизменно делал Папа – дергал дверь кафедры вычислительной математики, чтобы узнать, на месте ли его близкий друг и коллега, доктор физико-математических наук, профессор Рамиль Мидхатович Асадуллин. Далее он шел на свою кафедру Отечественной истории и экономической теории, узнавал новости, давал какие-то распоряжения, обсуждал имеющиеся вопросы. Затем Папа вместе со мной заходил в свой личный кабинет, ныне это кафедра генетики.

Звенел звонок, а значит, Папе пора идти на занятие. Он совершенно спокойно меня оставлял в кабинете одного, закрыв на ключ, без каких-либо опасений. Были случаи, когда я оставался на кафедре вычислительной математики, и в перемены заведующий кафедрой Рамиль Мидхатович Асадуллин в качестве развлечения катал меня по коридору на своем кожаном кресле. Также Папа в этот период часто меня оставлял и на кафедре дефектологии, где я пил чай исключительно в женском обществе, однако чувствовал себя очень уверенно, даже пытался что-то рассказывать смешное и интересное. Все, как Папа учил.

Напротив кабинета Марата Хабибовича располагалась кафедра философии. Заведующий этой кафедрой профессор Валерий Семенович Хазиев часто заходил к нам в гости. И каждый раз с его приходом мне «перепали» какие-то подарки: мягкие игрушки, различные сувениры, но особенно запомнился небольшой глобус, изготовленный в ретроспективном стиле, напоминающем карты путешественников XVII-XVIII веков.

На этом же этаже располагался рабочий кабинет профессора Вадима Фатхиевича Сафина, которого Папа называл настоящей легендой научной общественности республики, талантливым психологом, блестящим ученым и преподавателем. Вадим Фатхиевич тоже часто заходил к нам и, увидев меня, шутил: «Что, Марат Хабибович, будущего историка воспитываешь?». Конечно, никто из нас не предполагал, что слова Вадима Фатхиевича окажутся столь пророческими.

А еще я очень любил просто пройтись с Папой по университету, наблюдая, как его приветствуют и здороваются все без исключения, кто шел нам навстречу – и преподаватели и студенты. Сейчас я понимаю, такое уважительное отношение Папа заслужил своим многолетним трудом, высочайшим уровнем профессионализма и, конечно же, своими личностными качествами. Например, Папа обладал исключительным и неповторимым чувством юмора. Это знали все. И, далеко не случайно, проректор Илья Викторович Кудинов во время одного из торжественных мероприятий сказал в адрес Марата Хабибовича: «Не знаю человека с лучшим чувством юмора!». И вот эти слова Папе очень запомнились. Они для него были даже важнее, чем, например, словосочетание «авторитетный ученый».

Без какого-либо преувеличения можно смело сказать, что Папа был яркой, харизматичной личностью, его имя знали не только в стенах Университета, но и далеко за его пределами. И, как он мне сам говорил, опять-таки с юмором: «У тебя отец не самый позорный». Очень часто и в школе, и в институте, да и в других различных организациях, называя свое имя – Янборисов Тимур, я получал вопрос в виде одного слова: «Маратович?», и отвечал – «Маратович!».

Хочу без излишней скромности отметить – я горжусь своим отцом. И еще... Я бесконечно благодарен Папе за то, что он все силы, энергию, время посвящал мне. Для него не существовало понятия «отдохнуть от семьи», выбраться куда-нибудь с друзьями и т.д. И он критиковал тех родителей, которые употребляли фразу «пожить для себя», так как просто не мог понять ее смысл. Нельзя точно определить – вот тут меня воспитывали, а здесь нет. Скорее, мы просто жили, постоянно общаясь, занимались своими домашними, учебными, рабочими и прочими делами, вместе решали возникающие проблемы. Наверное, с точки зрения педагогики, это и есть идеальная формула воспитания ребенка – невероятно простая, но, одновременно, сложная.

Будучи достаточно скромным человеком, Папа трезво оценивал свой авторитет в Университете. Это обстоятельство стало для него, своего рода, постоянным вызовом – опустить планку уже не представлялось возможным. Это – как блистательный певец, от которого всегда ожидают чего-то гениального. И он уже не может себе позволить спеть хуже. В противном случае, неизбежны разговоры, такие как: «Да, он уже не тот, что прежде», «Годы все-таки берут свое» и прочее.

Стало привычным, что все выступления Янборисова от самых коротких реплик до серьезных докладов – это всегда что-то очень глубокое по содержанию, яркое и экспрессивное. Папа понимал, что каждое последующее его выступление должно быть лучше предыдущего и прекрасно справлялся с этой задачей. Все его выступления – эталон настоящего профессионализма.

В доказательство вышесказанных слов я хотел бы привести два примера. Первый из них относится к лету-осени 2017 года. В это время во всех образовательных учреждениях нашей страны обсуждались тезисы о наступлении цифровой эпохи, которая в несколько раз улучшит качество образовательного процесса. Не стал исключением и наш университет, где было решено запустить новый формат учебных занятий – онлайн лекция. Преподаватель читает лекцию перед одной из студенческих групп в аудитории с видеокамерами, а ее одновременно смотрят и слушают дистанционно студенты со всех факультетов в прямом эфире.

Руководство университета решило, что премьерной онлайн лекцией будет лекция по Истории России и вести ее будет профессор Янборисов Марат Хабибович. Почему именно он? Дело в том, что «премьера» – это то, что всегда запоминается, что вызывает наибольший интерес и общественный резонанс. А значит, первая лекция должна пройти с блеском, следовательно, читать ее должен очень опытный преподаватель. Думаю, кандидатура Марата Хабибовича было принята без каких-либо сомнений. Папа прекрасно понимал, что, будучи первым выступающим в новом формате, должен провести не просто лекцию, а супер лекцию. Это то, чего от него ждут. Лекция состоялась 14 сентября 2017 года и, как и предполагалось, стала настоящим триумфом и для ее автора, и для кафедры, и для Университета в целом. Лекцию просмотрело огромное количество студентов и преподавателей.

Порой складывались обстоятельства, когда Папе приходилось выступать экспромтом. С этим связан второй пример. Это было осенью 2019 года во время проведения Ученого совета университета. Предметом обсуждения явилось появление инициативы московских вузов классифицировать высшие учебные заведения на главные (столичные) и на периферийные. И Папа, взяв слово, с ходу выступил с острой критикой подобного рода бессмысленных и даже вредных, на его взгляд, инициатив. Речь его была настолько яркой и эмоциональной, что в

конце ее прозвучали аплодисменты коллег – явление беспрецедентное для Ученого совета университета.

Существует мнение, что у людей, добивающихся высоких успехов в профессии, семья неизбежно остается на втором плане. Нет времени быть дома, общаться с ребенком и так далее. Для Папы это было просто невыносимо. И так замечательно сложилось, что его ум, мудрость, колоссальный жизненный опыт, личностные качества, все было вложено в мое воспитание. И если он находился на работе, то всегда, как можно скорее, спешил домой к семье. Наш дом был для него местом силы, спокойствия и счастья. И выражение «жить своей семьей» никогда не было для него некой обязанностью, ношей, бременем или каким-то испытанием. Нет, для него это было смыслом всей его жизни.

Мама мне рассказывала, что когда ей нужно было уйти из дома, со мной, годовалым ребенком с удовольствием оставался Папа, прекрасно справлялся со своей задачей, никогда не говорил, что устал после работы. Он знал, чем меня кормить, как одевать, играл со мной, что-то рассказывал, хотя я даже говорить еще не умел. А если я не мог уснуть, он ложился на диван, клал меня себе на живот и пел песню «Старый клен», после чего я очень быстро засыпал.

Много времени папа отводил моему «мужскому воспитанию», то есть решению хозяйственных и бытовых вопросов. Уже с самого раннего детства я помогал ему в наших домашних делах, подавал инструменты, был на подхвате. Любимейшие же наши занятия для отдыха – субботние походы в баню, а летом рыбалка. Время, когда мы действительно могли спокойно отдохнуть, поговорить по душам. В такие моменты все жизненные трудности как будто рассеивались.

Еще одна философская проблема, которая совершенно прошла мимо наших с папой взаимоотношений – это тургеневский вопрос «отцов и детей» и разницы в их взглядах. Действительно, почти не было случаев, чтобы образ наших мыслей, взглядов, идей были диаметрально противоположными. Более того, они были почти всегда абсолютно идентичны, несмотря на нашу с ним разницу в возрасте – почти полвека. Тем не менее, мы всегда с ним общались на одном языке. Существует выражение «понимать друг друга с полуслова», оно тоже про нас. Вот частая модель нашего разговора. Я: «Кстати, надо бы...», и он, перебив меня, отвечал: «Да, надо!».

И во всех ста процентах случаев мы говорили об одном и том же. А были случаи, когда могли общаться даже без слов. Так прекрасно знали друг друга, что по взгляду могли все понять. Мистики здесь никакой нет, просто мы очень много времени проводили вместе, как и должно быть у отца с сыном. Именно Папа сыграл решающую роль в моем профессиональном самоопределении. Я очень много раз наблюдал, как он ведет лекции, как готовит свои выступления. Зачастую перед каким-либо важным мероприятием свою речь он представлял дома, а я был, своего рода, первым слушателем, который давал оценку. Такие «репетиции» я очень любил. Дело в том, что я видел Папу уже глазами не сына, а студента, ибо просто так за столом он редко поднимал темы, например, культурного строительства СССР в 20-30 годы XX века. Нам и без этого всегда было о чем поговорить. И каждое его выступление я внимательно слушал, пытался проанализировать, понимая, что весь этот опыт рано или поздно мне пригодится.

И вот в 2017 году я поступил на исторический факультет БГПУ им. М. Акмуллы. Здесь полностью произошло наше с ним «профессиональное единение»: он давал мне советы, как, например, выступать на семинарах, конференциях, как писать научные статьи, а я всегда пытался ему помочь в кафедральных делах. Справедливости ради хотел бы заметить, что ни разу не просил Папу помочь мне со сдачей экзаменов или зачетов в период сессий, считая для себя это просто неприемлемым. Все делал сам, доказывая себе и другим, что учусь на «отлично» благодаря своему труду, а не потому, что я сын Янборисова. В последние годы, будучи студентом, я стал не только помощником, но и, фактически, ассистентом Папы. Помогая ему в работе, я получал неоценимый для своей будущей профессии опыт. Мы вместе печатали его лекции, научные статьи, различные кафедральные документы. Так он пытался во мне выработать навык грамотного, правильного стиля научного изложения материала. Порой у нас был специфичный метод. Напечатав документ, мы начинали его перечитывать и воспринимать на слух, как музыку, выявляя, словно фальшивые ноты, неподходящие слова и заменяя их на другие. Мы никогда не руководствовались принципом «и так неплохо», все доводилось до идеального состояния.

Психологи, возможно, могли бы назвать это перфекционизмом, мы же просто считали, что должны делать работу так, чтобы читатель не мог произнести

фразу «написано безграмотно». И вот в такой счастливой, радостной и светлой атмосфере прошли три года моей студенческой жизни.

Весной 2020 года стало известно о болезни Папы. И здесь он демонстрирует еще одно свое качество – истинное мужество. После постановки диагноза – ни слез, ни жалоб, ни отчаяния. Мужественное принятие. Не тратя ни минуты на переживания, вся наша семья, собравшись духом, вступает в схватку с этой чудовищной болезнью.

Мы и до этого времени были очень дружной семьей, но в тот момент сплотились, как никогда. Отбросив все негативное в сторону, решили биться с болезнью все вместе. Так и провели эти 9 месяцев втроем, как одно целое.

Помимо лечения мы с Папой занимались и другими делами – постоянно гуляли, продолжали решать какие-то бытовые проблемы. Летом несколько раз выезжали за город на машине. Ходили по магазинам, покупая что-нибудь ему и мне. И, конечно же, что-то присматривали маме. А по вечерам любили смотреть кино, это была американская классика 50-х – 60-х годов, наш любимый жанр.

И, конечно, сложив с себя обязанности заведующего кафедрой, Папа продолжал работать, не стал резко бросать коллектив, даже с учетом тяжести его болезни. Он считал это крайне непорядочным, сначала никому не говорить о болезни, а потом просто взять и резко уйти, даже не подумав о последствиях для кафедры. Уже находясь на больничном, он активно участвовал в работе университета. Несколько раз созванивался с ректором и с проректорами, и предметом разговоров был не он сам, а судьба родной кафедры, Института и его сотрудников.

За этот период мы написали большое количество самых разных документов, чтобы все дела кафедры для нового ее руководителя оставить не «в руинах». С осени 2020 года Марат Хабибович продолжал участвовать в работе лаборатории патриотического воспитания, занимался научной деятельностью, руководил дипломными работами бакалавров и магистрантов. И опять же, насколько он был ответственен и мужественен! Находясь в больнице, он мне звонил и давал распоряжения, к примеру, чтобы я следил, как продвигаются работы дипломников. А возвращаясь с лечения, фактически без всякого отдыха вновь садился работать, считая, что «дело – есть дело».

В декабре 2020 года Папа попал в реанимацию. Мы не имели с ним прямой связи. В этот момент я понял, что завершить его неоконченные рабочие дела – это уже мой долг. И я исполнил его. Все папины дипломники защитились с хорошими и отличными оценками. Я с надеждой ждал папиного возвращения, чтобы рассказать ему о том, что не подвел его. Но этого не произошло...

Оставив все эмоции, всю боль и всю злобу к несправедливости судьбы, я и моя мама так до конца не смогли и не сможем осознать происшедшее. Наверное, этого никогда не произойдет. Сейчас, возвращаясь мысленно к тому периоду, понимаю, что постоянно нас мучают вопросы: «а что если?», «может быть, надо было...» и так далее. Однако задавать их сейчас себе нет никакого смысла и еще бессмысленнее искать на них ответы. Жизнь так устроена, что ничего уже не изменишь.

В моих силах лишь распоряжаться собственным будущим, сохраняя память о дорогом отце, заботиться о маме, построить свою собственную крепкую семью, добиться успехов в профессии. Чтобы всё, чему посвятил Папа свою жизнь, было бы не зря. И я не подведу его! Он сможет мной гордиться так же сильно, как горжусь им я!

Научное издание

45 ЛЕТ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Сборник научных статей и воспоминаний, посвященный памяти
доктора исторических наук, профессора Янборисова Марата Хабибовича

29 июня 2021 г.

Публикуется в авторской редакции

Редакционная коллегия может не разделять мнение авторов

Компьютерная вёрстка Н.В. Богданова

Подписано в печать 11.06.2021 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 60 экз. Заказ 30.
Гарнитура «Times New Roman». Отпечатано в типографии
«ПЕЧАТНЫЙ ДОМЪ» ИП А.В. ВЕРКО.
Объем 11,36 п.л. Уфа, ул. Карла Маркса, 12, корп. 5.
т/ф: 27-27-600, 27-29-123